

Выпуск 2 (20), 2020

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2020. Вып. 2

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е. М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В. М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О. С. Горелов, канд. филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А. Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М. В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К. В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н. Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д. И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А. И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А. А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф. И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е. В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р. Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д. И. Польшанский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф. А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц. Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А. А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В. Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З. А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю. Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В. Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К. А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 37, к. 406
тел. (4932) 30-02-16
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2020. Issue 2

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications (Roskommnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

- E. M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V. M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O. S. Gorelov, Candidate of Science, Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)
A. Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M. V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K. V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocherkassk)
N. Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D. I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A. I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A. A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F. I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
E. V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)
R. Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D. I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F. A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
C. Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)
A. A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V. N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z. A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu. L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V. L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K. A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 37, office 406
tel. (4932) 30-02-16
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Горелов О. С. Акселерационистская и прокрастинаторская стратегии поэтического высказывания: ускорение и замедление медиа	5
Ермилова Г. Г. Провинция как духовно-культурный феномен: по страницам «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского	15
Киреева Е. З. К вопросу о содержании и границах субъективной модальности	22
Третьякова И. Ю. Проявление системности модификаций фразеологизмов в синхронии	27
Фокина М. А. Фразеологические единицы с процессуальной семантикой в повести А. П. Чехова «Дуэль»	32

История

Девятайкина Н. И. Творческий метод гуманиста Петрарки (На материале трактата «О средствах против превратностей судьбы»)	39
Уткин А. В., Костылёва Е. Л. Ритуальный «клад» финального энеолита с Ивановского болота (Ярославская область)	47
Манукян Э. М. «Из тоги в мантию»: способы и аспекты интеграции галло-римской аристократии в епископат в IV—VI веках	57
Юдин К. А. Контроль над детством по-американски: семейный кинематограф США в период «холодной войны»	68

Философия

Минева С. Грамотность, технологии и человек в цифровом обществе информации и глобализации	81
Артемьева А. А. Аскеза как антропологическая парадигма глобального экономического сознания	89
Смирнов Д. Г. Образ Русского медведя в системе российской экосемиотики: первое приближение	97
Серикова Т. Ю. Субъективная авторская реальность и ее роль в формировании онтологических оснований художественного творчества	104
Летина Н. Н. Актуальная культуросфера Ярославля: научно-образовательный дискурс	114

Рецензия

Евсеев В. А. Рецензия на кн.: ARS HISTORICA. Сборник трудов в честь Олега Федоровича Кудрявцева / сост. и отв. ред. А. К. Гладков. М.; СПб.: Центр гуманитарной инициативы, 2015. 566 с. (MEDIAEVALIA)	121
--	-----

Сведения об авторах	128
---------------------------	-----

Информация для авторов журнала «Вестник Ивановского государственного университета»	131
---	-----

CONTENTS

Philology

Gorelov O. S. Accelerationist and proscinator strategies of poetic statement: accelerating and slowing the media	5
Ermilova G. G. Province as a spiritual and cultural phenomenon according to the pages of the “Diary of a writer” by F. M. Dostoevsky	15
Kireeva E. Z. To the question of content and boundaries of subjective modality	22
Tretyakova I. Yu. The systematic approach to phraseological modifications in synchrony	27
Fokina M. A. Phraseological units with procedural semantics in A. P. Chekhov’s story “The duel”	32

History

Devyataykina N. I. Creative method of humanist Petrarch (On the material of the “Phisicke against fortune treatise”)	39
Utkin A. V., Kostyleva E. L. The ritual “hoard” of the final eneolithic from the Ivanovo bog (Yaroslavl’ region)	47
Manukyan E. M. “From the toga to the robe”: ways and aspects of the integration of gallo-roman aristocracy in the episcopate in IV—VI centuries	57
Yudin K. A. Control of childhood in the American: family cinema of the USA during the “cold war”	68

Philosophy

Mineva S. Literacy, technology and people in a digital society of information and globalization	81
Artemyeva A. A. Asceticism as an anthropological paradigm of the global economic consciousness	89
Smirnov D. G. Image of Russian bear in the system of Russian ecosemantics: first approximation	97
Serikova T. Yu. Subjective reality of the author and its role in forming the ontological foundations of artistic creativity	104
Letina N. N. Actual culturosphere of Yaroslavl: scientific and educational discourse	114

Review

Evseev V. A. Review on the book: ARS HISTORICA. The Collection of works in honor of Oleg Fedorovich Kudryvcev / Compiler and editor A. K. Gladkov. M.; SPb.: Center of humanitarian initiative, 2015. 566 p. (MEDIAEVALIA)	121
<i>Information about the authors</i>	128
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	131

УДК 821.161.1"20"-192
ББК 83.3(2)64

О. С. Горелов

АКСЕЛЕРАЦИОНИСТСКАЯ И ПРОКРАСТИНАТОРСКАЯ СТРАТЕГИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ: УСКОРЕНИЕ И ЗАМЕДЛЕНИЕ МЕДИА

В статье анализируются поэтические стратегии письма в новых медиа. Предлагается характеристика проекта современного поэта В. Банникова в контексте сюрреалистического наследия. В отличие от современных сюрреалистических групп Банников предлагает акселерационистский вариант взаимодействия с медиасредой. Признавая вслед за сюрреалистами, что медиа является средством массовой деморализации и контроля, поэт своей практикой только усиливает информационный, сексуальный, собственно поэтический переизбыток. Однако акселерационистская логика, согласно которой ускорение коренных процессов существующего порядка приведет к кризису и краху этого порядка, в какой-то момент приводит банниковский проект к новой утопии, а возможно, и к третьей стадии развития сюрреализма (после первой, классической и второй стадии 1960—70-х гг.). На этой стадии ускорение желаний, увеличение медиатизации субъектности, перепроизводство поэтического не противоречит идеям воображения и чуда. Специфика акселерационистского поэтического проекта Банникова демонстрируется через сопоставление со смежной поэтикой А. Черкасова, которому также свойственна поэтическая и стиливая мимикрия с устойчивым тяготением к *found poetry*, но который выбирает путь замедления, а не ускорения. В условиях замедления речи у Черкасова становится более возможной реализация прокрастинаторского бунта против окружающего переизбытка информации и диктата результативности. Но этот бунт направлен на обнаружение различных сбоев реальности, поэтому сама фигура прокрастинации в философском измерении начинает совпадать с фигурой акселерации.

Ключевые слова: сюрреалистический код, современная русская поэзия, медиа, Банников, Черкасов, дальнейшее чтение, поэзия найденных объектов.

© Горелов О. С., 2020

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00205 («Поэт и поэзия в постисторическую эпоху»).

2020. Вып. 2 •

O. S. Gorelov

ACCELERATIONIST AND PROSCRINATOR STRATEGIES OF POETIC STATEMENT: ACCELERATING AND SLOWING THE MEDIA

The article analyzes the poetic writing strategies in new media. The characteristic of the project of the modern poet V. Bannikov in the context of a surrealist heritage is proposed. Unlike modern surrealist groups, Bannikov offers an accelerationist version of interaction with the media environment. Recognizing after the surrealists that the media is a means of mass demoralization and control, the poet by his practice only enhances the informational, sexual, and actually poetic overabundance. However, the accelerationist logic, according to which the acceleration of the processes of the existing order will lead to a crisis and the collapse of this order, at some point leads the Bannikov project to a new utopia, and possibly to the third stage of the development of surrealism (after the first, classical, and second stages of 1960—70s). At this stage, the acceleration of desire, the increase in the mediation of subjectivity, the overproduction of the poetic does not contradict the ideas of imagination and miracle. The specifics of Bannikov's accelerated poetic project is demonstrated through a comparison with the related poetics of A. Cherkasov, who also has a poetic and stylistic mimicry with a steady tendency to the so-called 'found poetry', but who chooses a way to slow down rather than accelerate. In the face of a slowdown in speech, Cherkasov becomes more likely to realize a procrastination riot against the surrounding information overload and a dictate of effectiveness. But this riot is aimed at detecting various failures of reality, so the figure of procrastination in the philosophical dimension begins to coincide with the figure of acceleration.

Key words: surrealist code, contemporary Russian poetry, media, Bannikov, Cherkasov, distant reading, found poetry.

В декларируемых взглядах многих современных сюрреалистических групп оказывается достаточно элементов кибер-пессимизма, который основывается на представлениях прошлого. Постмедиаальная реакция на виртуализацию реального заключается в попытках сопротивления миру, в котором «все больше зрелища, больше виртуальных заместителей, больше *внешних проявлений фантазмов* (чтобы лучше очистить наше воображение от субъективности), больше религиозного повиновения и ужаса» [15, с. 369] (парижская группа сюрреалистов). До сих пор важнейшей травмой сюрреалистического движения постбретонского времени остается медиа- и сексуальная революция 1960-х годов. Избыток сексуальности в повседневных практиках и в медийных отражениях заставил сюрреализм в то время отказаться от прежних эротических возгонок; доступность удовлетворения желания начинает восприниматься как угроза для самого желания и воображения, для переживания чудесного в повседневном и для образа сюрреалистической женщины (собственно говоря, тема проституции, часто перифрастически выражаемая в образах куклы, автомата, киноаппарата, была проблемной уже для первого поколения сюрреалистов). В 1960-е, таким образом, начинается вторая стадия сюрреализма, которую можно назвать кондиционально консервативной.

Всплеск виртуализации в 2000-х породил точно такую же реакцию торможения от сюрреалистических групп, окончательно выявив проблему луддитства исторического сюрреализма. И если понимание медиа-ускорения

не как части прогресса, а как негативного эффекта капиталистического устройства мира укладывается в рамки левой ориентации движения, то институциональный изоляционизм может восприниматься как симптом консервативного или даже эссенциалистского застывания: «Оказывается, что сейчас есть те, кто называет себя неосюрреалистами, трансюрреалистами, массюрреалистами, кто изобретает другие раздутые -измы, но эти движения больше похожи на движение чьего-то эго на экране компьютера» [15, с. 365] (Группа сюрреалистов Лидса). Согласно современной установке на истинность отмечается постоянное искажение сюрреалистической идеи, но особенно в новой медиа-среде, в интернете: «Такие жалкие подобию сюрреалистической встречи порождают мнимое чувство общности, иллюзию коллектива в сознательном отрыве от опыта, без свойственных настоящему единству незащищенности и риска и без близости в поэтическом диалоге. Будучи результатом коллективной деятельности, сюрреализм требует гораздо большей вовлеченности, нежели интернет-форумы и чаты. Хотя Интернет и может быть доступным средством общения и новой удобной площадкой для демонстрации проявлений сюрреализма, его применимость ограничена и сильно переоценена. Интернет имеет свойство делать информацию однородной и глобальной, что может принизить ее значимость до того, что лежит на поверхности и пассивно потребляется...» [15, с. 365]. Однако их собственный консерватизм приводит к выпрямлению, приведению к однозначности изначальной теории: «Мы, сюрреалисты, всегда будем *предпочитать реальность* и насыщенную повседневную жизнь *виртуальным иллюзиям*, материальность мест посредственности киберпространства» [15, с. 366]. Это в какой-то степени обуславливается одномерностью (скорее всего не без влияния идей Г. Маркузе) человека и мира: «С одной стороны, зажатые наемным рабством, постоянно требующим от нас невозможного, заставляющим наши сдавленные голоса петь хвалу корпорациям, с другой — с предустановленным эскапистским развлечением (рисованием “сюрреальных” картин с помощью новых программ?), мы предполагаем, что настало время *быть невозможными и требовать больше реальности*» [15, с. 366]. Такова позиция исторического сюрреализма постбретонского созыва в ситуации общества Спектакля.

Стратегия современного поэта В. Банникова относительно медиа вступает в конфронтацию с позицией многих сюрреалистических групп 2000-х годов. Эту стратегию можно было бы назвать *акселерационистской*. Признавая вслед за сюрреалистами, что «реклама, медиа и культура являются средствами массовой деморализации и контроля», что «взлеты и падения художников — просто ее часть» [15, с. 385], Банников своей практикой только усиливает информационный, сексуальный, собственно поэтический переизбыток. Однако акселерационистская логика, согласно которой ускорение коренных процессов существующего порядка приведет к кризису и краху этого порядка, в какой-то момент приводит банниковский проект к новой утопии, а возможно, и к третьей стадии развития сюрреализма. На этой стадии ускорение желаний, увеличение медиатизации субъектности, перепроизводство поэтического не противоречит идеям воображения и чуда. Субъект такого поэтического высказывания, а точнее записывания преодолевает прежнюю риторику, становясь неким новым титаном своей эпохи, «титаном эпохи

возбуждения» (2018, 91)¹. Можно согласиться с В. Бородиным, что «Эпоха Возбуждения» может быть вполне точным определением новейшей ситуации русскоязычной поэзии. При этом концепт возбуждения видится контаминацией желаний, потенциала сексуальной революции и постоянного сенсорного и кинестетического реагирования на возбудителей виртуального и реального пространств.

Акселерационистскую позицию не получается полностью ассоциировать с фигурой поэта-мема, который, по мысли Н. Сунгатова, пытается «присвоить и объективировать хаотический язык сетевой (дис)коммуникации и довести его до коллапса», становясь поэтом-котиком, в том смысле, что «кот заслоняет код», а «коммуникация требует не вербализации, но как можно скорейшей передачи эмоции», и «чувственные данные резко вырастают в цене» [14, с. 4]. Фигура титана уже не отсылает к антропоцентризму и нарциссическому комплексу поэзии. И для этого Банников использует ироническую деконструкцию медийного образа (культивируемый им ЗОЖ) и собственно «автоматическую» ампутацию, увеличивающую микро-объекты, среди которых многочисленные тексты и текстики, стихи и стишки. Именно поэтому акселерационистский образ поэта всегда дополняется то постконцептуалистской частной открытостью: «внутри как школьник, а снаружи / снаружи как дошкольник» (2013, 11), то сюрреалистической открытостью уже не только повседневному, но и каждодневному чуду — в таком случае каждодневное появление стихов воспринимается как «радостный и неподдельный след жизни» (В. Бородин).

Специфика акселерационистского поэтического проекта Банникова может быть лучше понята через сопоставление со смежной поэтикой (смежность здесь скорее в смысле сюрреалистической метонимии как сближения далекого). Таковой можно считать поэтику А. Черкасова, которому также свойственна поэтическая и стилевая мимикрия с устойчивым тяготением к found poetry, но который выбирает путь замедления, а не ускорения. Одним из устойчивых элементов его текстового пространства являются паузы — обилие стиховых, графических пауз и отбивок, нарушающее синтаксическую протяженность (знаков препинания почти нет, в строке обычно не больше трех слов). Паузы и пустоты как приемы прямого действия, а также узкий динамический регистр, стремящийся к тихому произношению, характеризуют и авторское чтение стихов Черкасовым. Отчетливое воздействие минимализма делает опыт неоконцептуального сюрреализма Черкасова необычным, поскольку поэты «концептуалистской школы», как это описывает П. Стивенс в работе «Поэтика информационного переизбытка»², действуют обычно все же через увеличение скорости и умножение практик.

Черкасов, как и Банников, часто обращается к проблеме труда и абсурдизирующей машинерии, изображая посткапиталистический пейзаж, где неизменно «лампы дневного света / продолжают работу» и в принципе «все в порядке» [19], а субъект механически повторяет «я не устал / я иду» [16,

¹ Тексты В. Банникова цитируются по тем вариантам, которые автор разместил на своей странице ВКонтакте: <https://vk.com/vadimkabanyas>. В скобках указывается год и авторская нумерация текста или первая строка стихотворения. Орфография и пунктуация авторские.

² См.: [20, p. 153—176].

с. 79]. Банников переводит такие ситуации в конкретику комнатного пространства, в котором на компьютере свершается литературный труд³:

слышится, это не предательский компьютер рабочий
но то место, что внутри и близко с тобой стрекочет
и на работу хочет, трещит фигура речи
звёзды падают, конвейер безостановочно выпихивает табуретки
(2013, 83).

Радикальный дюшановский отказ от труда невозможен в контексте акселерационистского проекта, однако сами категории труда, вкуса, качества постоянно подвергаются сомнению: «славный сон, изнемогаю / не болтаюсь, но и то / трудно написать ногою / ради вкуса и труда» (2013, 18). В условиях замедления речи у Черкасова становится более возможной реализация прокрастинаторского бунта против окружающего переизбытка информации и диктата результативности. Этот бунт направлен на обнаружение различных сбоев реальности: «на бесславный автобус / поджигать ли билет? // на бесславный автобус / в государство дёсен и скул» [16, с. 7]; «весёлый водовоз / в новом качестве // ядро / кедра / в отделе специй» [16, с. 39]. Несмотря на то, что «сновидческая / наивность / сейчас не в чести» [16, с. 18], Черкасов акцентирует микро-моменты деформации обыденного: «пристанционный буфет повторно цветущий» [16, с. 28]; «жидкое тело / ждёт / плывёт / растительный свет / дети и женщины / плетут венки и корзины» [16, с. 29]; «новая чудо-форма / схема движения / в каждой капле / будущее открыто / до 5 утра» [16, с. 45]; «по дороге / теряли свойства / обменивались состояниями // вернувшись / пускались плясать / не оставляя следов» [16, с. 70]. Случайные объекты, обступаемые паузами, переходят в разряд риторических формул, открытых для воздействия минималистских смещений: «контейнер мягкий / и значки // процесс / восстановления // только в апреле» [16, с. 52]; «усталое / золото / чистых линий / на всём пути / следования» [16, с. 63]; «для искушённых / место / нашего производства / осторожно находится» [16, с. 54]. Кумулятивный порядок минимализма («не ведают / что растворять / в кристалле страшном / усталые посетители / трезвые грузчики / продавцы шейных отделов») нарушается пустотностью контекста, в котором повисают слова-канцеляриты, формульные фразы, приобретающие экзистенциальное измерение, и абстракции, наоборот, теперь тяготеющие к конкретике («или просто держат себя / убедившись в отсутствии / посторонних» [16, с. 75]). Сама фигура прокрастинации в философском измерении начинает совпадать с фигурой акселерации и пониматься как «сопротивление требованию вступить в соединения, порождающие новое (которое может быть подвергнуто немедленной квантификации, делающей его пригодным для конкурентного сравнения с другими видами нового и творческого), путем вступления в *соединения принципиально бесплодные*» [13].

В поисках принципиально бесплодных соединений и находок Черкасов не ограничивает потенциальный материал для своей found poetry: газеты, поэтические тексты, интернет, академические издания. Специфика применения этого метода в первой книге стихов «Легче, чем кажется» (2012) — в деликатности по отношению к литературной традиции (или инерции). Коллаж

³ Тексты Банникова публиковались в номере альманаха «Транслит», посвященном как раз теме литературного труда.

с продолжающими свою работу лампами дневного света может прочитываться и как элегия (но не классическая, а технотронная [7]). Подобный жест демонстрирует Бретон в манифесте сюрреализма: «позволительно будет назвать *поэмой* текст, полученный путем самого что ни на есть *произвольного соединения* <...> различных заголовков и их фрагментов, вырезанных из газет» [5, с. 68]. Приведенный пример такой поэмы сильно напоминает неоконцептуалистский или машинный текст 2000—2010-х годов.

В дальнейшем в качестве собственного автоматизма Черкасов использует технику блэкаут, которая позволяет осуществлять еще более «децентрализованное наблюдение» и учащать встречи с объективным случаем. Отчасти это пересекается с понятием *acte gratuit* А. Жида, подхваченное сюрреалистами, — «бесплатный», немотивированный, свободный акт, при котором субъект практически устраняется. Также и в блэкауте «субъект вычеркивает не для того, чтобы утвердить в вычеркивании себя, но чтобы поставить себя под вопрос, то есть скорее обозначить то, чем он не является в вычеркиваемом тексте» [11, с. 427]. Такие находки — обычные вещи, обычные «предметы нашей общественной игры» [2, с. 89] или фрагменты речи — становятся чистым *изобретением*, по Арагону. Отсутствие в них «разумного интереса» переводит эти объекты в раздел воображаемого, и запускается механизм сюрреального: «Так, установленная на тротуаре спичка подобно комете запускается в комнату одним-единственным щелчком; а если три спички поставить портиком на спичечную коробку и зажечь посередине поперечную спичку, то вся конструкция полетит, и т. д. Чистые изобретения, для которых никто не ищет ни утилитарного применения, ни даже иллюзии применения, и являются непосредственным воплощением сюрреалистического юмора вне его специальных мизансцен» [2, с. 89—90]. Такие находки, в том числе непоэтические — абсурдные и/или абстрактные фрагменты, образуемые урбанистическими предметами, встречей цветовых пятен или фактур, — Черкасов также фиксирует в своих фотографиях, которые размещает на своей странице в Фейсбуке. Рецептивно эти объекты вызывают чувство сомнения. Еще Бретон называл свои стихи «*coups de sonde*» («запуски зонда»), «и очень большая часть этих запусков зонда приносила, по его мнению, очень мало того, что поддается интерпретации... Перед их “образами” он делал широкий жест рукой — выражающий сомнение, во всяком случае, жест вопросительный...» [1, с. 232].

Актуализация таких жестов сомнения как реакции на случайную встречу с сюрреальным в постинтернет-ситуации может корректироваться изменениями в эстетическом опыте нового субъекта. М. Куртов определяет это режимом растерянности: «В интернет-повседневности растерянную чувственность воплощают, например, картинки с тегом *unexplainable* или посты и твиты (репосты и ретвиты) с сопроводительными комментариями в виде аббревиатуры WTF или фразы “что происходит?” и тому подобными. Во всех этих случаях авторы, как кажется, вполне способны развернуть свою эмоцию, свой жест (что впоследствии нередко и происходит на этапе обсуждения поста или твита), но *притормаживаются* в этом чувстве или жесте, оставляя самих себя и читателя/слушателя/зрителя в подвешенном состоянии» [10]. Эти встречи лишь отдаленно напоминают эффект полноценного контакта с прекрасным, чудесным, сакральным, который был доступен субъекту в ситуации сильной метафизики. Постметафизическая отмена бога как гаранта

смысла приводит, как пишет Куртов, к «слабой эстетике». Именно такими гипозэстетическими всплесками оказываются и сюрреалистические находки, которые могут выражаться разными средствами, в частности, с помощью блэкаута. Сюрреалистические «всплохи поэтической красоты в повседневной жизни, которые мы называем Чудесным» [15, с. 378], в ситуации постметафизики могут найти подкрепление в новой утопии, оставляя фигуру божественного за скобками, но уже утопии гипозэстетического. Заражаясь в медиасреде вирусами и «микробами случайности» [6, с. 323], субъект в состоянии наблюдения может только фиксировать, как эти «находки» (*acte gratuit*) встречают его сами: «Слабая эстетика исторически восходит к эстетике редимейдов и *found objects*, “найденных объектов”. Но от последних гипозэстетические объекты отличает то, что они сами нас находят или сами себя производят (как, например, записи автомобильных видеорегистраторов или глитч в видеоиграх) и они не нуждаются для своего существования в “топосах” (символических пространствах, подобных музею)» [10].

Текстовые, словесные постинтернет-находки обнаруживаются Черкасовым путем стирания «лишних» слов, устранения помех, понимаемых крайне расширительно. Блэкаут (зачеркивание лишнего) Черкасова довольно быстро технически стал скорее вайтаутом (стирание, выбеливание лишнего), создающим пустые пространства страницы с нечастыми вспышками слов, по принципу, описанному когда-то самим поэтом: «все слова / в невесомости / сами собой» [16, с. 67]. В качестве механизма диалектического движения, не позволяющего поэтике окончательно остановиться, зависнуть в паузе, выступает смена материала. Так, цикл «Из стихов Лики Тилом» содержит тексты-выжимки из фейкового аккаунта *Lika Tilom*, «который был заполнен бесконечными ссылками на порно-ролики и автоматически сгенерированными оптимизационными текстами, сопровождающими эти ссылки. Тексты представляли из себя сплошное полотно из произвольно перемешанных слов, взятых, видимо, из описаний этих самых роликов и других видео, циркулирующих по социальным сетям» [18]. Получившиеся тексты в каком-то смысле тоже являются вайтаутом, они содержат не больше трех строк, в которых сталкиваются речевые объекты, которые не должны были встретиться в своей «естественной», захлавленной словами среде: «лесбиянки рф / танцующие молоко»; «зимняя спина / газель коды»; «пар спящий в очках на природе / школьницей в постели»; «бесплатный день / скрытый отец» и др. Другим примером является книга, выпущенная ограниченным тиражом, «Домашнее хозяйство», являющаяся вайтаутом советской «Краткой энциклопедии домашнего хозяйства» (1959). Слова, которые оставляет Черкасов, повисают на своих местах, пока типичный для энциклопедии набор текста в две колонки исчезает, «все лишнее стерто, выделено <...>, порядок следования листов случаен и меняется в каждом экземпляре» [17]. Теснота страничного ряда обнаруживает новые связи и рифмы между словесными объектами. Интерес сюрреалистов к составлению энциклопедий здесь трансформируется сообразно философии случайности и «словарей» в духе Р. Рорти. Эволюция сюрреального разворачивается от доверия к некоему «окончательному» словарю до понимания условности словарей, их случайности (уже скорее контингентности).

Акселерационистская стратегия Банникова в медиа отзывается и в режимах чтения его стихов. Скоростное «видение без взгляда», автоматическое каждодневное записывание ведет не столько к новой поэтической программе,

сколько к новой технике чтения. Так, проект Банникова провоцирует на применение новых литературоведческих технологий, в частности, он идеально подходит и как будто специально создан для различных вариантов дистантного или дальнего чтения, пионером которого является Ф. Моретти. Этот способ чтения изначально мыслился как возможность с помощью количественных компьютерных методов анализа больших данных (большого корпуса текстов) добраться до «великого непрочтенного» мировой литературы, то есть тех многочисленных текстов, которые не оказались в центре того или иного канона и остаются до сих пор непрочитанными, забытыми. Визуализированные количественные результаты Моретти провоцируют ситуацию сюрреалистского *созерцания невидимого*, но только уже не в пространстве художественного вымысла, а в филологической практике, научного познания: все, что появляется на интерфейсе нового литературоведа, получено в обход пристального чтения самим литературоведом, поэтому, пишет Моретти, «эти изображения представляют то, что “не видел никто никогда”. <...> В “невидимых объектах” <...> литература не только выглядит иначе, чем мы привыкли, но и больше не “говорит” с историком: она остается совершенно неподвижной — даже инертной — до тех пор, пока ей не будет задан правильный вопрос. Таким образом, эпистемологическая несхожесть субъекта и объекта содержит в себе зерно и потенциал для критики» [12, с. 220]. Обращение к невидимым объектам П. Арсеньев связывает со спекулятивным поворотом в современном литературоведении, отсылающим к критике корреляционизма. Однако движение к достоверным внешним объектам литературы останавливается на самих медиа, средствах сбора и картографирования информации: «Графики должны были сказать что-то о социальной истории или культурной географии литературы, но неожиданно они оказались слишком интересны — как эпистемологические объекты нового типа — сами по себе (и, кроме того, весьма красивы). Мы двигались к “общей картине” литературы, но в конце этого пути набрали на намного более интересный объект, “который не видел никто и никогда”» [3, с. 32]. Уместным оказывается использование фразеологического оборота «не видеть леса за деревьями» в контексте метода дальнего чтения: «Легкость доступа оборачивается “информационными перегрузками” и отмиранием способности “за деревьями видеть лес”» [3, с. 16]. Однако анализ образного ряда Банникова показывает, что сама поэтика выдерживает герменевтическую задачу по удержанию целого и его частей, что никак не меняет положение дел читателя, вглядывающегося в темноту топографической структуры необозримых текстов.

Читатель Банникова «ощупывает слона» (Д. Суховой) каждый раз с разных сторон. Различные подборки его стихов структурируются определенным образом самим издателем-читателем. Кураторскими выставками невидимого оказываются и две книги стихов Банникова: «Я с самого начала тут» (2016), составленная Н. Сунгатовым, и «Необходимая борьба и чистота» (2017), составленная Д. Крюковым. Если первая книга, что логично, представляет по возможности разные грани Банникова, является введением в тему, которое видится пропилеями, поставленными перед заснеженным полем, то вторая книга уже более прицельно демонстрирует один из голосов, который мог бы восприниматься как центральный. Денис Крюков, отмечая, что видит в потоке Банникова «очертания сразу нескольких поэтических книг. Первая — лирическая, вторая — “панковская”, третья — экспериментальная

и четвёртая под условным названием “Портреты участников литературного процесса”» [9], выпустил в качестве «главной», первой именно лирическую. «Необходимая борьба и чистота» оказалась книгой сюрреалистических гимнов любви, не лишенной интертекстуальных переключек с другими поэтами сюрреалистического кода. Так, неряшливость автоматизма и объективный случай визионерских находок в биоморфных лесах совсем неслучайно вводит аронзоновскую линию. Поздний Аронзон также экспериментировал с «плохим» письмом, не убирая интроспективный лиризм с изломами. Так, по-аронзоновски звучит медитативная итерационность в регулярном стихе Банникова:

я буду яблочком на тёплом потолке
 весь мягкий сон в волосяной жилетке
 стекло моё, ослепшее от ветки
 сияет сединою всех лесов
 где бабочка упала на песок

мы стоим кичек, что в ушах свербят
 всего, что есть на свете, что сиренев
 где бабочка упала на песок
 сияет сединою всех лесов
 стекло моё, ослепшее от ветки [4, с. 58].

Погружение и перманентная трансгрессия внутри обыденного пространства в этой книге стихов подключает «боковую линию» русской литературы, например, в некоторых текстах слышится проза А. Николева: «я там, в убогой тьме россий / в окраинах до океана / я вижу звёзды, лошадей- / теней бесчисленные крупы» [4, с. 25]. Обращает на себя внимание и «сконструированность из клише модернистской поэзии, условных Хлебникова-Мандельштама-Аронзона, образные системы которых были доведены до психоделического предела» [8].

Так или иначе, при чтении книг стихов или подборок на сайтах возникает особое ощущение: каждому отдельному читателю изначально доступны все тексты Банникова в соцсетях, а все, что опубликовано, оказывается частью айсберга, который — условное «рукописное» измерение — «доступен», хотя это скорее всего лишь «код доступа» (в этом Банников преодолевает эксперименты позднего сюрреализма, группы УЛИПО, в частности, Р. Кено). Книга перестает быть актом выхода автора к читателю, но только отдельным, дополнительным актом институционального утверждения или издательского/кураторского высказывания. Выход к читателю уже совершен и неостановимо (неустанно) свершается, даже приобретая черты насилия (особенно при акселерационистской стратегии), но и отчасти возвращая произведению беньяминовскую «ауру».

Список литературы

1. Андреев Л. Г. Сюрреализм. М.: Гелеос, 2004. 352 с.
2. Арагон Л. Тень изобретателя // Антология французского сюрреализма. 20-е годы / сост. С. А. Исаев, Е. Д. Гальцова. М.: ГИТИС, 1994. С. 86—90.

3. *Арсеньев П.* Видеть за деревьями лес: О дальнем чтении и спекулятивном повороте в литературоведении // НЛЮ. 2018. № 2. С. 16—34.
4. *Банников В.* Необходимая борьба и чистота / сост. Д. Крюков. М.: Белый Ветер, 2017. 76 с.
5. *Бретон А.* Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века / сост. Л. Г. Андреев. М.: Прогресс, 1986. С. 40—72.
6. *Бретон А.* Второй манифест сюрреализма // Антология французского сюрреализма. 20-е годы / сост. С. А. Исаев, Е. Д. Гальцова. М.: ГИТИС, 1994. С. 290—342.
7. Книжная полка А. Штыпеля // Новый мир. 2012. № 9. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2012_9/Content/Publication6_687/Default.aspx (дата обращения: 30.01.2020).
8. Книжная полка Дениса Ларионова // Новый мир. 2017. № 8. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2017_8/Content/Publication6_6705/Default.aspx (дата обращения: 17.01.2020).
9. *Комадей Р., Глазова А., Кузнецова И.* и др. Отзывы [о Банникове] // Воздух. 2018. № 37. URL: <http://www.litkarta.ru/rus/projects/vozdukh/issues/2018-37/bannikov-opinions/> (дата обращения: 19.01.2020).
10. *Куртов М.* Рассеянность, растерянность, пористость: три режима эстетического // Colta.ru. 2016. URL: <https://www.colta.ru/articles/raznoglasiya/11653-rasseyannost-rasteryannost-poristost-tri-rezhima-esteticheskogo> (дата обращения: 30.01.2020).
11. *Мартынов М. Ю.* Особенности конструирования субъекта в «поэзии вычеркиваний» // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика. Berlin: Peter Lang Verlag, 2018. С. 425—440.
12. *Моретти Ф.* Дальнее чтение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 352 с.
13. *Резев Й.* Тезисы о прокрастинации // Художественный журнал. 2013. № 92. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/6/article/54> (дата обращения: 30.01.2020).
14. *Сунгатов Н.* Застой / быстрые коммуникации // Транслит: литературно-критический альманах. СПб., 2020. № 22.
15. Сюрреализм. Воззвания и трактаты международного движения с 1920-х годов до наших дней / сост. Ги Жирар. М.: Гилея, 2018. 448 с.
16. *Черкасов А.* Децентрализованное наблюдение: Книга стихов. М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2014. 80 с.
17. *Черкасов А.* Домашнее хозяйство. Избранное из двух колонок. М.: Tango Whiskyman, 2015. (Без пагинации).
18. *Черкасов А.* Из стихов Лики Тилом // Полутона. 2018. URL: <https://polutona.ru/?show=0716140209> (дата обращения: 30.01.2020).
19. *Черкасов А.* Ревизия 2006—2013 // Полутона. 2015. URL: <https://polutona.ru/?show=0603150152> (дата обращения: 30.01.2020).
20. *Stephens P.* The Poetics of Information Overload: From Gertrude Stein to Conceptual Writing. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2015. 240 p.

УДК 821.161.1"18"
ББК 83.3(2=411.2)52-8,43

Г. Г. Ермилова

**ПРОВИНЦИЯ КАК ДУХОВНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
ПО СТРАНИЦАМ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Статья посвящена исследованию важной для «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского теме русской провинции, почти не затронутой в научной литературе. Установлена география провинции (Минск, Киев, Кишинев, Белград, Курск, Калуга, Москва, Санкт-Петербург, Казань, и рядом — деревня Малый Прикол Суджинского уезда Курской губернии, слобода Голодаевка близ Новочеркасска, село Кирсановка Самарской губернии, городок Крестун Новгородской губернии, городок Новохоперск), в рамках которой автор «Дневника писателя» совершает свои наблюдения и выводы. Определен социальный, интеллектуальный, территориальный круг корреспондентов Достоевского, с которыми он с разной степенью активности общался. Провинция для него — не просто и не только географическое образование, но духовный и культурный феномен, с которым он связывает важнейшие религиозно-философские воззрения. Отмечая в современной России тенденцию апокалиптической энтропии, грозящей стране необратимым провалом, он в то же время настойчиво, с неослабевающей надеждой ищет собирательные, центроостремительные силы в провинции, прежде всего. Одними столицами Россия не спасется — это его глубокое убеждение, нужно услышать глас всего народа.

Ключевые слова: Достоевский, «Дневник писателя», провинция, провинциализм, сепаратизм, обособление, восполнение.

G. G. Ermilova

**PROVINCE AS A SPIRITUAL AND CULTURAL PHENOMENON
ACCORDING TO THE PAGES OF THE “DIARY OF A WRITER”
BY F. M. DOSTOEVSKY**

The article is devoted to the study of the Russian province, which is important for the “Diary of a writer” by F. M. Dostoevsky, and almost untouched in the scholarly literature. Established is the geography of the province (Minsk, Kiev, Chisinau, Belgrade, Kursk, Kaluga, Moscow, Saint Petersburg, Kazan, and near the village of Maly Prikol Sudjinsk County Kursk province, Sloboda Golodaevka near Novocheerkassk, village Kirsanovka of the Samara province, the town of Creston the province of Novgorod, the town of Novokhopersk), in which the author of the “Diary of a writer” makes his observations and conclusions. The social, intellectual, and territorial circle of Dostoevsky’s correspondents, with whom he communicated with varying degrees of activity, is defined. For him, the province is not just a geographical formation, but a spiritual and cultural phenomenon, with which he connects the most important religious and philosophical views. Noting the trend of apocalyptic entropy in modern Russia, which threatens the country with irreversible catastrophe, he is at the same time persistently, with unflagging hope, looking for collective, centripetal forces in the province, first of all. Russia will not be saved

© Ермилова Г. Г., 2020

by capitals alone — this is his deep conviction, we need to hear the voice of all people.

Key words: Dostoevsky, the “Diary of a writer”, province, provincialism, separatism, segregation, replenishment.

«Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в своем состоявшемся жанровом статусе моножурнала сложился в 1876—77 годах. Успех этого необычного, практически неслыханного в России издания превзошел все ожидания автора: по его свидетельству за два года издания «Дневника» им были получены сотни читательских писем. И. Л. Волгин, опубликовавший часть этих писем, насчитал их более двухсот, а тираж журнала превзошел шесть тысяч экземпляров [2, с. 173]. В объединенном майско-июньском номере «Дневника» за 1877 год его автор писал: «За всё время издания моего «Дневника» я получил и продолжаю получать много писем, подписанных и анонимных, столь для меня лестных и столь одобрявших и поддерживавших меня в труде моем, что, прямо скажу, я никогда не рассчитывал на такое всеобщее сочувствие и никогда не считал себя достойным того. Эти письма я сберегу как драгоценность» [1, т. 25, с. 126]. Завершая, как ему тогда представлялось, издание «Дневника» на время, подводя итог двухлетней непрерывной работы, он в одном из частных писем, обращаясь к своему адресату, с удовлетворением отметил: «Вы не поверите, до какой степени я пользовался сочувствием русских людей в эти два года издания. Письма одобрительные, и даже искренно выражавшие любовь, приходили ко мне сотнями. С октября, когда объявил о прекращении издания, они приходят ежедневно, со всей России, из всех (самых разнородных) классов общества, с сожалениями и просьбами не покидать дела. Только совестливость мешает мне высказать ту степень сочувствия, которую мне все выражают. И если б Вы знали, сколькому я сам научился в эти два года издания из этих сотен писем русских людей» [1, т. 29, кн. 11, с. 179].

В этом признании существенны два момента: во-первых, указание на сословно-классовую и географическую многосоставность полученных писем, во-вторых, на диалогический характер общения с читателями. Затеявая «Дневник писателя», Достоевский мечтал о всеобщем, а на его основе всеславянском и даже, когда «восполнятся» времена и сроки, всеевропейском братском единении людей. Понимая несбыточность мечты своей, и вместе с тем ее необходимость в деле духовного обновления русского человека и человечества, он в качестве одной из причин, препятствующих ее осуществлению, указывал на «наше» (имея в виду интеллигентов) незнание России, возникшее в результате двухсотлетней оторванности высших слоев общества от народа. Мысль эта: «Мы не знаем Россию», «Мы должны учиться России» — бесконечно варьируется на страницах «Дневника писателя». Понятна гордость его автора, преуспевшего в достижении своей цели: немая, бессловесная, как тогда казалась многим образованным людям, Россия вдруг заговорила, беспредельно географически расширив и духовно-культурно усложнив привычную картину мира. Тут нужно было одно из двух: или пренебречь этой многоголосой речью, признав ее провинциальной, незрелой, либо с ослабевающим вниманием вслушиваться в нее, рискуя при этом даже утратой дорогих верований.

Достоевский выбирает второе.

География этих откликов на «Дневник писателя» чрезвычайно разнообразна: здесь Минск, Киев, Кишинев, Белград, Курск, Калуга, Москва, Санкт-Петербург, Казань, и рядом — деревня Малый Прикол Суджинского уезда Курской губернии, слобода Голодаевка близ Новочеркаска, село Кирсановка Самарской губернии, городок Крестун Новгородской губернии, городок Новохоперск... Столь же исчерпывающе разнообразна и социальная характеристика авторов этих писем: здесь и вице-губернатор князь Н. Н. Голицын, и инспектор духовной Академии М. А. Юркевич, и педагог В. В. Михайлов, и провинциальный доктор В. В. Каверин, и студент А. А. Перфирьев, и дочь богатого купца А. Ф. Герасимова, и крестьянин Новгородской губернии (как он себя аттестует «смотритель топлива» на станции Динабург) В. Ф. Соловьев, и многочисленные рядовые русские интеллигенты.

Но этого мало. Достоевскому нужно было еще вслушаться в живую речь русского простонародья. По его признанию, летом 1877 года он изъездил по России «до четырех тысяч верст» [1, т. 25, с. 170], пытаясь уловить главенствующий тон народного чувства в отношении самого важного для него Восточного вопроса. Ссылок на «мнение народное», услышанное им из первых уст, в «Дневнике» множество.

Но и это еще не все. На страницах «Дневника» Достоевский впервые публично заговорил лично о себе, о своих детских и каторжных воспоминаниях; и все для того, чтобы сделать авторитетным свое право говорить об идеалах русского народа. Так, горячо полемизируя со всеми, кто считает русский народ находящимся на стадии растительного существования, не знающим и не понимающим учения Христа, Достоевский отвечает: «Этот “развратный” и темный народ наш любит, однако же, смиренного и юродивого: во всех преданиях и сказаниях своих он сохраняет веру, что слабый и приниженный, несправедливо и напрасно Христа ради терпящий, будет вознесен превыше знатных и сильных, когда раздастся суд и веление Божие. Народ наш любит тоже рассказывать и всеславное и великое житие своего великого, целомудренного и смиренного христианского богатыря Ильи Муромца, подвижника за правду, освободителя бедных и слабых, смиренного и непревозносящегося, верного и сердцем чистого. <...> Народ наш чтит память своих великих и смиренных отшельников и подвижников, любит рассказывать истории великих христианских мучеников своим детям. Эти истории он знает и заучил, и я сам их впервые от народа услышал, рассказанные с проникновением и благоговением и оставшиеся у меня на сердце» [1, т. 25, с. 69—70]. В другом месте, объединяя детские и каторжные впечатления, по поводу любимых народом и не знаемых интеллигентами Четьи-Миней он восклицает: «Есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказниц о житиях святых. Рассказывают они из Четьи-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишнего слова от себя, и их заслушиваются. Я сам в детстве слышал такие рассказы прежде еще, чем научился читать. Слышал я потом эти рассказы даже в острогах у разбойников, и разбойники слушали и вздыхали. Эти рассказы передаются не по книгам, а заучились изустно. В этих рассказах, и в рассказах про святые места, заключается для русского народа, так сказать, нечто покаянное и очистительное» [1, т. 25, с. 215].

Эта опора на разнообразнейшие письменные и устные источники и помогала Достоевскому осветить многообразные уголки русской (провинциальной в том числе) жизни, не затронутые ни печатью, ни литературой. Себя он называл писателем, «одержимым тоской по текущему», «летописцем»

становящейся, а не установившейся жизни, каким он считал Льва Толстого. Открывая январский выпуск «Дневник писателя» за 1877 год, он сделал программное заявление: «Огромная часть русского строя жизни осталась вовсе без наблюдения и без *историка*. По крайней мере, ясно, что жизнь средне-высшего нашего дворянского круга столь ярко описанная нашими беллетристами, есть уже слишком ничтожный и обособленный уголок русской жизни. Кто же будет *историком* остальных уголков, кажется, страшно многочисленных?» [1, т. 25, с. 35]¹.

М. Л. Семанова предположила, что в этих строках содержится предсказание о скором появлении в нашей литературе писателя чеховского типа [3, с. 45]. Если это справедливо, то автора «Дневника писателя» можно считать одним из тех, кто подготовил это появление, кто одним из первых в пореформенной литературе заговорил о провинции не как о досадном и досаждающем, в известной степени, экзотическом приложении к столичной жизни, а как о явлении, без которого не разрешимы исторические судьбы страны. Провинциальной теме Достоевский с самого начала придал общерусский масштаб, развернув на ее материале глобальные религиозно-философские, исторические проблемы.

Но в отличие от Чехова, он рисует провинциальную жизнь столь же интеллектуально напряженной, что и жизнь столичную. Он спорит с теми, кто винит провинцию в бездеятельности, пассивности, кто, как позднее Чехов, доминирующим настроением провинциальной жизни считает скуку. Напротив, отмечает автор «Дневника писателя», никогда ранее не замечалось такого беспокойства, такого желания немедленного разрешения общественных вопросов, как в новое время. Да и вообще в творчестве Достоевского, в «Дневнике» в том числе, нет скучающих героев, есть герои тоскующие. Тоска у Достоевского — есть томление отпавшей от целого части, и, следовательно, несет, пусть в «подкладке», устрояющее, гармонизирующее начало; ситуация универсальная в его художественном мире. Даже Ставрогин, из всех типологически близких ему героев, сделавший наиболее решительный шаг в сторону скуки, испытывает это высокое беспокойство (вспомним его сон о «золотом веке»).

Безусловно, жизнь провинции интересовала Достоевского задолго до начала издания им «Дневника», достаточно здесь напомнить о его сибирском жизненном опыте, отчасти запечатленном в «сибирских повестях» «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», «Записках из Мертвого дома». Но здесь эта тема присутствует в качестве сопутствующей, в «Дневнике писателя» ей придан несомненный автономный статус. Если в ранней послекаторжной прозе Достоевский лишь прикоснулся к ней, то теперь он стал ее «*историком*».

В январском выпуске «Дневника» за 1877 год, обращаясь к своим многочисленным корреспондентам и давая обещание ответить на некоторые заинтересовавшие его письма, он отметил тот интерес, который представляют эти письма не только для него лично, но и для понимания «нашего русского умственного теперешнего настроения». И заметил, что в этих письмах прослеживаются характерологические черты не только по возрастам, по полу, по сословиям, но «даже по местностям России» [1, т. 25, с. 89].

¹ Здесь и далее все выделения курсивом принадлежат автору, жирным шрифтом — мне. — Г. Е.

Устойчив и постоянен интерес автора «Дневника» к провинциальной печати. В записных тетрадах 1876 года находим отметку для себя, на память: «О местной печати. Пересмотреть газеты непременно» [1, т. 24, с. 130]. Особое внимание Достоевского привлек провинциальный альманах «Первый шаг», изданный в Казани в 1876 году, содержащий художественные произведения, этнографические и исторические очерки, литературно-критические статьи литераторов Поволжья. Книга эта получила неоднозначную оценку столичной печати: «Отдавая должное отдельным напечатанным <...> произведениям, рецензенты осуждали позицию обособления провинции и нападки на столичную печать» [1, т. 23, с. 357]. Ища поддержки у авторитетного для него автора «Дневника писателя», редактор «Казанских губернских ведомостей» Н. Ф. Юшков обратился к нему с письмом, в котором жаловался на трудности издания провинциальной печати, не встречающей поддержки в печати столичной, считающей ее ненужной и даже вредной. В ответном письме от 5 февраля 1876 года Достоевский заметил: «Милостивый государь. Я вполне сочувствую всему, что Вы написали о Вашей деятельности как редактора “Каз<анских> губерн<ских> ведомостей”, и всегда смотрел на развитие сил нашей окраинской прессы как на указатель общего развития сил нашей родины» [1, т. 29, кн. 11, с. 74—75].

В главе «Областное новое слово», включенной в майский выпуск «Дневника» за 1876 год, он продолжил заинтересовавший его разговор о провинции. Прежде всего он признал знаменательным и заслуживающим несомненного внимания факт активизации провинциальной жизни, ее желанная заявить о себе не только на своей территории, но и шире, на общерусском пространстве. Мысль о том, что Россия богатела «притоком новых сил из областей своих и окраин» [1, т. 23, с. 6], представляется ему очевидной. Из трех названных в «Дневнике писателя» беспспорных гениев русской литературы — Ломоносов, Пушкин, Гоголь — двое были выходцами из провинции.

Свое время Достоевский осмысливал как роковое, переходное, разрешающее судьбы России и всего человечества. Он не раз заявлял об окончании петербургского периода нашей истории, о наступлении чего-то невиданного и неслыханного, чреватого как возможностью апокалиптической катастрофы, так и возрождения. С неослабевающим вниманием он всматривался в быстро сменяющиеся факты действительной жизни, пытаясь угадать в них нечто пророческое. Он был убежден в том, что «семя» нашего будущего уже зреет в «почве». Каковы-то будут плоды?

Суть же проблемы заключалась в следующем. Какая из двух обозначившихся тенденций победит: начавшаяся энтропия, заявившая о себе грозными приметами разложения как семейного, так и государственного строя жизни, или робко пробивающиеся настроения благообразия, любовного братского единения. Две эти тенденции обозначены в «Дневнике» ключевыми словами-символами: «**обособление**» и «**восполнение**».

В свете этой всеобъединяющей многосторонний материал «Дневника писателя» тенденции тема провинции приобретает, с одной стороны, широкий, почти универсальный смысл, а с другой, драматическое звучание. Достоевского не могли не взволновать и не вызвать на размышление слова К. В. Лаврского из программной статьи «Литературное обозрение», помещенной в уже названном казанском сборнике «Первый шаг». Здесь автор писал: «Было время, когда живое слово разносилось из “сердца России” — из Москвы; но когда это слово обветшало, когда Белинский почувствовал в себе

призвание сказать другое “новое слово” — он переменял место своей деятельности, перенес ее в Петербург. В половине шестидесятых годов “новое слово” Петербурга в свою очередь обветшало, как все теперь видят, а московское и совсем сгнило, все чувствуют, что должна наступить новая перемена, и ждут опять какого-то “нового слова”, и ждут его из таинственных недр русской жизни. Но где же эти таинственные недра? Они в провинции...» [1, т. 23, с. 358]. Достоевский ставит вопрос: «Чего хотят провинции, обособиться ли в своем мнении каждый или “спеться в один общий стройный хор”»? [1, т. 23, с. 6]. В претензии провинции на «новое слово» он уловил как политические, так и духовно-культурные сепаратистские тенденции. Их-то он одобрил, конечно, не мог как в силу своих государственно-политических, так и (что еще важнее) религиозно-философских воззрений. Вспоминая историю допетровской и новой Руси, он не устает напоминать о великих событиях, свидетельствовавших о духовном единении русских людей разных сословий: «Душа была единая и не только в этих двух городах (имеется в виду Москва и Петербург. — Г. Е.), но в двух городах и во всей России вместе, так, что *везде по всей России в каждом месте была вся Россия*» [1, т. 23, с. 7].

Обособление — отпадение части от целого, чреватое как личным, так и национальным эгоизмом, страшно понижающим многосторонность жизни, мертвящим ее, убивающим ее роскошное цветение. Следствие «обособления» — иссякновение источников «живой жизни», приводящее к повсеместной аберрации нравственного чувства, вызывающего, в свою очередь, всеобщее непонимание друг друга. Исчезает великая идея бессмертия человеческой души, без которой невозможно братолюбивое устройство ни личной, ни национальной жизни. Достоевский много пишет об отсутствии в современном обществе «руководящих», «объединяющих» идей, об утрате в сознании образованного русского человека «нити поведения»: наблюдается тотальная децентрализация жизни, потеря нравственного центра, утрата общеобязательных представлений о добре и зле. Важнее проблем «что делать?» и «кто виноват?» он считает вопрос о том, «что считать хорошим, и что дурным?», как объединиться всем в их общепринятом понимании?

Символами русского общества становятся в «Дневнике писателя» два выходца из провинции — Фома Данилов, уроженец Самарской губернии, и Сергей Нечаев, уроженец Иваново-Вознесенска. Первого из них автор «Дневника писателя» называет эмблемой всей народной России, подлинным ее образом, за то, что правду Божию он возлюбил больше жизни, за то, что пострадал за Христа, за то, что подвигом своим объединил русских людей, укрепил их веру в святость православия. Второй — эмблема крайнего обособления, оторванности от народных корней, расторжения духовной, нравственной, культурной связи со своим народом.

Обособление, в представлении Достоевского, становится синонимичным понятию провинциальность, местечковость. И дело не в том, что он отнимает у провинций право развития их местных особенностей. Это право он признает за ними в полном объеме. Его смущают претензии сделать частные критерии общеобязательными, истинами, добытыми в узком углу русского мира, мерить весь этот мир. Вот эта претензия части встать на место целого и вызывает его несогласие, приводит к тому, что понятие «провинциальность» приобретает негативную коннотацию. Речь идет не о территориальной провинциальности, а духовно-культурной.

В 40-е годы XX века Томас Элиот написал замечательную статью «Что такое классик?», в которой он указал на начавшуюся в новом столетии болезнь тотальной провинциализации европейской жизни, утрату в новой средиземноморской культуре классической меры, чувства исторической преемственности, присутствие которых он обнаружил как в культуре античной у Вергилия, так и позднесредневековой у Данте. Т. Элиот писал: «XVIII век гнетет нас слишком ограниченным радиусом чувства, особенно религиозного. <...> И вот это ограничение самой области религиозного чувства порождает особого рода провинциализм — хотя, надо добавить, XIX век в этом смысле был еще провинциальнее — что свидетельствует о дезинтеграции христианства, упадке общей веры и культуры» [4, с. 190—191]. Еще большей провинциальностью, с его точки зрения, отмечено XX столетие.

И у Достоевского, и у Т. Элиота речь, в сущности, идет об одном и том же явлении. Только для англо-американского философа и поэта главенствующим оказывается культурологический критерий, а для русского — духовно-религиозный.

Список литературы

1. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972—1990.
2. *Волгин И. Л.* Письма читателей Ф. М. Достоевскому // Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 173—196.
3. *Семанова М. Л.* Чехов-художник. М.: Просвещение, 1976. 224 с.
4. *Элиот Т. С.* О классике: Из литературного наследия / вступ. ст. А. Зверева, публикация Н. Бушкановой // Вопросы литературы. 1988. № 8. С. 170—203.

УДК 81'42
ББК 81.055.1

Е. З. Киреева

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И ГРАНИЦАХ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются концепции субъективной модальности. Доказывается, что субъективность в компонентах объективно- и субъективно-модальных значений служит веским основанием считать категорию модальности единым системным макрообразованием. Поясняется, что изменение представлений о факультативном характере субъективно-модальных значений позволяет плодотворно изучать категорию на материале текста и дискурса. Аргументируется, что изучение оценки в рамках исследований, посвященных изучению модальности текста, обусловлена органической связью этих категорий.

Ключевые слова: модальность, субъективность, оценка, говорящий, текст.

E. Z. Kireeva

TO THE QUESTION OF CONTENT AND BOUNDARIES OF SUBJECTIVE MODALITY

The article discusses the concept of subjective modality. It is proved that subjectivity in the components of objective and subjective-modal meanings serves as a good reason to consider the category of modality as a single systemic macro-formation. It is explained that changing ideas about the optional nature of subjective-modal meanings allows one to fruitfully study the category on the basis of text and discourse. It is argued that the study of assessment in the framework of research on the study of the modality of the text is due to the organic connection of these categories.

Key words: modality, subjectivity, assessment, speaking, text.

Цель статьи заключается в рассмотрении концепций субъективной модальности, ее соотношении с категорией оценочности.

В каждой науке есть сферы особой академической напряженности, и модальность — это именно такая сфера. В лингвистике к дискуссионным вопросам относятся, например, содержание и границы языковой категории модальности. Так, подвергается сомнению целесообразность выделения объективной и субъективной модальности, поскольку связь между основными модальными отношениями (говорящего к содержанию высказывания; содержания высказывания к действительности) имеет органичный характер. Условность противопоставления объективной и субъективной модальности представляется очевидной из-за наличия в компонентах их семантики элемента субъективности [11, с. 41; 15, с. 304].

В. В. Виноградов в программной статье «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [6] определил следующую систему модальных отношений, которые устанавливаются говорящим: 1) отношение

содержания сообщения, выраженного в предложении, к действительности; 2) отношение говорящего к содержанию сообщения, выраженного в предложении; 3) коммуникативная цель говорящего как основа выделения модальных типов предложения. В отечественном языкознании концепция В. В. Виноградова была принята за основу благодаря высокому объяснительному потенциалу для изучения смысловой организации предложения и прогностическому — для изучения текста и дискурса.

Отношение говорящего к содержанию высказывания как сфера модальных отношений выражается субъективно-модальными значениями. Их концептуальную основу составляет логическая безусловная (унилатеральная) модальность. Понятие унилатеральной модальности применимо только к реально существующим положениям дел (объектам). В таких высказываниях реализуется смысл, который связан с представлениями говорящего об истинности высказывания: мнением, верой, знанием или предположением [12, с. 20—65].

Субъективная модальность — это отношение говорящего к сообщаемому [21, с. 215]; отношение говорящего к любому аспекту или части высказывания: содержанию, форме, степени достоверности, соотношению с другими высказываниями и пр. [18, с. 299] и выражение «*к о м м у - н и к а т и в н о г о н а м е р е н и я* (разрядка автора. — *Е. К.*) говорящего в ... речевом акте» [18, с. 300]; «психологическая или ментальная **установка** (выделено автором. — *Е. К.*) говорящего..., например желательность, гипотетичность, сомнение и под.» [22]. Определения свидетельствуют о разном объеме значений, включаемых в понятие. Однако очевидно, что субъективно-модальные значения охватывают все возможные способы квалификации сообщаемой информации.

На основании анализа литературы выделяются две группы субъективно-модальных значений: уверенность — предположительность (оппозиция по признаку ответственности) [13], или, в другой терминологии, достоверность — вероятность [1, с. 272].

ЛЭС отмечает необходимость упорядочения составляющих содержания категории субъективной модальности из-за их неоднородности. Решению этой задачи посвящено диссертационное исследование Е. Н. Ореховой [17]. Центральное место в системе субъективно-модальных значений в классификации ученого принадлежит значению достоверности — недостоверности (по степени нарастания уверенности субъекта речи на этой шкале располагаются модально-кваликативные смыслы: сомнение, предположение, допущение, мнимость, уверенность); к нему примыкают пять типовых значений: модальность обычности, логическая модальность, модальность эвиденциальности, контактоустанавливающее модальное значение, эмоционально-оценочная модальность [17, с. 7—8]. В свою очередь, выделяются разновидности этих модальных значений (например, предположение на логической основе, на основе чувственного восприятия мира, догадка).

Представления о субъективной модальности как единой категории составляют предмет дискуссий. Так, Е. М. Вольф рассматривает не субъективную модальность, а субъективные модальности, которые отражают различные аспекты отношения говорящего к содержанию высказывания, например, модальность собственно оценки «хорошо — плохо» и объединенные с ней общими признаками модальности «странности», «удивления», «неожиданности» [7, с. 87]. Вслед за Я. Хинтикой, ученый полагает, что из-за разнообразной

природы и многочисленных средств выражения исчислить систему этих модальностей представляется трудно выполнимой задачей [7, с. 87]. Точка зрения Е. М. Вольф о множественности модальностей получила дальнейшее развитие в трудах отечественных лингвистов [23, 24]. Представляется все же, что постулирование бесконечного множества модальностей противоречит строгости научного подхода и размывает границы категории.

Трактовка говорящего как единственного модального субъекта, устанавливающего отношение к содержанию высказывания [6], остается предметом дискуссий. В сфере модальности как семантической категории, по Ш. Балли, включаются такие предложения, в которых эксплицитно выражаются установки не только говорящего, но и других лиц: *Он уверен, что сын вернется*. Модальность, таким образом, характеризуется как «душа предложения», заметим — любого предложения, в том числе интенционального (пример приведен выше), которое в отечественной лингвистике принято рассматривать в теории пропозиции и теории интенциональных контекстов. Модус, по Ш. Балли, включает в себя все субъективно-модальные значения [20]. Свой модус есть у каждого высказывания, например модус восприятия, суждения, эмоциональной реакции, умозаключения, воспоминания, мнения, знания [18, с. 397; 2, с. 411—440].

Полемика по вопросу обязательности/факультативности субъективно-модальных значений определена разным пониманием термина *субъективность*. В советском языкознании изначально доминировал узкий подход, согласно которому субъективность языка интерпретировалась как «результат индивидуального сознания человека» [14, с. 56], которое определяется, в том числе, «способностями индивидуума переработать информацию в данный момент» [14, с. 57—58]. Изначально в отечественном языкознании субъективно-модальные значения признавались факультативными [13, 21]. Категория модальности изучалась «в тесной увязке с материалистической теорией предложения» [6, с. 58], а ее понимание буржуазным языкознанием из-за субъективно-идеалистического плана рассмотрения признавалось искаженным [6, с. 57]. Если, по Ш. Балли, модус, даже будучи имплицитным, обязателен в предложении [3, с. 49], то, по В. В. Виноградову, напротив, в предложении обязательной признается объективная модальность.

В рамках широкого подхода субъективность понимается как «разноаспектные представления говорящего в речевом произведении» [26, с. 3]. Признается, таким образом, всеобщий характер субъективности, поскольку язык антропо- и эгоцентричен, а присутствие говорящего в высказывании обусловлено самим фактом говорения. Говорящий определяется как надиндивидуальный языковой субъект, то есть не просто «говорящий», а «в с я к и й говорящий» (разрядка автора. — Е. К.) [19, с. 89—90].

Становлению широкого подхода к пониманию субъективности и изменению представлений о факультативном характере субъективно-модальных значений способствовали идеи Ш. Балли, продолженные в работах Дж. Лайонза, Э. Бенвениста, Ф. Палмера и др. В Грамматике-70 субъективно-модальное значение определяется как обязательное, а не факультативное свойство каждого предложения [10, с. 545]. Введение субъективно-модального значения в общую теорию модальности как значения имманентного позволило изучать категорию на материале текста и дискурса. В настоящее время пересмотрены представления о том, что отношение говорящего к сообщаемому может быть никак не выраженным, нейтральным [22, с. 91].

Если, по Г. А. Золотовой, субъективная модальность как факультативный признак высказывания не меняет основного модального значения предложения и модальности взаимодействуют, но не перекрещиваются [13, с. 149], то, по данным ЛЭС, средства субъективной модальности «способны перекрывать объективно-модальные характеристики, образуя в модальной иерархии высказывания квалификацию “последней инстанции”» [15, с. 303]. Исследования калининградских ученых убедительно доказывают это положение на уровне текста.

Установлению границ категории модальности способствует полемика вокруг включения оценочных значений в круг модальных. Включение собственно модальной оценки в систему модальных отношений не вызывает сомнений. Говорящим как субъектом модальности всегда оценивается реальность — ирреальность действия, его необходимость, возможность, желательность, степень достоверности — вероятности сообщения, мнение говорящего, его вера, знание или предположение. Отнесение же к модальным оценочно-характеризующих и собственно-оценочных значений [21, с. 216] остается предметом дискуссий [8].

Анализ литературы, посвященной соотношению категорий оценки и модальности, позволяет выделить следующие отношения:

1) непересечение объемов категорий. Оценка интерпретируется как «отдельная сфера в семантике естественного языка (преимущественно — в лексической семантике)», поскольку, как правило, включается в семантику лексической единицы, тогда как модальные значения характеризуют пропозицию в целом [22]. Авторы ЛЭС исключают эмоциональную и качественную оценку из числа модальных значений [15, с. 303];

2) тождество объемов категорий. Субъективная модальность включает различные эмоции (иррациональные реакции) [24, с. 67]; экспрессивные оттенки высказывания, в которых выражаются различные чувства (надежда, ожидание, изумление, неудовольствие и т. п.) [9, с. 315; см. также: 18, с. 299—300]. В. Н. Телия выделяет: а) оценочную модальность, которая соотносит обозначаемый предмет с аксиологическим суждением, и б) эмотивно-оценочную (коннотативную) модальность в экспрессивно окрашенных словах, которая соотносит внутреннюю форму выражения с аксиологическим суждением (двумодальность лексического значения экспрессивных слов) [25, с. 25]. Думается, что дублирование одинакового семантического объема двумя категориями вызывает вопрос о целесообразности существования одной из них;

3) пересечение (частичное совпадение) объемов категорий оценки и модальности, когда качественная и эмоциональная оценка относится к периферии модальности [4]. В зоне пересечения находится оценка состояния субъекта или его характеристик. Оценка в этом случае выражается предикативным наречием [5, с. 7];

4) подчинение (субординация). Различая смыслы «отношение говорящего к предмету речи» и «ценностное отношение», Т. В. Маркелова замечает, что первый, выражающий значение уверенности — неуверенности, согласия — несогласия, возможности — невозможности, гораздо шире, чем второй, связанный не только с личностной интерпретацией говорящего, но и с определением места по шкале ценностей [16, с. 11]. Напротив, обращая внимание на то, что именно оценочность (не оценка) как категория служит предметом анализа, С. С. Ваулина признает оценочность более широкой категорией,

чем модальность. Ученый различает модальную и немодальную оценку. Под модальной оценкой понимается оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщения, его мнение, вера, знание или предположение; оценка реальности/ирреальности действия, его необходимости, возможности, желательности. Немодальные оценки, которые выражают общеоценочные и частнооценочные значения, обогащают план содержания модальности в тексте [5].

Полагаем, что доказанная многочисленными научными исследованиями связь этих категорий служит убедительным основанием рассматривать оценку в рамках исследований, посвященных изучению модальности.

Субъективность в компонентах объективно- и субъективно-модальных значений служит веским основанием считать категорию модальности единым системным макрообразованием. Изменение представлений о факультативном характере субъективно-модальных значений позволяет плодотворно изучать категорию на материале текста и дискурса.

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Спорные проблемы семантики: монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
4. *Бондарко А. В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996. 219 с.
5. *Ваулина С. С.* Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений // *Оценки и ценности в современном научном познании: сборник научных трудов / под ред. С. С. Ваулиной, В. И. Грешных.* Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2009. С. 3—10.
6. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 559 с.
7. *Вольф Е. М.* Субъективная модальность и семантика пропозиции // *Логический анализ языка. Избранное.* 1988—1995. М.: Индрик, 2003. С. 87—101.
8. *Гавриличева Г. П.* О проблеме соотношения понятий «оценка» и «модальность» // *Ученые записки ЗабГГПУ. Серия: Филология, история, востоковедение.* 2010. № 3. С. 50—55.
9. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
10. *Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова.* М.: Наука, 1970. 767 с.
11. *Дешериева Т. И.* О соотношении модальности и предикативности // *Вопросы языкознания.* 1987. № 1. С. 34—45.
12. *Зеленицков А. В.* Пропозиция и модальность. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. 216 с.
13. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка / отв. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1973. 351 с.
14. *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 230 с.
15. *Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева.* 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
16. *Маркелова Т. В.* Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 1996. 47 с.

17. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2011. 44 с.
18. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
19. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
20. Плузьян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 377 с.
21. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 709 с.
22. Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru>
23. Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб.: Изд-во СПб. ун-та; Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003. 295 с. URL: http://ucheb.lunn.ru/old/Publications/M_Romanova_Modalnost_2003.htm (дата обращения: 19.03.2020).
24. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. 309 с.
25. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / отв. ред. А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1986. 143 с.
26. Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. 184 с.

УДК 811.161.1'37
ББК 81.053

И. Ю. Третьякова

ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ МОДИФИКАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СИНХРОНИИ

Работа посвящена исследованию проблем окказионального преобразования языковых фразеологизмов. Окказиональные изменения знаков обусловлены авторскими интенциями, являющимися основным фактором осуществления трансформаций языковых фразеологических единиц. Основными авторскими интенциями при этом являются конкретизация и экспликация значения фразеологической единицы, интенсификация характеризующих признаков, буквализация фразеологического образа. Процессы и результаты авторской обработки языковой фразеологической единицы представлены на примере фразеологизма *строить воздушные замки*, активно функционирующего в речи; фразеологические трансформы выявлены в авторских текстах художественного и публицистического стилей, в сообщениях носителей языка на интернет-форумах, во фразеологических словарях и справочниках. Трансформации языковых единиц осуществляются посредством приёмов окказионального преобразования фразеологизмов. При этом в компонентном составе идиом происходят изменения: вводятся окказиональные компоненты, направленные на конкретизацию значения; как правило, изменения фразеологического компонента происходят на основе парадигматических связей этого компонента с новым, окказиональным. При экспликации значения окказиональные компоненты напрямую репрезентируют элементы значения фразеологизма. При интенсификации действия или признака окказиональные компоненты связаны с языковыми синтагматическими отношениями.

© Третьякова И. Ю., 2020

При буквализации авторы обыгрывают образную основу фразеологизма. Отношения между языковыми и окказиональными компонентами строятся на актуализации системных (реже ассоциативных) связей. В этом проявляется системность трансформаций. Системными видятся и частотно повторяемые интенции авторов, трансформирующих фразеологизмы в текстах самых различных стилей и жанров.

Ключевые слова: окказиональная фразеология, трансформации фразеологизмов, авторские интенции, конкретизация значения фразеологизма, экспликация значения фразеологизма, системность трансформаций фразеологизма.

I. Yu. Tretyakova

THE SYSTEMATIC APPROACH TO PHRASEOLOGICAL MODIFICATIONS IN SYNCHRONY

The article is dedicated to the problem of occasional transformations of phraseological units. Occasional modifications of units are determined by the author's intentions, which are the major factor of transforming phraseological units. The principal author's intentions are considered to be specification and explication of the meaning of a phraseological unit, intensification of characterizing features, literalization of a phraseological image. The process and the result of authorial work with a phraseological unit are demonstrated in the example of the phraseologism *to build castles in the air* which is actively used in the modern language; phraseological transformations are found in authorial texts of artistic and journalistic styles, in native speakers' communication on Internet forums, in phraseological dictionaries and reference books. The unit is converted by means of methods of occasional transformations. Some changes take place in the component structure of the idiom — occasional components appear. They are aimed to specify the meaning. As a rule, changes in the component structure are based on paradigmatic connections of this component with an occasional one. While explicating the meaning, occasional components represent elements of the phraseological meaning. Intensification of an action or feature binds occasional components with linguistic syntagmatic relations. Literalizing the image, authors deal with figurative basis of the phraseological unit. Linguistic and occasional components are connected by means of systematic (to a lesser degree — of associative) relations. This defines the systematic approach to the problem of transformations. Frequently repeated authors' intentions used in texts of different styles and genres are considered to be systematic.

Key words: occasional phraseology, phraseological transformations, author's intentions, specification of phraseological meaning, explication of phraseological meaning, systematic character of phraseological transformations.

Языковая деятельность человека в последние десятилетия является объектом и предметом научных исследований в самых различных аспектах. Интерес к этой проблеме проявляется и во фразеологии, в частности — в изучении процессов окказиональной трансформации фразеологических единиц (далее ФЕ), функционирующих в разных дискурсах. К «продуктам» этой деятельности можно отнести окказиональные фразеологические единицы, так как собственно окказиональные фразеологизмы (ОФ) либо окказиональные варианты фразеологических единиц (ОВ ФЕ), не являясь единицами языковой системы, создаются носителями языка в соответствии с авторскими интенциями с необходимостью решения тех или иных творческих задач. Окказиональная единица воспринимается как нетипичная, отсутствующая в языковой системе, в языковом фразеоматиконе носителей языка, а отсюда

возникает восприятие её как единицы несистемной, уникальной. Однако исследования окказиональной фразеологии позволили выявить системный характер образования ОФ, связанный, в частности, со схожестью авторских интенций, направленных на преобразование ФЕ посредством имеющихся в арсенале авторов (по сути — любого носителя языка) приёмов окказионального преобразования фразеологических единиц. Авторские интенции сводятся в основном к модификациям языковых фразеологизмов, имеющих результатом конкретизацию и экспликацию значения ФЕ, интенсификацию характеризующих признаков, буквализацию фразеологических образов (подробно об этом см.: [6]).

Примером описания, представления окказиональных вариантов и окказиональных единиц, образованных в соответствии с вышеперечисленными авторскими интенциями, служит ФЕ *строить воздушные замки*. Эта фразеологическая единица функционирует в современной публицистике, художественной литературе, в некоторых жанрах научного стиля, в интернет-общении. Активное использование фразеологизма объясняется несколькими причинами. Данная ФЕ имеет значение 'предаваться несбыточным мечтам, придумывать заведомо невыполнимые, несбыточные, неосуществимые планы, фантазировать' и употребляется для характеристики ситуаций, создаваемых людьми в самых различных сферах жизни: в личной, общественной, политической, государственной, бытовой. Кроме того, образ, на основе которого создан фразеологизм, вызывает эстетическое приятие, что немало важно для стилистической ориентированности единицы. Подтверждение сказанному — многочисленные контексты из художественных произведений (особенно поэтических), из публицистических статей, из сообщений на интернет-форумах, из фразеологических словарей и справочников.

Наиболее частотные трансформации связаны с заменой компонентов, с расширением, сокращением компонентного состава фразеологизма, с сегментацией ФЕ. Изменениям подвергается любой компонент фразеологизма; при этом преобразования языковой единицы осуществляются, как правило, на основе парадигматических и синтагматических отношений компонентов-лексем и окказиональных компонентов.

Фразеологизмы, как известно, используются в речи для характеристики кого- или чего-либо, имеющего интерес для человека: ситуации, поведения, внутренних и внешних особенностей, оценки и проч. Объекты характеристики в каждом случае разные, поэтому авторы текстов часто прибегают к **конкретизации** значения фразеологизмов, уточнению места, времени, лиц, объектов, признаков, действий. Конкретизация значения происходит посредством введения в состав фразеологизма окказиональных компонентов-конкретизаторов. В компонентный состав анализируемого фразеологизма включаются окказиональные субстантивные либо адъективные компоненты, уточняющие сферу деятельности, состояния лица, строящего иллюзии. *Строить воздушные замки любви, политики, ипотеки, инвестиций, грузинской стратегии, управления; строительство любовных, политических, инвестиционных воздушных замков; строить свои, мои, общие воздушные замки* и др. См. подобную конкретизацию значения ФЕ в следующих контекстах: «Мы строим воздушные замки любви! / Венчаясь, клянемся любить друг друга! / Идти неразлучно по жизни-пути. / Как муж и жена! Как друг и подруга!» [4], где окказиональный вариант фразеологизма получает значение 'строить планы на совместную счастливую жизнь в любви и согласии, предаваться

мечтам о счастливой любви, которым не суждено осуществиться'; в названии статьи «Воздушные замки политики» ('неосуществимые планы в политической деятельности'), в которой критически рассматривается вопрос о неумелом руководстве в политике посредством устаревших политтехнологий и — как результат — о неосуществимости политических планов и расчётов [1]; в заголовке журнальной публикации «Воздушные инвестиционные замки от "Еврохим"» ('неосуществимые планы в инвестиционной деятельности'), автор которой рассуждает о планах местного руководства на возведение торгово-развлекательного центра в городе Туапсе рядом с химическим комбинатом и о бесполезном ожидании инвестиций для строительства этого центра [10].

Специфический вид конкретизации значения связан с включением в состав ФЕ окказиональных компонентов, привносящих смыслы, актуальные для данной ситуации; при этом используются свободные лексемы, входящие с фразеологическими компонентами-лексемами в одну лексико-семантическую группу. См. существительные *замок — дворец, башня*, а также ряд глаголов группы «Создание объекта в результате деятельности»: *создавать — строить — сооружать — возводить — перестраивать — конструировать — изобретать — творить — рисовать* и под. Именно близость в семантике обуславливает выбор авторами текстов окказиональных компонентов-заместителей, которые, имея смысловое сходство с лексемами-компонентами фразеологизма, тем не менее содержат элементы значения, новые для данной фразеологической единицы. Окказиональный вариант *творить (сотворить) воздушные замки* получает контекстуальное значение 'предаться несбыточным мечтам, придумать, творчески, неординарно вообразить что-либо красивое, эстетически ценное, но заведомо невыполнимое, несбыточное, неосуществимое': «Сотворил я воздушные замки, / Небывалые по красоте, / Размечтавшись о призрачном счастье, / О чудесной, розовой мгле...» [13]. Индивидуально-авторский вариант *конструировать воздушные замки* в контексте записных книжек В. Шаламова («Нельзя представить себе русскую поэзию двадцатого века без Блока, и Пастернака, и Цветаевой (особенно Цветаевой), прямой ученицы Блока. Цветаева вся в мотивах Блока исчерпывается. А Пастернак развил много дальше, больше блоковские темы, опираясь и на Анненского — Анненского тоже нельзя исключить из схемы, иначе ничего не понять в развитии поэзии, а только *конструировать воздушные замки*») имеет смысл — 'нетворчески, механически соединяя части поэтического процесса, заведомо создавать неверное представление о развитии русской поэзии' [7].

Конкретизация значения также может осуществляться посредством создания окказионального фразеологизма, имеющего значение, противоположное языковому; при этом в компонентном составе фразеологизма появляется окказиональная лексема — антоним глагольному компоненту фразеологизма: *строить — разрушать, ломать, уничтожать*; окказиональный фразеологизм получает значение 'перестать предаваться несбыточным мечтам, признать невыполнимость, несбыточность, неосуществимость планов, фантазий'. См.: «Когда *воздушные замки разрушены*, / нам остается зыбь, рябь — / стыть на воде, остуженной дыханием октября» [2]; «Одна случайная мысль в краткий момент, / способна *уничтожить воздушные замки*, / которые строились тобой много лет, / возводясь в прекрасные строгие рамки» [3].

Авторские интенции могут быть направлены на **экспликацию** значения фразеологизма, при этом окказиональные компоненты эксплицируют элементы семантики данного знака ('предаваться несбыточным мечтам, придумывать неосуществимые планы, фантазировать'): *придумывать (выдумывать) воздушные замки; строить воздушные замки иллюзий, эфемерные воздушные замки, иллюзорный мир воздушных замков*. Прямое повторение окказиональными компонентами фразеологизма элементов фразеологического смысла актуализирует, подчёркивает эти смысловые оттенки. См.: «Ты так долго его ждала... Надеялась, что придёт и скажет: “Я люблю тебя”. Дождалась, пришёл и сказал: “Ты мне больше не нужна”. Не стоило *придумывать эти воздушные замки*» [12]; «Он же бесконечный строитель *эфемерных воздушных замков*... И ты всё прекрасно осознаёшь» [11].

Интенции авторов текстов могут быть связаны с **интенсификацией** значения ФЕ. В этих случаях за счёт введения в состав фразеологизма окказиональных компонентов-расширителей или заместителей достигается изменение меры, степени выраженности признаков и процессов, характеризуемой фразеологической единицей. См., к примеру, подобный эффект усиленного воздействия фразеологизма на адресатов речи в афоризме: «Когда влюбленные начинают *строить слишком много воздушных замков*, на небесах спешат заключить брак, дабы предотвратить угрозу дальнейшей застройки» [8].

Яркие трансформации данной ФЕ обусловлены авторскими интенциями, направленными на **буквализацию** образа, актуализацию двойного семантического плана фразеологизма. Авторы обыгрывают сам образ замков, процесс строительства зданий и — далее — разрушения построенного. Следует заметить, что в основу ФЕ положен образ нереальный, и каждый носитель языка, обладающий воображением, представляет свою «картинку» (фразеологический образ). Поэтому авторы текстов проявляют фантазию, создавая разные “воздушные замки”. См.: «*Я построила замки из облаков, / ненадёжны они, так же, как из песка... / Ветер, по небу их разметав, был таков, / и меня поглотила земная тоска*» [5]; «В голове все время плавают *воздушные замки из ваты и сиропы* и очень повезет, если они вовремя падают и превращаются в красивые черепки» [9].

Повторяемость авторских интенций, направленных на трансформации языковых фразеологизмов: конкретизация и экспликация значения ФЕ, интенсификация признаков и действий, буквализация фразеологических образов — позволяет исследователю окказиональной фразеологии выявить не только системность процессов трансформации языковых фразеологизмов, определить закономерности появления окказиональных вариантов языковых ФЕ и окказиональных фразеологизмов, но и — в конечном счёте — заявить о системности самих авторских интенций.

Список литературы

1. *Абатуров В.* Экономическое обозрение. URL: http://regimental1.rssing.com/channel/1634368/all_p199.html (дата обращения: 11.10.2019).
2. *Владимирова Е.* Когда воздушные замки разрушены. URL: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=6399> (дата обращения: 19.03.2020).
3. *Кайрова Н.* Воздушные замки. URL: <http://stihi.ru/2013/02/02/9827> (дата обращения: 19.03.2020).

4. *Смирнов-Милославский Н.* Мы строим воздушные замки любви! URL: <https://www.chitalnya.ru/work/1135729/> (дата обращения: 19.03.2020).
5. *Третьякова В.* Я построила замки из облаков... URL: <http://stihi.ru/2008/12/14/94> (дата обращения: 21.02.2020).
6. *Третьякова И. Ю.* Оказиональная фразеология: монография. Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. 290 с.
7. *Шаламов В.* Записные книжки 1954—1979 гг. URL: <https://www.shalamov.ru/library/23/13.html> (дата обращения: 21.02.2020).
8. Электронная коллекция афоризмов. URL: <http://tut-smeshno.ru/aforizm.php?page=1824> (дата обращения: 19.03.2020).
9. *dragankka.* Голова моя глупая, безногая, безрукая... (Живой журнал). URL: <https://dragankka.livejournal.com/97407.html> (дата обращения: 19.03.2020).
10. *far01* (Живой журнал). URL: <https://far01.livejournal.com/126081.html> (дата обращения: 18.02.2020).
11. *post-v* (Живой журнал). URL: <https://post-v.livejournal.com> (дата обращения: 13.03.2020).
12. *status.gs* (блог). URL: <https://status.gs/qip-status/raznoe/71779/> (дата обращения: 21.02.2020).
13. *vit65d* (блог). URL: <https://playcast.ru/view/1253164/> (дата обращения: 13.03.2020).

УДК 811.161.1'37

ББК 81.411.2-3

М. А. Фокина

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «ДУЭЛЬ»

В статье представлен комплексный филологический анализ процессуальных фразеологизмов, определяющих своеобразие повествовательной структуры повести А. П. Чехова «Дуэль». Цель исследования заключается в выявлении нарративных свойств доминантных фразеологических средств, которые обеспечивают структурно-семантическую целостность третьеличного повествования. Изучение повествовательной структуры произведения строится с учетом ее основных составляющих: типа повествования, субъекта речи, повествовательной точки зрения. Нарративный потенциал анализируемых фразеологизмов проявляется в их активном влиянии на композиционную и содержательную организацию повествования. Характеризуются фразеологические единицы с процессуальной семантикой, раскрывающие концептуальное содержание произведения. Последовательно рассматриваются ключевые устойчивые обороты, которые создают психологизм повествования и усиливают динамику действия. Психологизм художественного нарратива создается текстовыми фразеологическими повторами и градационными рядами, контекстуальной синонимией и оценочной фразеологией, что формирует эмотивность текста, передающего драматизм изображаемых событий и внутреннюю тревогу, эмоциональное напряжение героев. Диалогизация монологического слова третьеличного повествователя осуществляется путем активного включения несобственно-прямой речи, что способствует объединению речевых планов автора и персонажа. В результате исследования повествовательной структуры повести А. П. Чехова «Дуэль» выявлена система фразеологических

образных средств и приемов речевой выразительности, которые обладают высоким нарративным потенциалом и обеспечивают структурно-смысловое единство художественного повествования.

Ключевые слова: фразеологическая единица, процессуальная семантика, повествовательная полифония, нарративный потенциал, субъектно-речевая организация, смысловая доминанта.

M. A. Fokina

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH PROCEDURAL SEMANTICS IN A. P. CHEKHOV'S STORY «THE DUEL»

The article presents a comprehensive philological analysis of procedural phraseological units that determine the originality of the narrative structure of A. P. Chekhov's story "The Duel". The research identifies the narrative properties of dominant phraseological means that create structural and semantic integrity of the third-person narration. The study of the narrative structure of a work focuses on its main components: the type of narrative, the subject of speech, and the narrative point of view. The narrative potential of the analyzed phraseological units highlights their active influence on the composition and content narration. Phraseological units with procedural semantics reveal the conceptual content of the work. The key persistent expressions create the psychologism of the narrative and enhance the dynamics of the action. The psychologism of the artistic narrative is created by textual phraseological repetitions and gradation series, contextual synonymy and evaluative phraseology, which forms the emotivity of the text, conveys the drama of the depicted events and internal anxiety, emotional tension of the characters. Dialogization of the monological word of the third-person narrator is achieved by including non-direct speech, which helps to combine the speech plans of the author and the character. The study of the narrative structures of the story "The Duel" by A. P. Chekhov identified the system of the phraseological figurative and verbal expressions, which have a high narrative potential and provide the structural and semantic unity of the artistic narrative.

Key words: phraseological unit, procedural semantics, narrative polyphony, narrative potential, subject-speech organization, semantic dominant.

В повествовательной структуре художественного текста важное место занимают фразеологические единицы (ФЕ) с процессуальной семантикой, антропоцентричность которых «проявляется в преобладании в них семантики состояния человека, отношения человека к другому человеку, деятельности человека» [1, с. 6]. Они способствуют созданию образа автора, интегрируют в единое смысловое целое разные композиционно-речевые структуры произведения. В ходе развития сюжета процессуальные фразеологизмы обозначают различные фазы действия: характеризуют начало, продолжение или конец изображаемого события. В текстовом взаимодействии устойчивых оборотов с семантикой действия (процесса) и языковых единиц с семантикой лица (предмета) формируется предикативное ядро повествования, выстраивается сюжетная схема текста, определяющая развитие событий и характеров. Составляющими повествовательной структуры художественного произведения являются тип повествования, его субъектно-речевая организация и точка зрения [2, с. 92].

В повести А. П. Чехова «Дуэль» (1891) процессуальные фразеологические единицы активно участвуют в смысловом развертывании концептуального

содержания текста, способствуют продвижению действия в пространстве и времени, характеризуют мысли, чувства и поступки героев, обладают высоким нарративным потенциалом, что проявляется в их влиянии на композиционную и смысловую организацию повествования. Анализируемое произведение членится на главы и представляет собой третьеличное повествование, ему свойственны объективация, авторская интроспекция (проникновение неперсонифицированного повествователя во внутренний мир персонажа), контаминация голосов автора и персонажа (несобственно-прямая речь).

Значительная часть фразеологизмов с процессуальной семантикой содержит в своем составе компоненты-соматизмы *голова, рука, нога, шея, спина, глаз*. Чаще всего они характеризуют эмоциональное состояние героев или их умственную деятельность. Например: *пришло в голову; не выходило из головы; держать себя в руках; таращить глаза; не отрывал глаз; ноги не слушаются* и др. Автор активно использует ряд устойчивых оборотов продуктивной фразеологической модели <переходный глагол + существительное в винительном падеже>: *гнуть спину; свернуть шею; подставлять головы; вскружить голову; потирать руки; умыть руки; протянуть руку* и т. д. Такие фразеологизмы передают особенности поведения персонажей повести, их поступки в различных жизненных ситуациях или прогнозируют возможные действия героев в определенных обстоятельствах.

Процессуальные фразеологические единицы широко употребляются в монологе повествователя и в художественных диалогах, объединяют разные субъектно-речевые планы текста, создают повествовательную полифонию. Особенностью речи повествователя является контаминация речевых планов автора и персонажа путем использования несобственно-прямой речи. Нередко в таких фрагментах прослеживаются текстовые повторы ключевых фразеологизмов, определяющих индивидуальные черты конкретного героя. Простодушная смешливость и легкомыслие молодого дьякона передаются повторяющейся в разных главах повести фразеологической единицей *покатиться со смеху*:

«Дьякон был очень смешлив и смеялся от каждого пустяка до колотья в боку, до упада. Казалось, что он любил бывать среди людей только потому, что у них есть смешные стороны и что им можно давать смешные прозвища... Он жадно всматривался в лица, слушал не мигая, и видно было, как глаза его наполнялись смехом и как напрягалось лицо в ожидании, когда можно будет *дать себе волю и покатиться со смеху*»;

«Дьякон, никогда не выдавший доктора таким величественным, надутым, багровым и страшным, зажал рот, выбежал в переднюю и *покатился там со смеху*» [7, с. 373; 425].

Фразеологизм *покатиться со смеху* — прост. экспрес. ‘безудержно смеяться’ [6, с. 115] — становится своеобразным проводником персонажа, употребляется писателем при каждом новом появлении героя в художественном повествовании произведения. Фразеологический контекст содержит также процессуальный устойчивый оборот *дать себе волю* — прост. ‘не сдержаться; сделать что-либо предосудительное, потакавая своим слабостям’ [6, т. 1, с. 167]. Смысловое взаимодействие контактно расположенных ФЕ *дать себе волю и покатиться со смеху* актуализирует их семантику и создает авторскую иронию по отношению к герою, поведение которого совсем не соответствует его строгому церковному сану. Контекстное окружение содержит ряд однокоренных слов, усиливающих сатирическую окрашенность ключевого

фразеологизма с компонентом *смех*: *смешилив* — *смеялся* — *смешные* — *смехом*. Градационными отношениями связаны однородные обстоятельства с семантикой степени проявления эмоции: *до колотья в боку, до упада*. ФЕ *до упада (до упаду)* — разг. экспрес. ‘до полного изнеможения’ [6, т. 2, с. 328] способствует смысловому развертыванию обстоятельственной семы ‘безудержно’ во фразеологическом значении устойчивого оборота *покатиться со смеху*. Просторечные и разговорные фразеологизмы, включенные в повествовательный монолог, являются вкраплениями несобственно-прямой речи, которая воспроизводит особенности речевого поведения персонажа. Автор передает события и описывает своих героев глазами разных персонажей, так создается множественность повествовательных точек зрения, отражающих авторскую позицию, которая допускает амбивалентные оценки.

Приподнятое, праздничное настроение Надежды Федоровны, довольной удачным пикником, побуждает ее к легкомысленным намерениям:

«Надежда Федоровна засмеялась; ей *пришла в голову* смешная мысль, что если бы она была недостаточно нравственной и пожелала, то в одну минуту могла бы отделаться от долга. Если бы, например, этому красивому, молодому дурачку *вскружить голову!* Как бы это в сущности было смешно, нелепо, дико! И ей вдруг захотелось влюбить, обобрать, бросить, потом посмотреть, что из этого выйдет [7, с. 391].

Эпизод повествования содержит фразеонабор, который включает устойчивые обороты с общим компонентом *голова*: *пришло в голову (прийти в голову* — разг. ‘дойти до сознания, думаться’); *вскружить голову* — разг. экспрес. ‘влюбить в себя, увлечь’ [6, т. 1, с. 332; т. 2, с. 150]. Здесь в косвенной и несобственно-прямой речи героини отражаются ее неожиданная мысль и дальнейшие фантазии относительно возможной реализации этих намерений. Смысловыми коррелятами ФЕ *вскружить голову* являются глаголы градационного ряда: *захотелось влюбить, обобрать, бросить*. Процессуальные фразеологизмы *пришло в голову* и *вскружить голову* передают последовательность мыслительной деятельности героини, создают психологизм повествования.

На базе фразеологических образов создается метафорический повтор, который пронизывает фрагмент авторского повествования, где представлена несобственно-прямая речь Лаевского:

«Он *столкнул с неба свою тусклую звезду, она закатилась*, и след ее смешался с ночной тьмой; она уже не вернется на небо, потому что жизнь дается один раз и не повторяется. Если бы можно было вернуть прошлые дни и годы, он ложь в них заменил бы правдой, праздность — трудом, скуку — радостью, он вернул бы чистоту тем, у кого взял ее, нашел бы Бога и справедливость, но это так же невозможно, как *закатившуюся звезду вернуть опять на небо*. И оттого, что это невозможно, он приходил в отчаяние» [6, с. 438].

Закатившаяся небесная звезда символизирует жизненный крах Лаевского, несостоятельность его намерений, нереализованность его мечты о содержательной, полезной, трудовой и одухотворенной деятельности. Эта метафора становится смысловой доминантой произведения, вводится автором в текст повествования в переломный момент жизни героя, накануне дуэли с фон Кореном. Образ *закатившейся звезды* имеет ассоциативные связи с процессуальной ФЕ *катиться вниз* — ‘опуститься в нравственном, моральном отношении’ и с известным библейским выражением *путеводная звезда* —

восторг. ‘то, что направляет, определяет чью-либо жизнь, деятельность’ [6, т. 1, с. 25; 295]. Контекстуальное окружение формирует динамические смыслы: *правда, труд, радость* (прежние жизненные ценности) — *ложь, праздность, скука* (нынешнее состояние героя).

Субъектно-речевые планы персонажей повести широко и разнообразно представлены в художественных диалогах произведения. Автор индивидуализирует речь своих героев, активно включая в их реплики процессуальную фразеологию. Яркие, точные и экспрессивные самооценки и взаимооценки персонажей представлены в речи учёного-зоолога фон Корена и молодого чиновника Лаевского, с образами которых связано развитие основного конфликта произведения. Фразеологические единицы с процессуальной семантикой участвуют в смысловом развертывании ключевых метафор, образующих текстовую оппозицию: фон Корен презрительно именует Лаевского и Надежду Федоровну *макаками и рабами*, а Лаевский называет фон Корена *деспотом и орлом*. Рассмотрим последовательно фрагменты речевых планов главных персонажей повести.

Окказиональная метафора *макаки* — ‘беспольные люди, паразитирующие на чужом труде’ развертывается в речи фон Корена, гневно разоблачающего слабохарактерных и праздных болтунов, лицемеров с рабской психологией, не занятых общественно полезным делом:

«Вот они каковы макаки... Ты слышал, она не хотела бы заниматься букашками и козявками, потому что страдает народ. Так судят нашего брата все макаки. Племя рабское, лукавое, в десяти поколениях запуганное кнутом и кулаком; оно трепещет, умиляется и *курит фимиам* только перед насилием, но впусти макаку в свободную область, где ее некому *брать за шиворот*, там она развертывается и *дает себя знать*... И непременно критикует — рабская черта! Ты прислушайся: людей свободных профессий ругают чаще, чем мошенников — это оттого, что общество на три четверти состоит из рабов, из таких же вот макак. Не случается, чтобы раб *протянул* тебе *руку* и сказал искренно спасибо за то, что ты работаешь» [6, с. 392—393].

Контекст представляет собой прямую речь героя, обращенную к военному врачу Самойленко, и содержит лексический повтор ключевой метафоры *макаки*, которая семантически взаимодействует с метафорой *рабы* (*раб* — перен. ‘тот, кто слепо и подобострастно исполняет волю другого; тот, кто целиком подчинил чему-либо свою волю, свои поступки’) [3, т. 3, с. 574]. Жизненная позиция *макак* и *рабов* раскрывается в словах героя с помощью фразеонабора: *курит фимиам; брать за шиворот; дает себя знать; (не) протянул руку*. Лицемерие интеллигентных фразёров, оторванных от реальной жизни, выражено процессуальным устойчивым оборотом *курит фимиам* — книжн. ирон. ‘льстиво восхвалять кого-либо’ [6, т. 1, с. 340].

Лаевский критически размышляет о своих взаимоотношениях с фон Кореном, дает беспощадные характеристики себе и ему:

«Наши натуры слишком различны. Я натура вялая, слабая, подчиненная; быть может, в хорошую минуту и *протянул бы* ему *руку*, но он отвернулся бы от меня... с презрением... Я отлично понимаю фон Корена. Это натура твердая, сильная, деспотическая. Ты слышал, он постоянно говорит об экспедиции, и это не пустые слова... он порвал с университетом, не хочет знать ученых и товарищей, потому что он прежде всего деспот, а потом уж зоолог. И из него, увидишь, *выйдет большой толк*. Он уж и теперь мечтает, что когда вернется из экспедиции, то выкурит из наших университетов интригу

и посредственность и *скрутит* ученых в *бараний рог*. Деспотия и в науке так же сильна, как на войне. А живет он второе лето в этом вонючем городишке, потому что *лучше быть первым в деревне, чем в городе вторым*. Он здесь король и орел; он *держит* всех жителей в *ежах* и гнетет их своим авторитетом. Он *прибрал к рукам* всех, вмешивается в чужие дела, всё ему нужно и все боятся его. Я ускользаю из-под его лапы, он чувствует это и ненавидит меня... Я ценю его и не отрицаю его значения; *на таких*, как он, этот *мир держится*...» [6, с. 398—399].

Ключевой метафорой данного фрагмента является лексема *деспот* — перен. ‘самовластный человек, попирающий чужие желания и волю; тиран’ [3, т. 1, с. 392], семантически противопоставленная метафорической характеристике *рабы* в предыдущем контексте. Средством развертывания и усиления повествовательного конфликта становится антитеза, выраженная параллельными синтаксическими конструкциями: *натура вялая, слабая, подчиненная* (самохарактеристика Лаевского) — *натура твердая, сильная, деспотическая* (Лаевский о фон Корене). Деспотизм фон Корена характеризуется с помощью процессуальных устойчивых оборотов, создающих фразеонабор: *скрутить в бараний рог* — прост. экспрес. ‘жестокими притеснениями добиться покорности, полного подчинения кого-либо, расправиться с кем-либо непокорным’ [6, т. 2, с. 245]; *держат в ежах* — устар. экспрес. ‘строго, сурово обращаться с кем-либо’ [6, т. 1, с. 196]; *прибрать к рукам* — разг. экспрес. ‘подчинить себе, заставлять повиноваться в действиях, поступках’ [6, т. 2, с. 142]. Ключевая метафора *деспот* и метафорические характеристики *король и орёл* с каламбурным созвучием [*рол*] и [*р’ол*] образуют контекстуальную синонимию и приобретают ироническую окрашенность (*орёл* — перен. ‘о человеке, отличающемся мужественной красотой или удастью, отвагой, смелостью’) [3, т. 2, с. 638]. Пословица *Лучше быть первым в деревне, чем в городе вторым* также содержит иронию и отражает амбициозное стремление фон Корена доминировать в кругу жителей небольшого провинциального городка. Оценочные суждения Лаевского амбивалентны, они как включают негативные характеристики фон Корена, так и выражают позитивное отношение говорящего: *выйдет большой толк; на таких мир держится*.

Языковым средством объединения субъектно-речевых планов фон Корена и Лаевского является фразеологический повтор (*не*) *протянул руку* — *протянул (бы) руку*. Процессуальный фразеологизм характеризует жизненные позиции героев, подвергаясь разным структурно-смысловым преобразованиям: в словах фон Корена приобретает противоположный смысл, а в речи Лаевского стоит в форме сослагательного наклонения (*протянуть руку помощи* — книжн. высок. ‘помочь, оказать содействие, поддержку, ободрить’) [6, т. 2, с. 162]. После дуэли оба героя изменяются и в финале произведения пытаются примириться, найти общий язык. Перед своим отъездом фон Корен заходит попрощаться с Лаевским, в его речи несколько раз повторяется процессуальная ФЕ *не поминайте лихом*:

«Ты передай ему и его жене, что когда я уезжал, я удивлялся им, желал всего хорошего... и попроси его, чтобы он, если это можно, *не поминал меня лихом*. Он меня знает. Он знает, что если бы я мог тогда предвидеть эту перемену, то я мог бы стать его лучшим другом» (фон Корен — Самойленко);

«*Не поминайте меня лихом*, Иван Андреич. Забыть прошлого, конечно, нельзя... Правда, как вижу теперь к великой моей радости, я ошибся относительно вас, но ведь спотыкаются и на ровной дороге, и такова уж человеческая

судьба...»; «*Не поминайте же лихом...* Поклонитесь вашей жене и скажите ей, что я очень жалел, что не мог проститься с ней...» (фон Корен — Лаевскому) [7, с. 452—453].

Фразеологизм *не поминайте лихом* — разг. экспрес. ‘вспоминая, не думайте плохо’ [6, т. 2, с. 122] выражает сожаление и раскаяние фон Корена, ранее слишком жестко и беспощадно относившегося к Лаевскому.

Таким образом, в повести Антона Павловича Чехова «Дуэль» активно функционирует система фразеологических единиц, обладающих высоким нарративным потенциалом. Устойчивые обороты с процессуальной семантикой передают динамику характеров и событий, создают яркие характеристики героев произведения и психологизм повествования, диалогизируют монологическое слово повествователя, объединяют разные субъектно-речевые планы в общее повествовательное пространство, формируют текстовую модальность, актуализируют доминантные образы, способствуют смысловому развертыванию концептуального содержания произведения.

Список литературы

1. Лебединская В. А., Усачева Н. Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1999. 186 с.
2. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учебное пособие. М.: Академия, 2003. 256 с.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985—1988.
4. Фокина М. А. Филологический анализ текста: учебное пособие. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. 140 с.
5. Фокина М. А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX—XX веков: научная монография. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. 378 с.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. М.: Цитадель, 1997.
7. Чехов А. П. Дуэль // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1985. Т. 7. С. 353—455.

УДК 94(4)''04/14"
ББК 63.3(4)4

Н. И. Девятайкина

ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД ГУМАНИСТА ПЕТРАРКИ (На материале трактата «О средствах против превратностей судьбы»)

Трактат «О средствах против превратностей судьбы» поэта и гуманиста Петрарки (1304—1374) раскрывается ныне как многоуровневый, метафоричный, «сложносочиненный» структурно текст. Один из его «негромких» диалогов *De minutis taediis rerum variarum* («О разных мелких неприятностях»), позволяет в контексте всего сочинения прорисовать важные составляющие метода Петрарки. Герои его диалогов — Печаль и Разум не поддаются однозначной социально-статусной «идентификации». Первый персонаж к концу разговора обрывает признаками собирательного образа; Разум — интеллектуал, его суждения о природе, месте человека в ней и мире обладают выраженной ренессансно-гуманистической новизной. Как правило, Печаль кратко обозначает темы разговора, Разум разворачивает их из повседневности в пространство большой картины мира, высокой эстетики, философского осмысления жизни. Его аргументация разнопланова: здесь и личный опыт, и примеры из жизни знаменитых людей, и культурные сведения с явным перевесом в древнеримскую сторону. Она показывает, что автор не отыскивает истину всякий раз в споре с самим собой или каким-то оппонентом, а излагает свое видение проблемы, свои взгляды и рекомендации.

Ключевые слова: Петрарка (1304—1374), трактат «О средствах против превратностей судьбы», диалог «О разных мелких неприятностях», роли персонажей, творческий метод Петрарки, ранний ренессансный гуманизм, тема природы, картина мира.

N. I. Devyataykina

CREATIVE METHOD OF HUMANIST PETRARCH (On the material of the «Phisicke against fortune treatise»)

The treatise *Phisicke Against Fortune* by poet and humanist Petrarch (1304—1374) now began to be revealed as a multilevel, metaphorical, structurally «complex» text. One of its not very famous dialogues, *De minutis taediis rerum variarum* (*On Different Minor Troubles*), allows important components of Petrarch's method to be drawn in the context of the entire writing. Heroes of his dialogues — Grief and Mind do not succumb to unambiguous social-status «identification»; The first character is filled by signs of a collective image towards the end of the conversation; Mind is an intellectual, his judgments about nature, the place of man in it and in the world possess a pronounced Renaissance-humanistic novelty. As a rule, Grief briefly denotes the topics of conversation, Mind unfolds and develops them from something having daily occurrence to the space of a large picture of the world, high aesthetics, philosophical thinking of life. His argument is diverse: personal experience, examples from the lives of famous people, cultural information with a clear

© Девятайкина Н. И., 2020

preference given to the ancient Roman side. It shows that the author does not discover the truth every time in a dispute with himself or some opponent, but sets out his vision of the problem, his views and recommendations.

Key words: Petrarch (1304—1374), «Phisicke Against Fortune», dialogue «De minutis taediis rerum variarum» (II, 90), roles of characters, Petrarch's creative method, early Renaissance humanism, nature theme, picture of the world.

Фигуры первого плана, среди которых итальянский поэт и гуманист, зачинатель культуры Возрождения Франческо Петрарка (1304—1374), не уходят из зоны культурного и научного внимания столетиями. Это относится и к сегодняшнему дню. Он отмечен явным усилением ученого и культурного интереса к «латинской» составляющей творчества Петрарки, в ответ на которое последние три-четыре десятилетия принесли академические переводы многих сочинений на разные языки. Среди них «фортуна» выделила трактат «О средствах против превратностей судьбы», переведенный впервые или заново на четыре языка (английский, французский, итальянский, русский) и изданный в виде одно-двух или многотомников, билингвально, с источниковедческим, контекстно-историческим и литературоведческим комментарием. (Французские исследователи пишут, успех пришел рано: впервые трактат был переведен на французский язык уже XIV в., первым из сочинений Петрарки [5, p. 19]).

Относительно ранних *изданий* трактата тщательное разыскание провел в свое время У. Фиск. Его данные также красноречиво свидетельствуют о популярности трактата: типографски он был напечатан первым из сочинений гуманиста; только в XV в. выдержал не менее 10 изданий; для не которых лет XVI в. отмечено по три переиздания. В этом же веке начались его активные переводы на разные языки: 1501 — на чешский, 1510 — на испанский, 1523 — очередной перевод на французский, 1532 — на немецкий, 1549 — на итальянский, 1579 — на английский, 1606 — на датский. 1641 — на шведский. 1644 — еще раз на французский, 1720 — на венгерский [7, p. 15—23]. Современные переводы в совокупности значительно расширили горизонты понимания текста.

Все они, благодаря помощи коллег и друзей, оказались в руках автора статьи, что сделало возможным последовательное и много давшее знакомство с текстологическими наблюдениями и комментариями. Заметим, что переводчики, используя все ценное, сделанное предшественниками, дополняли, уточняли в каких-то моментах, друг друга. Для американского переводчика К. Равски было важным по следам американских же (Э. Х. Уилкинса и др.) биографов Петрарки обозначить «личные» составляющие диалогов [12, p. 7—18]; эту линию подхватил У. Дотти, при этом еще и существенно расширив компаративные характеристики диалогов, указывая, в каких других сочинениях и как рождалась или трактовалась та или иная тема [11, p. 1568—1602]. Для Кр. Карро была интересна неявная, т. е. не имеющая прямых отсылок, затекстовая «классическая» составляющая аргументации Петрарки, а также «французский след» в текстах [6, p. 143—153]; для «классика» — переводчика Л. М. Лукьяновой — сохранило свою актуальность обращение гуманиста к примерам из античности. Они прокомментированы через контексты; тщательно обозначены также библейские адресации [3, с. 583—615]. К сожалению, по условиям этого издания, приложить в качестве отдельного тома широкий культурно-исторический комментарий, который был во многом

разработан автором данной статьи, оказалось невозможно. Отчасти его можно найти в нашей монографии 2010 г. [1, с. 11—127].

В целом трактат раскрывается ныне как многоуровневый, метафоричный, «сложносочиненный» структурно, требующий дальнейшего осмысления. Он написан, напомним, в зрелые годы (1354—1366), состоит из 254 (или, согласно Дотти, 253) диалогов, разделенных почти поровну на две книги, в первой из которых идет разговор о том, что есть счастливая фортуна и насколько ей можно доверяться, во второй — как себя вести человеку в случае несчастливой, враждебной «судьбы». Участники обращаются к обсуждению многих этических, философских, религиозных, политических, социальных, эстетических, естественнонаучных и повседневно-житейских тем. Их ведут аллегорические персонажи Разум, Радость или Надежда, Скорбь или Страх. Название, по мнению М. Ариани, «смоделировано» с псевдосенекианского *De remediis fortuitarum* («О средствах против случайностей») [4, р. 1568], у стоиков позаимствованы также имена персонажей.

По отдельности диалоги давно начали привлекать внимание специалистов по истории литературы, культурологии, философии своей гуманистической (этической, эстетической) тематикой. Но *сплошного*, системного, всестороннего их осмысления как единого «мегатекста» пока никем, кроме К. Хайтмана, занимавшегося изучением генезиса трактата [8, р. 9—30], не предпринималось; не прояснен системно и вопрос о творческом методе Петрарки. Попытка сделать шаг в этом направлении сделана в предлагаемой статье через материал одного из самых «невыигрышных» диалогов, который рассматривается в контексте всего произведения.

Диалог называется *De minutis taediis rerum variarum* («О разных мелких неприятностях»), помещен во второй половине второй книги трактата, будет цитироваться по современной публикации Дотти [10, р. 1547—1567]¹.

По объему диалог больше многих других. Его ведут между собой два аллегорических персонажа, позаимствованных у стоиков — Печаль (*Dolor*) и Разум (*Ratio*); оба, как давно позволил выявить содержательный и лингвистический анализ диалогов, — представители мужского пола (условно, Печальный собеседник и Разумный собеседник). Возможно, из-за неяркого названия этот диалог, как и немалая часть других, пока выпадал из сферы интереса исследователей, никто из авторов его специально не изучал.

Попытаемся выявить, какие темы затронуты в диалоге, какие в них явлены «знаки» эпохи, что собой представляет аргументация, вложенная в уста персонажей, есть ли в ее составе примеры, наконец, насколько текст связан с другими. Их анализ и позволит прорисовать важные составляющие метода Петрарки.

Если начать с тематики, то она, на внешний взгляд, оправдывает название диалога. Текст начинается с жалоб на тревожные городские крики, споры и вопли «толпы» [10, р. 1547], затем настает черед собачьему лаю, мухам, блохам, крикам совы, мышам, кваканью лягушек, стрекотанию цикад, жаре, холодам, снегу, суше, ливням, соответственно, грязи, пыли, тучам, ветру, грому, молнии. Дальше — больше. Печаль грустит «когда воздух темен от облаков», а они сами тоже вызывают «неприятное ощущение»; его «тревожит

¹ Далее отсылки к соответствующим страницам латинского текста будут идти в тексте сразу после упоминания того или иного высказывания автора диалога; некоторые большие цитаты будут приводиться в переводе Л. М. Лукьяновой.

небесный огонь, град и бури», уточняется, «морские», враждебные ветры, «бросает в дрожь от грома и молнии» [10, р. 1553]. К концу разговора жалобы начинают ход по второму кругу: Печаль «удручают веселые пьяные сборища», «гнетут» толпы и многолюдство городов. Круг скоро прерывается неожиданной жалобой, что этот участник беседы страдает «от надолго затянувшегося судебного решения» и что его не меньше расстраивает «бурная ссора» [10, р. 1565]. При этом Печаль «функции» литературного персонажа, олицетворенной именем, соответствует в диалогах точно. Как мы видели, он и впрямь печалится, беспокоится, тревожится, жалуется на измученность, испытывает отвращение, неприятные ощущения, досадует, страдает, расстраивается, ненавидит. Если обобщить, пребывает в состоянии гнетущего недовольства и сильного раздражения.

Перечисленные «мелкие неприятности» вмещаются в три группы: обстоятельства городской повседневности бытового, социального и, как сегодня можно обозначить, культурно-коммуникативного происхождения; надоедно-раздражающие звуки мира живой природы, устрашающие/угнетающие явления неживой природы. Тематика обнажает и повседневные знаки эпохи — низкий уровень санитарии в домах и на улицах, скученность и многолюдство городской жизни, ее итальянский уличный же колорит (толпы и громкие разговоры), слабая защищенность человека от жары и холода, страх перед грозными явлениями природы. Жалобы на птиц, лягушек и цикад показывают, что в городах «острова» с болотцами и деревьями соседствуют с жильем, природа еще не вытеснена совсем. В повседневность включается важный элемент «цивилизации» — право, суд, которые, как известно, пришли в итальянскую жизнь вместе с ранними коммунальными переворотами XII—XIII вв. и стали неотъемлемой частью общественного и делового быта. (Описание вызывает в памяти многие итальянские городки, жизнь в которых среди природы течет и ныне. Например, в Арква, где провел последние годы Петрарка, и сейчас много небольших «островков» природного происхождения, в центре города есть озеро, со всех сторон его окружают холмы, поросшие деревьями, слышно пение птиц и лягушек, стрекот цикад; дом-музей поэта стоит в саду, там стараются возвращать такие же деревья, цветы и кусты, которые когда сажал в саду он).

Реплики Печали дают возможность отметить один из «компонентов» метода гуманиста: приведенными выше словами, если к ним приставить повторяющееся «я», «меня», «мне» исчерпывается красноречие охарактеризованного персонажа. Так, с редчайшим исключением, происходит на протяжении всех разговоров второй книги, диалог из которой анализируется, равно как и первой. Напротив, Разум, в редчайшем случае реагирует на слова собеседника кратко и односложно. Как правило, его ответы превращаются в целые речи. Наш диалог — одна из демонстраций правила. Приведем для наглядности небольшие цифры. В диалоге 32 реплики Печали занимают 33 строки, а ответные рассуждения Разума — 340 (объемы указаны в ориентации на современные публикации трактата). Ясно, что речи Разума в десять раз объемнее. В иных диалогах соотношение еще более неравное, на одну-две краткие реплики Печали приходится до 14 страниц современного печатного текста, т. е. одного-двух ответов Разума.

Все это позволяет заключить, что реплики *собеседников* Разума и связанный с ними прием призваны в большей степени обозначить тематику, а он, Разум, ее раскрыть. Если Петрарке нужно высказаться устами главного

персонажа пространно, то его немногословный собеседник дважды, а то и трижды повторяет произнесенное, в случае с анализируемым диалогом — повторяет на все лады только что излитую жалобу. Петрарка этим дает передышку читателю, удерживает его внимание.

Ответы Разума, как увидим, даже на малое «заявление» Печали, разворачиваются в очень серьезное суждение.

Для прояснения характера *аргументации* Петрарки, как составной части метода, мы свели основные доводы Разума, в ответах на жалобы Печали, перечисленные выше, в таблицу.

Жалобы Печали и источники аргументов Разума

№	Жалоба Печали	Аргументы «от себя» (значок +), реальные примеры	Аргументы «от» античных, христианских писателей, из мифов	Общехристианские / библейские доводы (значок +), названные тексты
1	Шум воды	+	<i>Цицерон.</i> О республике. Греческие мифы (Сцилла и Харибда)	
2	Лай собак	+		
3	Мухи		<i>Августин.</i> Пролог к Евангелию от Иоанна	Книга Бытия, Исход
4	Блохи	+		+
5	Крики совы		<i>Вергилий.</i> Георгики <i>Макробий.</i> Сатурналии	
6	Мыши	+		+
7	Кваканье лягушек	+, пример	миф о Латоне	
8	Стрекотанье цикад		миф о Тифоне	
9	Жара—холод—снег	+, два примера	миф об Атлантах	
10	Суша—ливень	примеры: царь Александр Ганнибал		
11	Грязь—пыль	+		
12	Тучи—ветер—гром—молнии		Светоний	+ Первая книга царств Псалом 10 Книга Сираха
13	Второй «круг»		Светоний Цицерон	

Таблица показывает, что Разум «во всеоружии»: приводит реальные примеры из прошлого и настоящего, по несколько раз адресуется за аргументами к Цицерону, Вергилию, Светонию, самым любимым римским авторам. К ним изящно присоединяет не менее любимого Августина. В контексте христианской картины мира приводит немало общехристианских доводов (о греховности, человеку как пыли и прахе, бессмертии души, царствии небесном), трижды адресуется к Ветхому Завету. В связи с методом в данном случае

важно указать на равное обращение к античным и библейским авторам, языческой мифологии и христианским представлениям. Что касается примеров, то, с одной стороны, здесь, как и на протяжении всего сочинения, Петрарка эксплуатирует больше всего римскую тему. Как пишет Б. Гене, Запад видел в римских историях книги мудрости. Исключительный энтузиазм история Рима вызывала на Апеннинском полуострове [2, с. 317—318]. Правда, добавим, при очень малой степени точного знания, связанного с эпохами, чередованием событий, деяниями выдающихся личностей. От этой «традиции» Петрарка отошел кардинально.

Кратко проанализируем, как «работает» метод в ответах, т. е. какие же именно советы дает Разум собеседнику в ответ на его жалобы. Если следовать обозначенным нами тематическим группам (обстоятельства городской повседневности, раздражающие звуки мира живой природы, устрашающие/угнетающие явления неживой природы), то по объему ответы почти равны. Главное — разговор свободно и естественно несколько раз переходит из одной плоскости в другую, то в этическую, то в социальную, то в мировоззренчески-христианскую, то в эстетическую, то в историко-антропологическую, что сразу повышает его общий «градус» и культурный уровень. Это тоже составляющие метода. Детальное рассмотрение требует многих страниц, ограничимся одним примером.

Красивый совет звучит в начале разговора по поводу шума городской толпы. Позволю себе привести довольно большую цитату, поскольку по ней можно текстуально проследить упомянутые выше составляющие метода автора.

Печаль. Меня тревожит громкий шум толпы.

Разум. Представь, что ты слышишь шум набегающих и обрушивающихся на утесы волн. Представь, что ты находишься или у Сорга, истока, который шумно выбивается из бездонной пещеры и дальше растекается изумительно прозрачным потоком, или в местах, где сбегает с высокого холма реатинские водопады, которые Нар собирает в Тибр, или около тех водопадов, которые Цицерон называет катадупами, и где с высочайших гор низвергается сам Нил;... наконец, где лаю Сциллы вторит Харибда, крутясь в сиканайских водоворотах. Ты привыкнешь и начнешь воспринимать не без удовольствия то, что казалось очень неприятным [3, с. 476].

Разговор показывает, что Петрарка не предлагает никаких бытовых вариантов решения вопроса. В его глазах лучшее лекарство — красоты и «голоса» природы, одно из мест которой было до мельчайших деталей известно ему самому и очень им любимо. Это исток Сорг, на юге Франции, в Провансе, потоки которого, сбегая вниз, обходят с двух сторон крошечный остров, уединенное местечко внутри городка Арква, ныне в его историко-культурном центре. На этом «островке» — дом-музей Петрарки. Гуманист прожил в этом доме почти два десятка лет, каждый день поднимаясь к той самой «бездонной пещере»: мимо нее идет дорога в горы и лес, любимые места его прогулок, поэтические описанные во многих сонетах. Остальные описания в диалоге, как понятно, почерпнуты у авторов (он называет Цицерона), в мифологии. Одновременно они свидетельствуют, что во времена Петрарки уже вполне посещаемыми и представимыми были отроги Нила, не говоря уже разных частях Средиземного моря, в том числе устрашающих водоворотах между скалами.

Добавим, что в ответе слышатся отзвуки темы города /анти-города, которую Петрарка поднимал в ранее написанном трактате «Об уединенной жизни» (1346 или 1356—1357), где противопоставлял городской гвалт тишине полей и лесов, шуму толпы — природным звукам. Это тоже дополняет понимание его метода: он почти не бросает «навсегда» волновавших его тем, возвращаясь к ним прямо или попутно в других сочинениях, письмах, наращивая аргументацию, приводя новые примеры.

В подтексте уже здесь — апелляции к природе как мудрому творцу, дальше они перетекают в текст диалога: по словам Разума, по естественным причинам «гремит молния» [10, р. 1562], кваканье лягушек — ее «благой дар» этим существам [10, р. 1563] и т. д. Скоро Петрарка от частных переходит к картине мира: «Все земные существа созданы, чтобы служить человеку». Дальше идет перечисление, чем именно: кормить, одевать, возить, защищать, упражнять, обучать, напоминать о призвании, обуздывать вредные наслаждения. Через два диалога (II, 93 «О печали и несчастье») он развернет аргументы, создаст на «платформе» антично-христианской антропоцентрической картины мира первый гуманистический гимн достоинству человека и радостям жизни. В наших целях вновь важно отметить составляющую метода: малая тема становится поводом для мировоззренчески важного тезиса и рассуждения. Само рассуждение находит развитие в других диалогах.

Изучение диалогов постоянно сталкивает с вопросом, кто же стоит за Печалью или другими собеседниками-оппонентами Разума, и есть ли в этом случае какие-то «знаки» метода. Разберемся на изучаемом примере. В диалоге Печаль, если вслушиваться в его жалобы, несколько раз «меняет» свой социальный и имущественный облик: то он тягуче жалуется на холод как последний бедняк, не имеющий денег на покупку дров; то как весьма капризный городской бюргер брюзжит по поводу шума, пьяных сборищ; то с чувством говорит, что для него отвратителен неверный и наглый «раб» (читай: слуга), т. е. явно демонстрирует свою состоятельность; о ней же свидетельствуют совет Разума, что надо делать все своими руками, или (при жалобах на коня), что надо ходить пешком. Очень богатому человеку адресованы слова, что причиной жалоб является изнеженность и пресыщенность наслаждениями. Получается, что даже в пределах одного диалога Петрарка стремится создать собирательный образ, своего рода «портрет» городского сообщества. Не случайно, в диалоге, как и многих других, мы встречаем переходы от беседы с одним собеседником к обращению ко многим. «Ты» и «вы» (в смысле — многие, все, люди) несколько раз меняются там местами. Как пишет в предисловии к французской публикации трактата Дж. Тоньон, protagonистами Радости и Разума мы видим людей всех сословий и состояний [13, р. 17—18].

Но при этом «ты» задает тональность беседы, делает ее доверительной, непринужденной, предполагает равенство участников; добавим, выказывает достоинство и независимость Разума и стоящего за ним автора. (О том, насколько актуально для времени Петрарки было обращение на «Вы» или на «ты», какого он считал должным придерживаться сам и рекомендовал остальным, свидетельствует знаменитое письмо-трактат «О наилучшем управлении государством», 1373 г., где вопрос поднят среди первых; гуманист однозначно высказывается за употребление местоимения единственного числа).

Подведем итоги. Анализ диалога в рамках всего трактата позволяет обозначить главные составляющие творческого метода Петрарки. Герои его диалогов — Печаль и Разум не поддаются однозначной социально-статусной «идентификации». Первый персонаж к концу разговора обрывает признаками собирательного образа, при этом в «шахте» достаточно широкого социального и имущественного «лифта» от нервного бедняка до изнеженного богача-сибарита. Подтекстово-постоянным остается, возможно, одно: его предполагаемый Разумом уровень образованности. Он слушает длинные и насыщенные речи, никаких возражений они не вызывают, хотя прямого согласия тоже. Надо полагать, Петрарка-автор не мог не ориентироваться хотя бы на понимание. Его персонаж Разум только в единичных случаях упоминает о собственном общественно-имущественном статусе, в данном диалоге даже косвенных «примет» не просматривается. Но уровень интеллектуальный, образовательный, философский понятен с первых слов, равно как новизна многих суждений о природе, месте человека в ней и мире.

С точки зрения жанра перед нами формальный диалог. Такое построение долго вызывало оценку трактата как чисто средневекового, поскольку по форме диалоги схожи со средневековыми учебниками, где один из собеседников (ученик) задает вопрос, второй (учитель) отвечает. Подобная оценка бытует и в современных справочных трудах [9, р. 1252—1256]. Печаль кратко, но экспрессивно обозначает темы разговора, Разум весьма долго по их поводу рассуждает, разворачивая «малую» тему в пространство большой картины мира, высокой эстетики, философского осмысления жизни. Формальность диалога при этом ощущается мало. Речь Разума тоже экспрессивна, богата, содержит риторические вопросы, адресации к авторитетным авторам, «вставные» новеллы, внутренние диалоги. Его аргументация разнопланова: здесь и личный опыт, и примеры из жизни знаменитых людей, и культурные сведения с явным перевесом в древнеримскую сторону. Но она показывает, что автор не отыскивает истину всякий раз в споре с самим собой или каким-то оппонентом, а излагает свое видение проблемы, свои взгляды и рекомендации. Значительная часть суждений будет подхвачена и развита гуманистами следующих поколений.

Список литературы

1. *Девятайкина Н. И.* Петрарка и человек его эпохи в общественном и личном пространстве (по трактату «О средствах против превратностей судьбы»); Диалоги из трактата / пер. с лат. и коммент. Л. М. Лукьяновой. Саратов: Наука, 2010. 272 с.
2. *Гене Б.* История и историческая культура Средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры. 2002. С. 317—318. 491 с.
3. *Петрарка Ф.* О средствах против превратностей судьбы / пер. с лат. Л. М. Лукьяновой; вступ. ст. Н. И. Девятайкиной. Саратов: Волга, 2016. 616 с.
4. *Ariani M.* Francesco Petrarca // Storia della letteratura italiana. Vol. II. Il Trecento. Roma: Salerno Editrice, 1995. 773 p.
5. *Carraud Ch.* Introduction // Petrarque Fr. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud. Paris, 2002. Vol. 2. 803 p.
6. *Carraud Ch.* Notes du livre I // Petrarque Fr. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud. Paris, 2002. Vol. 1. 1167 p.
7. *Fiske W.* Petrarch's treatise "De remediis utriusque fortunae". Text and versions. Firenze, 1888. 123 p.

8. *Heitmann K.* La genesi del “De remediis utriusque fortune” del Petrarca // *Convivium*, 1957. P. 9—30.
9. *Petrarca Francesco* // *Enciclopedia del Medioevo*. Milano: Garzanti, 2007. P. 1252—1256. 1760 p.
10. *Petrarca Fr.* I minuti fastidi della vita, II, 90 // *Petrarca Fr.* I rimedi per una e l’altra sorte / Tradizione e note a cura di U. Dotti. Torino: Nino Aragno, 2013. P. 1547—1567.
11. *Petrarca Fr.* I rimedi per una e l’altra sorte / Tradizione e note a cura di U. Dotti. Torino: Nino Aragno, 2013. 1905 p.
12. *Rawski K. H.* Petrarch’s Remediis for Fortuna, Fair and Foul / A Modern Eng. Transl. Bloomington Ind. Univ. Press, 1991. Voll. 5. Vol. 1. 472 p.
13. *Tognon G.* Le bonheur à l’âge moderne: Pétrarque et la «lectio mundane» // *Petrarque Fr.* Les remedes aux deux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud. Paris, 2002. Vol. 2. P. 7—18.

УДК 903'1
ББК 63.442.14(2)

А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва

РИТУАЛЬНЫЙ «КЛАД» ФИНАЛЬНОГО ЭНЕОЛИТА С ИВАНОВСКОГО БОЛОТА (Ярославская область)

В статье рассматривается ритуальный «клад», обнаруженный на стоянке Ивановское III (Ярославская область). Среди прочих предметов в «кладе» находился ретушёр, состоящий из деревянной рукояти и узкого стержня из рога. Прямых аналогов деревянной рукояти нет, хотя на других поселениях известны рукояти из рога. «Клад» можно датировать финалом развития волосовской культуры.

Ключевые слова: энеолит, волосовская культура, ритуальный «клад», ретушёр, деревянная рукоять.

A. V. Utkin, E. L. Kostyleva

THE RITUAL “HOARD” OF THE FINAL ENEOLITHIC FROM THE IVANOVO BOG (Yaroslavl’ region)

A ritual “hoard” discovered at Ivanovskoe III site (Yaroslavl’ region) is examined. Among other items the “hoard” includes a retoucher consisting of a wooden handle and a slim stem of horn. No similar wooden handles are known, though some handles made of horn were found in other settlements. The “hoard” can be dated back to the final stage of the Volosovo culture.

Key words: Eneolithic, the Volosovo culture, the ritual “hoard”, a Retoucher, a wooden handle.

Ивановское болото — бывшее палеозеро Валдайского оледенения — находится в Центре Русской равнины, почти в 30 км к северо-северо-востоку от г. Переславля-Залесского Ярославской обл. Через его территорию с запада на восток протекает река Нерль Малая, которая впадает в р. Клязьму и далее сток идёт через Оку в Волгу.

© Уткин А. В., Костылёва Е. Л., 2020

Во второй половине XX в. (1957—1997 гг.) А. Л. Никитиным, И. К. Цветковой, Д. А. Крайновым, А. В. Уткиным и М. Г. Жилиным на торфянике проводились археологические исследования, в ходе которых было открыто девять стоянок и на шести из них были проведены раскопки (рис. 1). Хронологический диапазон обнаруженных на памятниках артефактов весьма широк — от мезолита до средневековья [47].

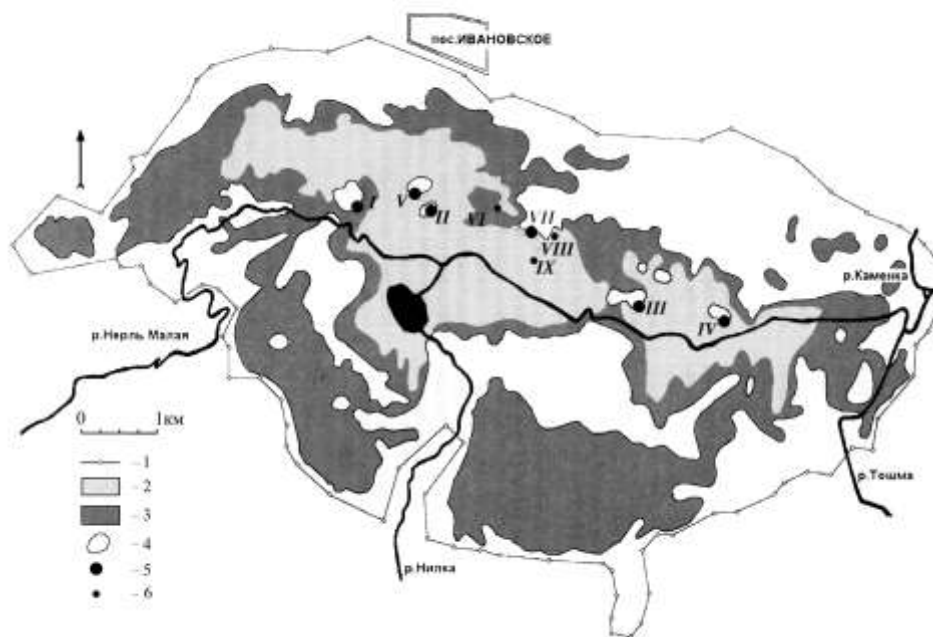

Рис. 1. Археологические памятники Ивановского болота.

1 — границы торфопредприятия, 2 — залежи торфа, 3 — залежи сапрпеля, 4 — суходолы, 5 — стоянки, 6 — разрушенные стоянки (рис. А. В. Уткина)

Наиболее масштабные работы были предприняты Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР под руководством Д. А. Крайнова, а затем — М. Г. Жилина. За 20 лет работ экспедиции (1972—1975; 1981—1990; 1992—1997 гг.) раскопками были охвачены стоянки Ивановское I—V и VII. На них в общей сложности было вскрыто 2,267 кв. м культурного слоя и получено около 100 тысяч единиц разнообразных находок [4, 5, 19—28, 33, 37—40]. Кроме того, были проведены палинологические исследования, выполнены остеологические определения [2, 9, 10, 36], собраны и продатированы радиоуглеродным методом серии образцов [29, 30, 35], а также исследована антропология и краниология погребённых на суходоле стоянки Ивановское VII [1, с. 14; 33, с. 108—111].

Археологические материалы из раскопок памятников западного и центрального секторов болота изданы полностью [13, 14, 33, 41, 42], материалы восточной трети — лишь информационно. Кроме того, в разных периферийных сборниках издан ряд наиболее эффектных артефактов [31, 43—46, 48] и отдельных комплексов [6, 11, 12, 32, 33, 50, 51].

К таким комплексам, не введённым ещё в научный оборот, следует отнести и «клад» орудий со стоянки Ивановское III, на которой в хорошо стратифицированных отложениях торфа, вмещались слои от мезолита до эпохи бронзы.

«Клады» представляют собой скопления орудий, украшений, отходов производства, положенных с неглубокую ямку или на древнюю дневную поверхность. Они несут следы воздействия огня или посыпания охрой и связаны с совершением определённых ритуалов. «Клады» были зафиксированы на ряде памятников волосовской культуры и синхронных ей культур с пористой керамикой на Русском Севере, в Латвии и Эстонии.

Ивановский «клад» был обнаружен в нижней части торфяной свиты на юго-восточном участке памятника в 1981 г.¹

Он был расчищен в раннеэнеолитическом слое на глубине 130—140 см от уровня поверхности торфяника. Составляющие его вещи лежали кучно, и было ясно даже в первом приближении: он инороден и помещён в какую-то яму. Контуры ямы в плане не «читались», но частично отобразились в профиле юго-восточной стенки раскопа.

Яма, судя по всему, была опущена из тонкой (2—3 см) энеолитической прослойки горелого ольхового торфа, которая по необработанной мокрой древесине датирована временем 3720 ± 50 (Je-1936) л.н. [30, с. 29]². Находки в ней были представлены в основном невыразительными обломками керамики, относящейся к финалу развития волосовской культуры (рис. 2).

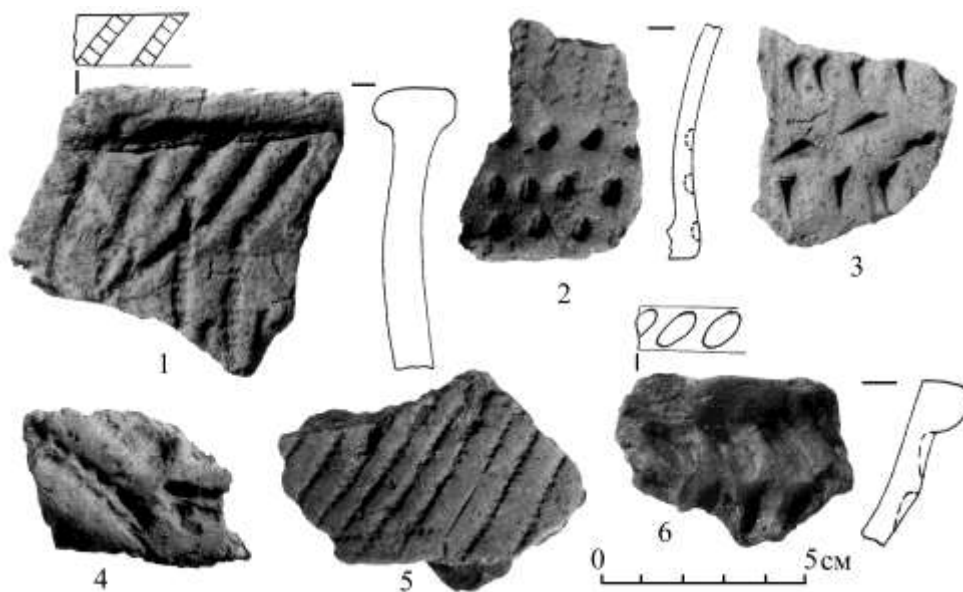

Рис. 2. Стоянка Ивановское III. Керамика волосовской культуры (фото Л. М. Нескверновой)

¹ Этот клад мимоходом уже упоминался нами в литературе, но без подробного описания [16].

² В указанной статье приведена дата 1770 ± 50 (Je-1936) до н. э., т. к. авторы по принятой ранее системе перевода радиоуглеродных дат «от настоящего времени» в даты «до нашей эры» вычитали 1950.

В «кладе» находилось шесть предметов. Кремнёвых орудий два: оба на крупных отщепах тёмно-сиреневого цвета. Первый — наконечник дротика листовидной формы. Обе стороны обработаны сплошь: сначала плоской оббивкой, затем — короткой струйчатой ретушью края по периметру (рис. 3: 3). Второе орудие — концевой скребок средних размеров. Лезвие расположено на дистальном конце заготовки, скошено вправо. Оформлено ровными фасетками, не заходящими на спинку. Смежные боковые края смяты. Проксимальному концу ретушью придана форма черешка (рис. 3: 2).

Костяных орудий — одно: биконический наконечник стрелы³. Он геометрически правильной формы, пропорции соразмерны. Тщательно выструган и ровно отшлифован. Боевой конец короткий, насад слегка удлинён. В сечении оба округлые. Разделительная канавка на стыке конусов отсутствует, что типично для местных энеолитических наконечников (рис. 3: 4).

Также одним экземпляром в «кладе» представлено изделие из сланца. Оно сделано из маленькой, относительно хорошо окатанной плитки зелёного цвета. Лезвие двустороннее, но углы заточки разные, т. е. им работали как теслом. Это подтверждает и скол от работы на лезвийной части инструмента (рис. 3: 5).

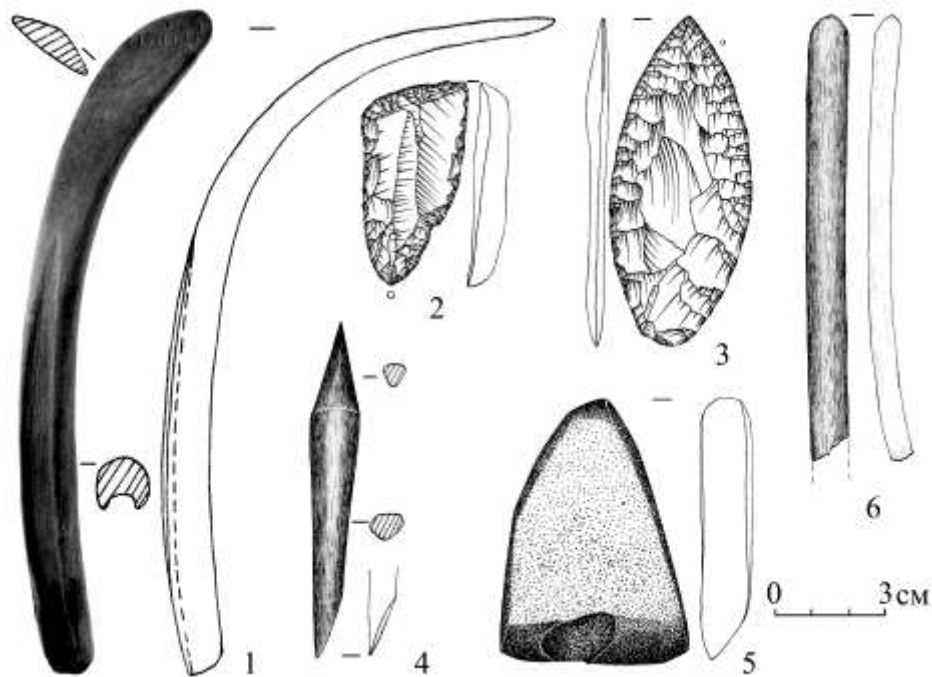

Рис. 3. Стоянка Ивановское III. Ритуальный «клад»
(рис. А. В. Уткина, фото рукояти Л. М. Нескверновой)

³ Возможно, в качестве орудия могла использоваться и найденная в «кладе» нижняя челюсть бобра, разломанная на две части.

В «кладе», кроме того, был найден обломанный с конца роговой стержень длиной около 11 см и диаметром 1 см. И, наконец, — тщательно обработанный предмет из дерева, названный первоначально «рукояткой» [18]. Аналогий ему в археологических древностях не было и поэтому долгое время назначение его оставалось непонятным.

Предмет имеет изогнутую форму (рис. 3: 1; 4: 1). Длина дуги по внешней стороне изгиба — 23 см. С внутренней (вогнутой) стороны дуги по всей длине оси идёт грань (рис. 4: 2). В результате в своей верхней части длиной 10 см предмет имеет подтреугольное сечение, внешняя сторона — плоская, внутренняя — гранёная. Нижняя часть предмета имеет подокруглое сечение, при этом также с внутренней стороны дуги продолжается идущая от проксимального конца грань, а с внешней стороны — желобок длиной 10 см. Наружная сторона верхней части на конце украшена орнаментом из коротких нарезных линий, расположенных под углом в три ряда: в верхнем ряду — 5 нарезок, в среднем — 9, в нижнем — 5. В первых двух рядах нарезки хорошо различимы, в нижнем «читаются» с трудом. Возможно, это был технологический орнамент, возникший в процессе обработки орудия.

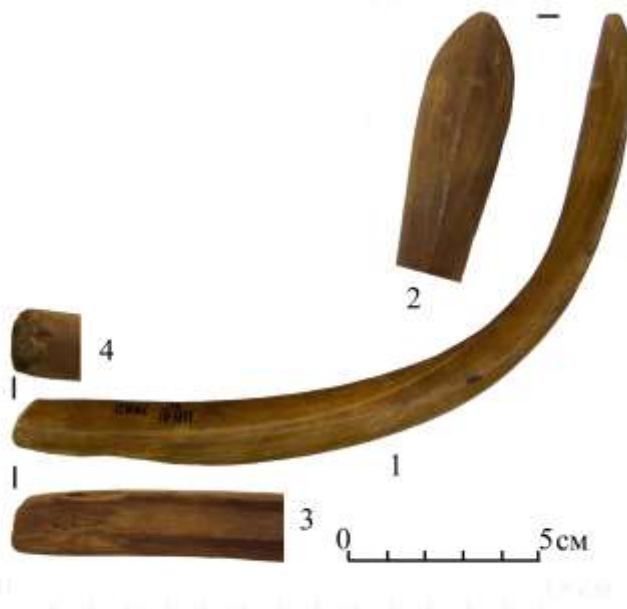

Рис. 4. Стоянка Ивановское III. Деревянная рукоятка из ритуального «клада»
(фото Е. Л. Костылёвой)

Лишь спустя много лет после обнаружения ивановского «клада» пришло понимание назначения этого предмета. Во многом этому способствовали находки в «кладах» на ритуальных площадках могильника и в культурном слое стоянки Сахтыш II (Ивановская обл.). Там были обнаружены сделанные из рога изогнутые рукоятки, как целые, так и в обломках, а также небольшие стержни диаметром около 1 см (рис. 5, 6). В одном из «кладов» (№ 11), обнаруженном в 1979 г., роговой стержень находился в жёлобе обломка изогнутой рукоятки. Своеобразная форма рукоятки способствовала интерпретации этого

предмета как фаллического, сочетающего в себе черты мужского (выделенная головка) и медвежьего (роговая имитация *os repis*'а медведя) органов размножения. Также стали трактовать и связывать с тотемическим культом медведя и прочие подобные находки, в том числе и деревянную рукоятку с Ивановского III [34, с. 101—105; 49, 52].

Рис. 5. Стоянка Сахтыш II. Фрагмент роговой рукояти ретушера из культурного слоя (фото Е. Л. Костылёвой)

Кроме того, на ряде памятников центральной России (Ивановское VII, Чёрная Гора, Шагара II, Языково I) было найдено несколько подобных изогнутых роговых предметов с оформлением одного из концов в виде головы лебедя, что связывалось с представлениями древних о душе [49, с. 114].

Вместе с тем, этнографические параллели позволили предположить, что изогнутые рукояти и крепившиеся к ним в желобок роговые стержни, могли использоваться как ретушеры при изготовлении кремнёвых изделий [3, с. 172, рис. 150, 151] (рис. 7). Это мнение было подтверждено результатами трасологического анализа ряда рукоятей и роговых стержней, проведённого Г. Ф. Коробковой и М. Г. Жилиным⁴.

Заметим, что подобные роговые стержни были обнаружены и в мезолитических слоях ряда торфяниковых стоянок Верхнего Поволжья. На основе трасологического анализа они были отнесены М. Г. Жилиным к «отжимникам первого типа», которые были «широко распространены в Северной полушарии от каменного века до этнографической современности, и применялись в различных рукоятках» [7, с. 6].

⁴ Трасологический анализ комплексного предмета из клада № 11 с Сахтыша II проводился Г. Ф. Коробковой (экспериментально-трасологическая лаборатория ИИМК РАН, С.-Петербург), анализ деревянной рукояти с Ивановского III, роговых рукоятей с Ивановского VII и Сахтыша II, роговых стерженьков с Сахтыша I и II — М. Г. Жилиным (Институт археологии РАН, Москва). Они пришли к заключению, что данные предметы могли использоваться как ретушеры. Доклад Е. Л. Костылёвой и М. Г. Жилина о таковом назначении рассматриваемых предметов был сделан на одном из Тверских археологических семинаров несколько лет назад.

Рис. 6. Стоянка Сахтыш II. Роговые вставки в рукояти ретушеров из культурного слоя (фото Е. Л. Костылёвой)

Рис. 7. Эскимосский инструмент для обработки каменных орудий отжимом (по: [3, с. 172, рис. 150, 151])

Таким образом, найденный в «кладе» на стоянке Ивановское III деревянный предмет является рукоятью ретушёра, а роговой стержень — рабочей вставкой, которая точно «вписывается» в размеры желобка на рукояти (рис. 3: б). От его крепления на дистальном конце рукояти видны своеобразные заломы-вмятины (рис. 4: 3). Сам конец рукояти смят (рис. 4: 4).

Судя по находкам большого количества роговых стержней в культурных слоях сахтышских стоянок (около полусотни), они могли крепиться в деревянные рукояти, которые в обычных условиях, вне торфяника просто не сохранялись. находка деревянной рукояти на стоянке Ивановское III позволяет предположить, что в обычной практике использовались именно деревянные рукояти, как более простые в изготовлении. Более сложные в производстве и более долговечные рукояти из рога изготовлялись, как правило, в ритуальных целях — для помещения в «клады», сопровождавшие захоронения людей.

Все найденные в «кладе» на стоянке Ивановское III орудия имеют большое типологическое сходство с инвентарём других «кладов» волосовской культуры на финальном этапе её развития (самое начало II тысячелетия до н.э. по традиционной хронологии) [16, 17]. Их обычное местонахождение: или возле захоронений, или на специальных ритуальных площадках на территории могильников, реже — в углу жилищ [15, 17]. Ничего подобного на стоянке Ивановское III нет — ни жилищ, ни могильника. Но мы всё же склонны рассматривать обнаруженный «клад» как ритуально-погребальный и считать его синхронным разрушенному в 1966 г. отводной канавой погребению взрослого человека⁵.

Список литературы

1. Алексеева Т. И., Денисова Р. Я., Козловская М. В., Костылёва Е. Л., Крайнов Д. А., Лебединская Г. В., Уткин А. В., Федосова В. Н. Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок. М.: Научный мир, 1997. 191 с.: ил.
2. Алёшинская А. С., Спиридонова Е. А. Геохронология и палеоэкология первобытного человека на стоянке Ивановское VII: По данным палинологического анализа // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 29—37: табл.
3. Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1986. 659 с.
4. Жилин М. Г. О работах Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1994 года. М.: Наука, 1995. С. 100—101.
5. Жилин М. Г. Раскопки Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1995 года. М.: Наука, 1996. С. 137—138.
6. Жилин М. Г. Многослойное поселение Ивановское VII: По раскопкам 1992—1997 годов // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 12—25: ил.
7. Жилин М. Г. Роговые посредники и отжимники в мезолите Волго-Окского междуречья // Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 2012. Вып. 227. С. 211—230.
8. Жилин М. Г., Кравцов А. Е. О работах Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1996 года. М.: Наука, 1997. С. 115—117.

⁵ Разрозненные кости человека, в частности, шесть обломков черепа (определение Н. М. Ермоловой, ЛОИА АН СССР) встречены были и в раскопе 1981 г.

9. Карху А. А. Остатки птиц с поселения Ивановское VII: Предварительные результаты // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 84—86.
10. Кириллова И. В. Охотничья добыча обитателей стоянки Ивановское VII: По костным остаткам млекопитающих // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 63—83: табл.
11. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Волосовские погребения на стоянке Ивановское VII в центральной России // Историко-археологические изыскания. Самара, 1997. Вып. 2. С. 41—54: ил.
12. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Керамика восточно-прибалтийского типа на поселении Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 53—57: ил.
13. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Неолитическая стоянка Ивановское V // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 3. С. 3—23: ил.
14. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Неолитическая стоянка Ивановское II // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 4. С. 32—61: ил.
15. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.: ил.
16. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов: Хронология и типология // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2011. Вып. 8, т. I. С. 340—360: ил.
17. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Волосовские "клады" стоянок Сахтыш II и VIII: Планиграфия, структура, значение // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В. П. Третьякова. СПб.: ИИИМК РАН, 2015. С. 109—114: ил.
18. Крайнов Д. А. Отчет о раскопках стоянки Ивановское III в 1981 году // Отчёт о работе Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР в 1981 году // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 8787.
19. Крайнов Д. А. Исследования Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 68—69.
20. Крайнов Д. А. Результаты работ Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 58—60.
21. Крайнов Д. А. Работы Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 64—65.
22. Крайнов Д. А. Результаты работ Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 68—69.
23. Крайнов Д. А. Результаты работ Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 64.
24. Крайнов Д. А. Работы в Ярославской и Ивановской областях // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 62—63.
25. Крайнов Д. А. Исследования Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 62—63.
26. Крайнов Д. А. Исследования Верхневолжской экспедиции в Ярославской области // Археологические открытия 1984 года. М.: Наука, 1987. С. 73—74.
27. Крайнов Д. А. Исследования Верхневолжской экспедиции в Ярославской области // Археологические открытия 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 73—74.
28. Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Травкин П. Н., Уткин А. В. Исследования Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1986 года. М.: Наука, 1988. С. 69—72.

29. Крайнов Д. А., Зайцева Г. И., Марков Ю. И. Абсолютная хронология неолитических памятников Верхней Волги // Геохронология четвертичного периода: тез. докл. Таллинн, 1985. С. 85—96.
30. Крайнов Д. А., Зайцева Г. И., Уткин А. В. Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское III // Советская археология. 1990. № 3. С. 25—31.
31. Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Скульптурное изображение головы лося с Ивановского болота // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1995. Вып. II. С. 40—48: ил.
32. Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Ивановские стоянки — комплекс мезо- и неолитических озёрно-болотных поселений на Волго-Окском междуречье // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины: Путеводитель совместного советско-французского полевого семинара по теме «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами». М.: Наука, 1984. С. 92—109.
33. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья: По материалам стоянки Ивановское VII / М. Г. Жилин, Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин, А. В. Энговатова. М.: Наука, 2002. 245 с.: ил.
34. Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зимина М. П. Искусство каменного века. М.: Наука, 1992. 136 с.: ил.
35. Сулерджицкий Л. Д., Зарецкая Н. Е., Жилин М. Г. Радиоуглеродная хронология поселения Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 26—28.
36. Сычевская Е. К. Остатки рыб с поселения Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 87—89.
37. Уткин А. В. Исследования на юге Ярославской области // Археологические /открытия 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 95: ил.
38. Уткин А. В. Исследования на юге Ярославской области // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 94.
39. Уткин А. В. Исследования на юге Ярославской области // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 91.
40. Уткин А. В. Исследования на Ивановском торфянике // Археологические открытия 1984 года. М.: Наука, 1986. С. 79.
41. Уткин А. В. Неолитическая стоянка Ивановское I // Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 1988. Вып. 193. С. 65—70: ил.
42. Уткин А. В. Неолитическая стоянка Ивановское VI // Советская археология. 1989. № 3. С. 229—231: ил.
43. Уткин А. В. Орнаментированная кирка с Ивановского болота // Археология Севера. Петрозаводск, 1997. Вып. 1. С. 74—78: ил.
44. Уткин А. В. Орнаментированный роговой топор с Ивановского болота // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 58—62: ил.
45. Уткин А. В. Неолитическая лыжа с Ивановского болота // Каменный век европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад, 2001. С. 232—234: ил.
46. Уткин А. В. Гравировка на камне с Ивановского болота // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994. Вып. I. С. 38—41: ил.
47. Уткин А. В. Хроника археологических исследований Ивановского болота // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 3—11: ил.
48. Уткин А. В., Костылёва Е. Л. Льяловская фигурка птицы из глины с Ивановского болота // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 38—43: ил.

49. Уткин А. В., Костылёва Е. Л. Волосовские скульптурные модели фаллоса // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998. Вып. 3. С. 111—115: ил.
50. Цетлин Ю. Б. Неолитическая керамика стоянки Ивановское VII // Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 1982. Вып. 169. С. 7—13.
51. Энговатова А. В. Неолитические слои поселения Ивановское VII: По материалам раскопок 1992—1997 годов // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 44—57: ил.
52. Utkin A., Kostyleva E. Sculptural phallic models in the Central Russia forest Eneolithic // European Association of Archaeologists. Third Annual Meeting: Abstracts. Ravenna, 1997. P. 109—110.

УДК 94(4)"04/14"

ББК 63.3(4)4

Э. М. Манукян

«ИЗ ТОГИ В МАНТИЮ»: СПОСОБЫ И АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ ГАЛЛО-РИМСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В ЕПИСКОПАТ В IV—VI ВЕКАХ

Настоящая статья посвящена процессу интеграции представителей галло-римской знати в епископат на рубеже Античности и Средневековья, а в частности, способам этой интеграции, которые, в свою очередь, имели определенное влияние на ряд качественных характеристик переоблачившихся из тоги в мантию аристократов-епископов. При исследовании данного вопроса можно выделить как минимум два пути интеграции: в клир из чиновничьей среды; в клир из монастыря. Причем радикальные проявления этих путей (без прохождения церковных ступеней и т. д.) породили своего рода культурные различия между епископами: когда одни выступали приверженцами аскетической традиции, другие оставались верны традиционной аристократической культуре. Данная тенденция внесла вклад в полемику в христианской Церкви о литературном стиле, моделях поведения и о предназначении епископа в эпоху поздней Античности. Тем не менее автор приходит к выводу, что довольно сложно провести какую-либо типологическую дифференциацию между церковнослужителями. Более уместно говорить о клириках, обладающих различными пропорциями элементов аристократической и аскетической традиции в мировоззрении и модели поведения.

Ключевые слова: Позднеантичная Галлия, епископат, галло-римская аристократия, интеграция, церковная аристократия, аристократизм, аскетизм.

Е. М. Манукян

«FROM THE TOGA TO THE ROBE»: WAYS AND ASPECTS OF GALLO-ROMAN ARISTOCRACY INTEGRATION INTO THE EPISCOPATE IN IV—VI CENTURIES

The present article is devoted to the process of Gallo-Roman aristocracy members integration into the cadre structure of Church at a turn of Antiquity and the Middle Ages. Under the focus, in particular, are the ways of this integration which in their turn had a certain influence on a number of qualitative characteristics

© Манукян Э. М., 2020

of the aristocrats-bishops who have redressed from the toga to the robe. It is possible to allocate at least two ways of integration: in clergy from the administrative environment; and in clergy from (or transit through) the monastery. And both radical manifestations of these ways (without passing of church steps, etc.) have generated some kind of cultural differences between bishops: while one part acted more as adherents of ascetic tradition, the others remained more faithful to traditional aristocratic culture. This tendency has made a contribution to the polemic in Christian Church about literary style, behavior models and about mission of the bishop in Late Antiquity. Nevertheless, the author comes to a conclusion that a typological line between bishops can't be drawn as it doesn't exist: each bishop had a certain set of aristocratic and ascetic qualities at various degree of balance which sometimes entered synthesis, sometimes created conflict. It seems to be more appropriate to talk about the clergy who have different proportions of elements of the aristocratic and ascetic traditions in the worldview and their model of behavior.

Key words: Late Antiquity Gaul, Episcopacy, Gallo-Roman aristocracy, integration, Ecclesiastical aristocracy, aristocratism, asceticism.

Многие аристократы IV—VI вв. либо в результате истинного *conversio* [11, р. 1—3, 177—183], либо, понимая все перспективы церковной структуры для продолжения *cursus honorum*, успешно интегрировались в христианский клир на латинском Западе. Во многом и сама Церковь способствовала этому. Являясь *potentiores* в рамках своих *civitates*, такие люди в глазах общины выглядели выгодными кандидатурами для служения и управления. Епископ Поздней Античности становится фактическим руководителем города в силу слабости государственного аппарата. Тем не менее этот тренд имел некоторые качественные аспекты, а кроме того, его последствия реанимировали абсолютно противоположные тенденции в позднеантичном христианстве. Речь идет о внедрении в Церковь элементов светской культуры и последующей за ней ответной активизации аскетической традиции.

В настоящей статье я хочу обратиться к особенностям процесса интеграции галло-римского нобилитета в епископат галльских церквей. Во-первых, мы обратим внимание на способы этой интеграции; во-вторых, что самое главное, рассмотрим аспект качественных культурных различий между новыми клириками, которые отчасти детерминировались их способами интеграции. А именно: различный баланс элементов аристократической и аскетической традиции в их мировоззрении и модели поведения. Также я предлагаю рассмотреть эту тенденцию в роли катализатора полемики внутри Церкви: о моделях поведения клирика, языке богослужения и проповеди.

Можно выделить, по крайней мере, два способа интеграции. Первый — из мира в клир. Крайний случай выражается в посвящении мирянина сразу в епископы без прохождения им предыдущих чинов. Аристократ, ранее имевший какой-либо светский чин, будь то рядового магистрата в Бордо или префекта претория в Арле, внезапно становится предстоятелем общины.

Сидоний Аполлинарий (430—490) [3] был представителем наивысшего звена в аристократической иерархии Римской империи. Но однажды Сидоний перестает фигурировать в исторических источниках как светское лицо, и мы находим его уже в сане епископа Клермона. Пройдет совсем немного времени, и новоиспеченный клирик уже будет участвовать в соборе епископов в митрополичьем городе Бурж (470/471 г.). Тогда на повестке дня стоял вопрос об избрании нового митрополита церковной провинции. Кандидатами были представители абсолютно различных слоев: клирики, монахи, военные,

служилые, среди которых был даже кто-то из ариан. Но решение коллегии падает на человека, которого даже не было в списке претендентов — на Симплиция, *vir spectabilis* и местного магистрата, далеко не последнего человека в городской общине. Сидоний в своей соборной речи сообщает, что Симплиций сам «меньше всего желал этого епископства» (*Sidon. Ep. VII, 9, 22*).

У Сидония также были родственники среди представителей галльского духовенства. Это неудивительно, так как галло-римские аристократические семьи были связаны друг с другом различными узами. Среди наиболее знаменитых родичей Сидония был Авит (451—525), член знатной патрицианской семьи из галльского города Вьенна. Авит получил хорошее образование в своем родном городе. Подобно многим аристократам-епископам еще до своего посвящения он был женат и имел потомство. После смерти своего отца Изикия, который сам был священноначальником Вьенны, община посчитала, что наилучшим преемником епископа будет его сын [15, p. 195—196].

Вступление представителей нобилитета на церковную стезю могло иметь и более последовательный характер. Говоря иначе, аристократ начинал церковную карьеру с меньших духовных чинов. Эннодий (473—521) был родом из Арелата, из галло-римской аристократической семьи, прославившей себя именами консулов и проконсулов. По ранней смерти своих родителей Эннодий был перевезен своими родственниками в Северную Италию [6, с. 7—8], где он и проявил себя как церковный служитель. Прежде чем быть посвященным в чин епископа Павии, он прошел все ступени церковного служения в Милане, начиная с чтеца и диакона [6, с. 10].

Автор жития Германа Осерского, которое уже при жизни автора стало довольно популярным, — Констанций (ум. 480), пресвитер Лионский, также был из благородной галло-римской семьи, но о его жизни известно немного [15, p. 320]; Мамерт Клавдиан (ум. 474) — пресвитер, был одним из видных богословов Галлии. В отличие от Эннодия Констанций и Мамерт Клавдиан закончили свою жизнь только в сане пресвитера [15, p. 378].

Данный процесс не мог проходить бесследно. Клирики из нобилитета довольно успешно приносили в исполнение своей должности и в христианскую Церковь в целом традиционные добродетели и практические навыки, которые отличали людей их круга и с которыми они были связаны генетически. Стиль их жизни и интеллектуального творчества был тесно связан с идеалами, ценностями и предрассудками, которые они традиционно исповедовали. Сидоний и Авит представляются для Галлии наиболее известными представителями так называемых аристократических епископов. Являясь могущественными *potentiores* в рамках своих общин, они идеально подходили для епископского служения. Будучи христианами, помимо светских сюжетов они писали и на сюжеты религиозные. Многие письма Авита посвящены церковным вопросам, а также ряд его сочинений, например, его крупнейшее произведение *De spiritalis historiae gestis*, представляет собой поэтические переложения ветхозаветных повествований. Заметная часть посланий Сидония адресована другим галльским епископам, но в большинстве из них обсуждаются не столько дела духовные, сколько старые аристократические темы дружбы и взаимной любви. Впрочем, от Григория Турского (538—594) мы знаем, что он составил целую книгу избранных проповедей Сидония (*Greg. Tur. Hist. II, 22*), которая, к сожалению, на настоящий момент утеряна. Его стихи содержат и некоторые религиозные сюжеты, но они классические по своей форме и по духу больше тяготеют

к произведениям языческих авторов (*Sidon. Carm. XVI*). Став епископом, он обещал даже покончить с поэзией, но так и не смог сдержать своего слова.

Епископ Сидоний стал не только религиозным лидером своей общины, но и политическим. Свой накопленный еще во времена светской службы административно-политический опыт и связи с сильными мира сего он успешно перенес на новую почву. Это ярко проявилось во время так называемой «битвы за Клермон» — агрессии вестготов короля Эвриха на Овернь (471—474). Вместе со своим зятем Экдицием они организуют оборону города от варваров, используя как военные, дипломатические, так и религиозные методы защиты (введение коллективных молений с целью сплочения). Епископ Авит благодаря своему авторитету смог добиться доверительных и даже дружеских отношений с королем бургундов Гундобадом, а во время правления сына последнего бургунды даже перешли из арианства в православие, что было во многом заслугой Вьеннского епископа. В вопросах взаимоотношения церкви и мира он придерживался позиции рафинированного аристократа. Вот как, например, он выражается по поводу вошедшего в галльский обиход обыкновения выбирать пресвитеров народным голосованием: «Довольно удручающее обстоятельство, что нынче поставление в пресвитеры провозглашается народным решением: выбор в посвящении епископов сохранен за народом, для того чтобы в отношении последующих решений, [епископу] был выдан мандат, и он мог назначить того, кого бы посчитал [лучшим]» (*Avit. Ep. LXXV /66/*).

Подобный способ интеграции нашел себе определенную альтернативу, которая выразилась во втором способе интеграции. Приход на Запад с Востока монашеской идеологии в середине IV в. не просто не обошел стороной Галлию, но оказал качественное влияние на христианскую культуру в этом регионе.

Конечно же, здесь мы должны начать с патриарха западного аскетизма — Мартина Турского (316—397), между прочим, человека довольно скромного происхождения. Мартин являлся одним из первых галльских подвижников, кто своим личным примером установил аскетическую практику в этом регионе [12, р. 87—115; 8, с. 97; 9, с. 157—175]. В «Диалогах» Сульпиция Севера (363—425) читателю ясно дается понять, что духовно-аскетические подвиги Мартина являются ориентиром для галльского христианина, его непосредственным образцом для подражания [2]. Епископ Паулин Ноланский (353—431), безусловно, имел перед собой примеры Мартина Турского и Феликса Ноланского (ум. 250), когда, еще будучи пресвитером, стал вести жизнь аскета и распродал в пользу нуждающихся свое богатое имущество в Галлии и Испании. Впоследствии вместе со своей женой-христианкой они основали в итальянском городе Ноле монашескую общину. Кстати говоря, именно Паулин был первым, кто привез в Италию книгу *Vita Martini* Сульпиция (*Sulp. Dial. I, 23, 4*) и дал развитие культу святого Феликса. Сам же Паулин был родом из влиятельной семьи сенатора из Бордо. Получив хорошее образование в своем родном городе, а его учителем, между прочим, был сам Авзоний, он сделал себе карьеру консула, а затем и губернатора в Кампании, где и познакомился впервые с городом, в котором будет нести епископское служение. Но вот что он напишет Авзонию, уже расставшись с жизнью благородного аристократа и посвятив себя подвигам благочестия:

...скорее жизнь сама

Оставит мое тело, чем из сердца [исчезнет] ваш образ.

(*Paulin. Nol. Poema XI*).

Это грустное, но окончательное подтверждение отказа от мира, от радостей аристократической жизни [1, с. 73]. От Авзония, символизировавшего для Паулина всю светскую науку и мирской образ жизни, он «уходит» к святому Феликсу — к *modus vivendi* истинного христианского праведника. Но в то же время эти слова символизируют память о своем прошлом, что, конечно, будет выражаться и в практической деятельности епископа.

Случай Паулина не единичен. Его близкий друг — Сульпиций Север также был под влиянием Мартина Турского, когда бросил адвокатскую карьеру в Бордо, распродал почти все свои владения и удалился в пустыню, а позже был посвящен в пресвитеры. Из более поздних последователей святого Мартина был Герман Осерский (378—448). Наверное, только он может сравниться с Мартином Турским по уровню влияния его культа в Галлии. Но он происходил из знатной и богатой семьи галло-римлян; получил образование в Риме; и, приняв христианство уже в зрелом возрасте, почти сразу же был рукоположен в пресвитеры, а только затем в епископы Осера. Следуя Мартину Турскому, он был строгим аскетом и являлся одним из первых основателей монастырских общин галльского типа как в Галлии, так и на территории Британии, где боролся с пелагианской ересью.

Мы имеем дело с появлением епископов и клириков с аристократическими и аскетическими чертами. Разве Паулин перестал заниматься поэзией? Теперь его стихи приобрели христианское содержание. Но осталась привычная классическая форма. Мы видели, как «образ» учителя запечатлелся в сердце Паулина. Однако он более не светский властитель, но рачительный пастух своей паствы. Но дело в том, что отныне границы между христианской общиной и гражданской *civitas* размылись. Любой епископ, управляющий общиной, автоматически должен был участвовать и в управлении городом. Я полагаю определить проникновение монашества в клир как предтечу второго пути интеграции аристократии в клир, когда аристократ приходит в клир, через монастырь, через увлечение аскетической практикой. Благочестивый аристократ вполне подходил для священнического сана. Христианский аскетизм не был таким уж непопулярным среди галло-римской аристократии. Впрочем, большинство благородных последователей святого Мартина исповедовали аскезу в более умеренной форме, нежели сам отец галльского аскетизма [8, с. 56; 3]. Тем не менее такие люди, как Паулин, Сульпиций и Герман — это скорее частные случаи, чем какое-то правило. С основанием монастырей и реорганизацией монашества ситуация начинает меняться.

Дело великого основателя Лигуже и Мармутье должно было быть продолжено. За веком таких пионеров радикальной аскезы на Западе как Иларий Пиктавийский и Мартин Турский пришел век Иоанна Кассиана (360—435) и его киновитского монашества. V век характеризуется ростом монашеского движения [13, р. 143]. Деятельность таких отцов западного монашества, как Иоанн Кассиан и Бенедикт Нурсийский (480—547), носила совсем иную направленность. Это было сдерживание рамок аскезы, упорядочивание монашеской жизни, поиск баланса между допустимой аскезой и продуктивной деятельностью монаха [10, р. 143—144]. Личные идеи и опыт, который они заимствовали у восточных отцов-пустынников из Сирии, Египта и Палестины, выразился в составленных ими монастырских *Regulae*.

Аристократы, подобные братьям Роману (ум. 460) и Лупицину (ум. 480), вдохновленные *De laude heremi* Евхерия, умудрялись находить

пустыню и там, где, как казалось, ее вовсе и не было — в галльских горах и лесах. Однако взамен уединенной жизни в скиту они получили сотни, а может, и тысячи последователей. Рождалась монашеская община, жизни в которой были необходимы определенные нормативные регуляторы. Так, за полвека до этих великих Юрских подвижников другие молодые братья из богатой знатной семьи — Гонорат (350—429) и Венанций (ум. 474) бросают своих родителей, свою аристократическую жизнь и устремляются к берегам, на которых римская образованность — то, что и отличало их, почиталась за варварство (*Hil. Arel. Vit. Non. II, 13, 2*).

Известное хождение братьев-подвижников в Грецию [8, с. 98—99] окончилось для младшего Венанция трагическим исходом. Но Гонорат не пал духом. По возвращении на родину он удаляется на Леринские острова, что у юго-восточного берега Галлии. И он также не смог остаться в одиночестве. Обитель на Леринском острове станет одним из крупнейших центров монашеского общежития на позднеантичном Западе.

Это был еще один шаг к умеренному аскетизму, который выбирали аристократы. Впрочем, практика покажет, что не всегда одной из особенностей монашества был его пестрый социальный состав. При этом многие из монашествующих, как бы это ни было странно, являлись выходцами из аристократической элиты. В Галлии эта тенденция проявилась особенно ярко. Бывший леринский монах, епископ-аристократ Иларий Арелатский (401—449), когда писал вступление к *Vita Honorati*, формулировал свою мысль предельно четко:

«Всем известно, что искусство речи, прежде чем приступить к прославлению чей-либо жизни, сперва требует сообщить о его отечестве и происхождении... Мы же все во Христе едины; и верх знатности состоит в том, чтобы быть причисленным к чадам Божиим; и не может добавить нам какой-либо чести достоинство земного происхождения... Нет никого более славного на небесах, чем тот, кто, отбросив родословие отцов, выбрал быть причисленным к одному лишь роду Христа. Итак, я пропускаю упоминание о его дедовских знаках мирских почестей...» (*Hil. Arel. Vit. Non. I, 4, 1*).

Мы наблюдаем полемику монашеско-аскетической традиции с аристократической. Сам же аристократ Иларий воспекает полный разрыв с аристократическим сословием как ненужным и бессмысленным для стяжателя небесной славы предметом. Однако внимательный глаз может найти здесь определенный парадокс. Мы видим смешение классического топоса смирения с топосом благородства. Иларий хоть, кажется, и предвзят к благородству, но все-таки не забывает сказать о принадлежности своего *patronus* к знатному роду.

М. А. Уэс совершенно прав, когда отмечает, что уход молодых аристократов от семьи, из мира в монастырь являет собой пример настоящего «rebellion» не только против своего *pater familias*, но и против всей сложившейся социальной системы, тем самым выказывая презрение к благородному происхождению [19, р. 256]. Более вызывает интерес, что позже многие из них возвращались в эту систему. Только платформой этой системы на этот раз выступал христианский клир. Точно так же вернулся и Иларий, как когда-то и Гонорат, о чем отказе от мира сего написано выше. Он вернулся в мир — в эту родную и привычную для аристократа систему координат — хоть сам может этого и не осознавал. Вместе с такими епископами эта полемика и проникнет и в клир.

Отныне с появлением в Галлии упорядоченной монашеской жизни второй путь перехода галло-римских аристократов «из тоги в мантию» приобретает более системный характер [18, р. 188—195]. Как уже было сказано, Гонорат после своего игуменства на Лерине был приглашен на престижный Арелатский престол. Стоит ли говорить о том, что многие из иноков этого монастыря последовали его примеру: Иларий Арелатский, Цезарий Арелатский, Евхерий Лионский, Викентий Леринский, Фауст Регийский, Луп Труаский, Сальвиан Массилийский и т. д. Таким образом, этот монастырь превратился в настоящую кузницу епископских кадров для Галлии.

Р. Матизен склонен искать причину подобной «смены облачения» в определенной программе галло-римских аристократов, или, как он ее называет, «идеологии монашеского и аристократического сообщества». Взяв на вооружение христианскую идеологию, галло-римский нобилитет, находящийся под угрозой исчезновения, смог найти прекрасно подходящую для себя площадку в лице общежительного монастыря, а затем и церковной общины не просто для продолжения привычной им деятельности, но для выживания — это была своего рода защитная реакция на вызовы настоящего века. Именно с этим и связывается умеренный или, вернее было бы сказать, аристократический аскетизм галльских монахов, которые якобы всего лишь поддавались внешней конъюнктуре. Это было сообщество аристократов, где все действовало в едином аристократическом духе. Таким образом, американский историк считает, что границы были размыты и не поддавались определению не только между ролями епископа, монаха и мирянина, но и между аристократизмом и аскетизмом вообще [17, р. 203—220].

Конечно, провести типологическую дифференциацию между епископами-аристократами не представляется возможным. Это как минимум методологически неверно, поскольку пытаться установить принадлежность того или иного епископа-аристократа к конкретному типу — это все равно что признать их статичность как личностей и полное отсутствие у них индивидуальности, что с методологической точки зрения является неверным. Пусть границы, о которых говорит Матизен, и расплывчаты, но их все же можно постараться наметить, дабы выявить определенное соотношение аскетических или аристократических качеств, а также степень приверженности к этим двум традициям у епископа-аристократа и преобладания какой-либо из них.

В монастыре нобили получали религиозную прививку. Отрекаясь от мирского, аристократического образа жизни, они предавались жизни монашеской. С приходом подобных людей в клир мы обнаруживаем их несколько отличными от епископов аристократического направления, подобных Сидонию или Авиту. Вместе с собой они приносили то, что усвоили в обители, — аскетическую традицию. Р. Х. Уивер говорит, что монастыри типа Лерина или св. Виктора в Массилии были своего рода «окнами, через которые Восточно-монашеская традиция проникла в южную Галлию» [8, с. 102]. Сочинение *De laude heremi* Евхерия не могло не оказать назидательного влияния не только на сознание молодых нобилей, но и на клириков. Когда-то и на него самого точно также повлияли истории о св. Антонии, и он вместе со своей семьей нашел в Лерине свой спасительный «остров». Получив там же опыт общежительного монашества, Цезарий, вернувшись на материк, уже в качестве епископа будет стараться выстроить структуру Арелатской церкви именно по монастырскому принципу. Основанная на подчинении воли человека, дабы созерцать Бога, эта традиция, сфокусированная на сугубо

христианской литературе — Священном Писании и Священном Предании, синтезируется и вкореняется в традиционную культуру аристократии, засеивая ее семенами собственных ценностей, вырабатывая тем самым несколько иной культурный язык и понятийный аппарат.

Но подобная тенденция не могла так просто привести к синтезу аристократической и аскетической культуры без их неизбежного конфликта, выраженного в определенной полемике между представителями духовенства о стиле и языке церковного служения, проповеди, их моделей поведения и о предназначении епископа вообще. Далее мы наиболее четко сможем увидеть, как аристократическая культура взаимодействует и иногда даже противостоит, по сути, чуждой ей культуре аскетической и как подобного рода синтезы и конфликты транслируются в Церковь. Кроме этого, мы можем проследить характер взаимоотношений клириков-аристократов разных культурно-религиозных ориентиров.

Когда Сидоний был поставлен на епископскую кафедру Клермона, к нему пришло поздравительное письмо из Труа, от епископа Лупа [4, с. 17—23; 5, с. 8—22]. Луп Труаский упражнялся в аскезе еще со времен своего пребывания на Лерине. Обладая истинными христианскими добродетелями и незаурядным умом, он снискал огромный авторитет в Галлии, став по почестям *princeps pontificum Gallicanorum* (Sidon. Ep. VII 13, 1). Ответное послание Сидония говорит само за себя:

«молись за меня, дабы я, наконец, уразумел, что сколь великое бремя возложено на плечи мои... Ведь какой больной может предложить хорошее лечение? Какой страдающий от лихорадки может, самонадеянно прикоснувшись к руке больного, определить, ровное ли у него биение пульса? Какой дезертир имеет право похвалиться знанием ратного дела? Какой чревоугодник может обвинять в чрезмерности воздержанного в пище?» (Sidon. Ep. VI, 1, 5).

Образ жизни утонченного аристократа и светского поэта Сидония по всей очевидности довольно тяжело был сопоставим с церковным служением в понимании епископа-монаха Лупа. Сидоний с колоссальной эмоциональностью выражает свои сожаления о его прошлой жизни и обещает Лупу встать на путь истинный. Он просит молитв за него «недостойного из смертных», чья грешная душа, по его словам, недостойна принять на себя епископскую ношу. На самом ли деле Сидонию не давала покоя прежняя жизнь изысканного нобилия и участника политических интриг? Или подобное самоуничижение было проявлено в угоду риторическому содержанию? Все же он в действительности мог испытывать стеснение перед своим старшим коллегой по поводу пробелов в «небесных науках». Но, вероятно, здесь мы имеем дело со скрытым диалогом о моделях поведения клирика, который на наших глазах перерастает в определенный дискурс между двумя парадигмами: христианско-аскетической и христианско-аристократической. Но не стоит забывать и то, что, несмотря на аскетизм Лупа, он был аристократического воспитания, и привычки знати были ему вовсе не чужды.

Что касается небесных наук, то репрезентация литературно-поэтического мастерства галло-римским аристократом являлась своеобразной нормой повседневной жизни. Но не представляется ли логичным, что монахи, получившие за свою аскетическую жизнь опыт в чтении христианской литературы, считали, что священнослужителю более надлежало разбираться в религиозной литературе, чем в светской/языческой, и выражаться более простым языком, нежели ставить паству в конфуз вычурностью стиля? Впрочем,

нужно быть очень наивным, полагая, что священнослужители аскетической ориентации полностью отреклись от светской литературы и изящной словесности. Мы читаем в одном из посланий Сидония, как все тот же Луп обижается, когда Сидоний дарит очередной том своих *Писем* не ему, а совсем другому человеку. И эта обида вызвана не только потревоженными узами дружбы, но и литературной страстью (*Sidon. Ep. IX 11*).

Продолжая эту мысль, обратим внимание на довольно любопытное послание медиоланского диакона Эннодия. Вот как он отвечает на выпады своего адресата Юлиана Померия (ум. 500), ученого пресвитера из Арелата, по поводу слабости его стиля:

«Как сообщил святой Феликс, письмоносец, ты, воспитанник Родана, искал в письмах моих, продиктованных без заботы, римскую соразмерность и плавное течение латийской речи... Я не должен и не предполагаю рисковать относительно изысканного красноречия, как тот, кто мог бы на это отважиться, поскольку стремление к простому учению достаточно для моего призвания» (*Ennod. Ep. II, 6, 3*; пер. В. М. Тюленева).

Необходимо отметить, что и Эннодий и Померий, хоть и не были монахами, но оба были под влиянием монашеской традиции [15, р. 896; 14, с. 45—52]. В данном случае диакон-аристократ Эннодий отвечает как истый христианский учитель, который полностью отрекся от светской науки ради служения Божественной мудрости. Однако, как верно заметил В. М. Тюленев, в его словах чувствуется обида на резкую критику Померия [7, с. 71]. Культурный аристократ никуда не делся в диаконе Эннодии и не денется даже тогда, когда он станет епископом. Еще более занимательна заключительная часть этого послания:

«Теперь же, прощай, мой господин, и яви себя по отношению ко мне скорее покровителем церковного учения. Напиши и сообщи мне, кто у Мельхиседека были родителями, как истолковывается ковчег, в чем потаённый смысл обрезания и что заключено в тайнах пророков. Пусть будут отброшены цветастые фразы мирских [писателей]...» (*Ennod. Ep. II, 6, 6*; пер. В. М. Тюленева).

Перед нами не что иное, как ответный выпад Эннодия в адрес Померия. Он хочет напомнить ему о долге священнослужителя, о чем он должен мудрствовать прежде всего — не о музах, но о Боге. Как отмечает В. М. Тюленев, выпад становится более жестким от того, что в произведении Юлиана Померия *De vita contemplativa*, к которому Эннодий, видимо, имел доступ, автор предостерегал церковнослужителя от увлечений красноречием [7, с. 72].

По всей вероятности, прочтение из Эннодия чего-то слишком «незатейливого», не обремененного грудой риторических тропов и вычурной игрой слов, заставило пробудиться гордого римского интеллектуала в Померии, который сам, будучи священником, проповедовал простоту слога и имел тесные связи с Лерином и его резидентами.

Не менее показательную историю приводит «Житие Цезария», в котором рассказывается, как будущий епископ Арелата, изнуренный в Леринском монастыре бдениями и подвигами благочестия, по решению аббата возвращается на материк для лечения. Там, в Арелате, он приобретает новых учителей, в частности, уже знакомого нам Юлиана Померия. Последний же не ограничивался своими наставлениями для италийских клириков и стал преподавать молодому Цезарию классическую риторику и, как мы увидим ниже, снабжал его соответствующими книгами. Чтобы узнать, что случилось далее, откроем *Vita Caesarii*:

«Но не принял творения человеческой науки тот, кого Божественная Благодать приготовила себе. Будучи в изнеможении от бдений, он лег на кровать и книгу, которую ему дал для чтения учитель положил под плечо. Когда же он заснул, по Божественному вдохновению его поразило ужасное видение. Он ... увидел, как его плечо и руку, которые покоились на книге, пожирала извивающаяся змея. Очнувшись от сна, он стал укорять себя за то, что намеривался соединить свет спасительного учения с мудростью мира сего» (*Vit. Caes. I, 9*).

Данный отрывок из жития — это своего рода назидательное видение. Стоит согласиться с У. Е. Клингширном, который говорит, что «мораль этого сна сводится скорее не к осуждению риторики как таковой, но к позитивному взгляду на христианскую культуру. Здесь можно увидеть намек на ту дискуссию, которая велась в Галлии на протяжении всего V в. Дискуссия о стиле, методах и языке, которых следует держаться христианскому клиру в пастырском богословии и проповеди» [14, р. 74—75].

Стиль Цезария Арелатского в действительности был довольно простым для понимания его паствой. Его проповеди подтверждают данный тезис. Вполне возможно, что выбор Цезарием простого языка проповеди во многом обуславливался и сложной религиозной обстановкой в Южной Галлии в начале VI в. [8, с. 249—253]. До «полного» искоренения языческих практик и обрядов на периферии было еще долго. Похоже, что идентичная ситуация была и у епископа Мартина Брагского (520—580) в испанской Галисии. Испытав сильное влияние монашеской культуры во время своего путешествия по Южной Галлии, а возможно, даже и встретившись тогда с Цезарием, он применил на практике их опыт, когда писал свою проповедь *De correctione rusticorum*. Но, пожалуй, самый классический пример — это *Historiarum libri* Григория Турского. Будет наивным верить автору, что простой язык повествования обусловлен его скромными литературными талантами. Такой подход роднит *Историю франков* с христианской проповедью. Тем более, если принимать во внимание задачи, которые ставил перед собой автор. Монашеско-аскетическая культура напомнила христианскому духовенству не только об аскетизме духовно-физическом, но и об аскетизме в языке.

Таким образом, мы видим, что совершенно разные причины приводили благородную элиту римского государства на служение Церкви. Это мог быть и определенный прагматизм действий, но также это мог быть и настоящий кризис идентичности, или даже что-то третье. Как бы то ни было, но итог один — церковь в период тотальных потрясений, несомненно, желала видеть у своего кормила сильных и влиятельных личностей. Очевидно, что и аристократы могли видеть в этом путь своего спасения. Тренд в сторону обмирщения если не в целом, то во многом был детерминирован подобной аристократизацией церкви и христианства. Реакция была незамедлительной. Появление монастырей как места монашеских общежитий было результатом радикального ответа «новых» людей, реверсией в сторону апостольской жизни первых веков христианства. Но и здесь мы видим, как многие благочестивые аристократы готовы отречься от всего ради созерцания Господа.

Однако этот уход мог быть не вечным. Ситуация в Церкви и в мире требовала авторитетных руководителей. И некоторые возвращались в мир, но уже выступая там в роли пастырей общин. Такие люди приносили с собой в Церковь монашеско-аскетическую традицию, которая противостояла, но отчасти и дополняла классическую аристократическую традицию. Как мы могли увидеть, путь, через который аристократ интегрировался в духовенство,

влиял на его модели поведения и систему ценностей, взаимоотношения с Церковью и миром, паствой и чужаками, государством и варварами, т. е. на то, какая традиция превалировала в нем более — аристократическая или аскетическая. Монастырь или аскетические практики могли выступать своего рода нивелирами аристократических ценностей. Но вместе с тем даже те аристократы, которые пришли к церковному служению из монастыря или через подвиги аскезы, не могли (или не хотели) утратить свой аристократизм полностью. Они оставались аристократами несмотря ни на что. Подобная дифференциация породила внутрицерковную полемику об идеальном епископе, о надлежащем языке проповеди.

Но, так или иначе, аристократы, интегрируясь в христианский клир, выступили трансляторами и аристократической и аскетической культуры в церковно-христианскую жизнь. Несмотря на это, довольно сложно провести какую-либо типологическую дифференциацию между церковнослужителями. На мой взгляд, более уместно говорить о клириках, обладающих *различными пропорциями элементов аристократической и аскетической традиции* в мировоззрении и модели поведения.

Список литературы

1. Браун П. Культ святых. Его роль и становление в латинском христианстве. М.: Росспэн, 2004. 207 с.
2. Донченко А. И. Сульпиций Север и его произведения // Сульпиций Север. Сочинения. М., 1999. С. 211—279.
3. Ешевский С. В. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. // Собр. соч.: в 3 т. М., 1870. Т. 3. 342 с.
4. Манукян Э. М. Переписка Сидония Аполлинария и Лупа Труаского // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Иваново, 2014. Вып. 6. С. 17—23.
5. Манукян Э. М. Еще раз о переписке Сидония и Лупа (Вступительный комментарий к письмам VI.9 и IX.11) // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Иваново, 2016. № 8. С. 8—22.
6. Тюленев В. М. Магн Феликс Эннодий — человек уходящей эпохи // Магн Феликс Эннодий. СПб., 2013. С. 5—52.
7. Тюленев В. М. Эннодий и Померий: к истории одного письма // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 3 (6). С. 69—76.
8. Уивер Р. Х. Божественная благодать и человеческое действие: исследование полупелагианских споров. М., 2006. 332 с.
9. Федотов Г. П. Св. Мартин Турский — подвижник аскезы // Православная мысль. 1928. № 1. С. 157—175.
10. Chadwick O. John Cassian. A Study in Primitive Monasticism. Cambridge, 1950. 213 p.
11. Fifth-century Gaul: a Crisis of Identity? / ed. by J. Drinkwater and H. Elton. Cambridge, 2002. 400 p.
12. Fontaine J. L'ascétisme chrétien dans la littérature gallo-romaine d'Hilaire à Cassien // La Gallia romana. Accademia Nazionale dei Lincei: problemi attuali di scienza e di cultura. Roma, 1973. P. 87—115.
13. Griffe E. La Gaule chrétienne à l'époque romaine. Paris, 1964—1966. Vol. 3. 400 p.
14. Klingshirn W. E. Caesarius of Arles: The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Cambridge, 1994. 344 p.
15. Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD 395—527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 1343 p.

16. *Mathisen R.* PLRE II: Suggested Addenda and Corrigenda // *Historia*. 1982. № 31. P. 364—386.
17. *Mathisen R. W.* The Ideology of Monastic and Aristocratic Community in Late Antique Gaul // *POLIS Revista de ideas y formas políticas de la Antigüedad Clásica* 6. 1994. P. 203—220.
18. *Rapp C.* Holy Bishops in Late Antiquity: The Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley, 2005. 347 p.
19. *Wes M. A.* Crisis and Conversion in Fifth-century Gaul: Aristocrats and Ascetics between «Horizontality» and «Verticality» // *Fifth-century Gaul: a Crisis of Identity?* / ed. by J. Drinkwater and H. Elton. Cambridge, 1992. P. 252—263.

УДК 791.43.03
ББК 85.373(7Coe)

К. А. Юдин

КОНТРОЛЬ НАД ДЕТСТВОМ ПО-АМЕРИКАНСКИ: СЕМЕЙНЫЙ КИНЕМАТОГРАФ США В ПЕРИОД «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»*

Статья посвящена феномену контрольно-цензурной регламентации американского детства и его репрезентации в семейном кинематографе. На материалах медиа-текстов 1940—1960-х годов проиллюстрирован генезис и визуализация следующих взаимосвязанных и сопряженных друг с другом разновидностей, форм контроля: цензура, родительское медиа-наблюдение, самоконтроль в рамках сопричастности к власти, медиа-моделирование угрозы, популяризация (медиация) молодежной субкультуры. Делаются выводы о том, что ведущей функцией семейного кинематографа стало установление генерационной коммуникации, связи между поколениями — детей и «бывших детей» (взрослых) с целью формирования представлений о «единственно правильном» онтологическом маршруте. Он был основан на ценностях христианского фундаментализма, клерикального корпоративизма, повседневно-капиталистического благосостояния, индивидуализма в стране «неограниченных возможностей», позволявшей «сделать самого себя» и осуществить национальную социализацию и интеграцию в мировое сообщество. Все выделяемые формы контроля над детским / семейным кинематографом в ходе их реализации условиях «холодной войны» были направлены на повышение эффективности кинематографии этого типа как «мягкой силы», позволяющей структурировать медиaprостранство и консолидировать его участников в нужном направлении, укреплять «санитарный» идеологический «железный занавес» для формирования идейно-мировоззренческого иммунитета против антиамериканской пропаганды.

Ключевые слова: детский кинематограф США, «family movies», «холодная война», политический контроль, цензура, идеология.

© Юдин К. А., 2020

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

• Серия «Гуманитарные науки»

K. A. Yudin

CONTROL OF CHILDHOOD IN THE AMERICAN FAMILY CINEMA DURING THE «COLD WAR»

This article is devoted to the phenomenon of control and censorship regulation of American childhood and its representation in family cinema. The materials of the 1940—1960's media texts illustrate the genesis and visualization of the following interrelated and interdependent varieties and forms of control: censorship, parental media surveillance, self-control in the framework of involvement in the authorities, media modeling of threats, popularization (mediation) of youth subculture. It is concluded that the leading function of family cinema was to establish generational communication, communication between generations — children and “former children” (adults) in order to form ideas about the “only correct” ontological route. It was based on the values of Christian fundamentalism, clerical corporatism, everyday capitalist well-being, individualism in the country of “unlimited possibilities”, which allowed “to make oneself” and implement national socialization and integration into the world community. All the distinguished forms of control over children's / family cinema during their implementation of the Cold War conditions were aimed at increasing the effectiveness of this type of cinema as “soft power” aimed at neutralizing anti-American propaganda.

Key words: US children's cinema, “family movies”, “cold war”, political control, censorship, ideology.

Важнейшим и неотъемлемым элементом культурного пространства «холодной войны» выступал семейный / детский кинематограф. За ним в соответствии с американскими национальными киноведческими и историографическими традициями закрепился обобщенно-собирательный термин — «family movies». Несмотря на его условно-инструментальный характер, обусловленный множественностью концептуальных вариаций данного понятия, объем которого, по признанию исследователей [10, p. 12—13], не представляется возможным очертить в силу не меньшего, по своему жанровому и идейно-художественному своеобразию, диапазона кинопроизведений, затрагивающих детскую тематику, в целом оно является востребованным при изучении «детского холодного фронта».

«Family movies» можно рассматривать как «гиперреалистическую» площадку для политико-идеологического конструирования, трансляции и репрезентации основополагающих идейно-мировоззренческих установок США, выступающих в виде представлений об «American dream» и «American way» как «вершинах» культурно-цивилизационного развития [1, с. 18]. В силу этого, ведущей функцией семейного кинематографа стало установление генерационной коммуникации, связи между поколениями — детей и «бывших детей» (взрослых) с целью обеспечения «единственно правильного» маршрута, основанного на ценностях христианского фундаментализма, клерикального корпоративизма, повседневно-капиталистического благосостояния («prosperity»), индивидуализма в стране «неограниченных возможностей», позволяющей «сделать самого себя» («self-made man»), по национальной социализации и интеграции в мировое сообщество. Именно в этом смысле было важно, чтобы семейный / детский фильм обладал определенной универсальностью. По мнению Э. Бёрда, председателя правления «Disney International» в 2004—2018 гг.: «Семейный фильм» — это фильм, который может смотреть вся

семья вместе, а также фильм, который может смотреть широкая демографическая аудитория. Истинный смысл <...> состоит в том, могут ли ребенок и его / ее дедушка и бабушка побыть вместе и одинаково наслаждаться фильмом» [10, p. 13].

Идеологической телеологией как наступательно-упреждающего, так и оборонительного характера, направленного на защиту американских детей от «демона социализма», «безбожного, атеистического коммунизма», как полагали некоторые кинематографисты, например, Л. МакКери [11, p. 109], «красного дьявола», а также от созерцания на экране любых проявлений девиантного, аморального поведения, были продиктованы стремления обеспечить эффективную контрольно-цензурную регламентацию семейной / детской кинематографии жесткими «взрослыми методами».

Цензура как ведущий метод контроля: от «Кодекса Хейса» — к рейтинговой системе

Базовой, конституирующей формой контроля по однозначному признанию исследователей [6, 7, 9, 20] над детским, семейным кинематографом в США выступала *цензура*. Ее разновидности и уровень информационной сегрегации применительно к кинопродукции напрямую коррелировали с возрастом представителей детской аудитории. Как отмечала Р. Кандэнис «дети, подростки и семьи имеют сложное отношение к средствам массовой информации, которое варьируется в зависимости от возраста, пола, поколения и семейного окружения. Понимание детьми СМИ меняется по мере их роста. Каждое поколение по-разному переживает и воспринимает медиа» [18, p. 5].

В институционально-политическом отношении применение этой формы контроля выразилось в создании объединенного цензурного «железного занавеса», который опустился не во второй половине 1940-х, а уже в 1920—1930-е гг., когда под влиянием консервативных общественных и религиозных организаций, в частности, Национального Легиона благочестия (приличия) / National Legion of Decency, был принят этический кодекс Голливуда, известный как «Кодекс Хейса» (Motion Pictures Production Code), активно применявшийся с 1934 г., а также разработана система фильтрации кинопродукции, выявления ее морально-политической благонадежности. В «Кодексе» к «предметам, вызывающим отвращение» были отнесены сцены к/ф, в которых демонстрировалась «явная жестокость по отношению к детям и животным». Недопустимым признавался показ половых органов детей [3].

Кроме того, устанавливалась так называемая «циклическая цензура», на основании которой кинопроизведения делились на категории-циклы («The gangster Cycle», «The sex Cycle», «The Horror Cycle»), по которым и подвергались обследованию со стороны Production Code administration (PCA) на предмет допустимости для детской аудитории и наличия элементов «family movies» [19, p. 47]. Фильмы выходили на экраны только в том случае, если его производители получали т. н. «печать непорочности» («Purity Seal of approval») — разрешение на прокат [2].

Несмотря на внешне благородную цель, заключавшуюся в попытках рационализации детского медиаобразования, выявления того, что однозначно не могут и не должны смотреть американские дети, поскольку определенные темы и сюжеты «нанесут более юным зрителям явный моральный ущерб» [3], данная система контроля изначально была построена на диспропорциях

между применением принципов «чистой этики» и ханжеско-моралистических установок с явным доминированием последних. Важно обратить внимание на особую роль американской общественности — специфических объединений — гендерно-политических и этнонациональных корпораций, таких как «Дочери американской революции» / «The Daughters of the American Revolution» (DAR), Национальный конгресс родителей и учителей / «National Congress of Parents and Teachers», «Национальный совет еврейских женщин» / «National Council of Jewish Women» [8, p. 3—4].

Представители этих организаций, а также отдельные активисты, опираясь на результаты проведенных ими исследований «тлевого» влияния фильмов на детей, якобы вовлеченных в процесс собственного морально-нравственного разложения [14], выступали с требованиями «достойного кино» («decent movies»). Все эти требования, как правило, излагались и подавались в крайне экзальтированной форме, с гипертрофированным критицизмом в отношении отдельных кинопроизведений или актеров (например, Г. Гарбо или К. Хэпберн), продюсеров и других участников кинопроизводственного процесса. Их репутация на предмет морально-политической благонадежности, как отмечали некоторые издания, не поддавалась необходимой верификации и, возможно, даже восстановлению после того, как «была испорчена системой Голливуда» [16, p. 311].

В то же время, именно в ходе подобного сложного сопряжения общественной активности, низовой рефлексии, самоцензуры и официальной, нормативно-правовой регламентации и происходило становление американского медиапространства и детскости как его культурно-антропологической, имагологической составляющей. Начиная с «феномена Ширли Темпл», на экранах появлялись колоритные кинопроизведения, отражавшие идейно-эстетические идеалы и рецепцию западноевропейского стиля «поэтического реализма», выражавшие в различных вариациях модель «American dream».

Классическим примером раннего послевоенного, семейного кинематографа США является мелодрама Г. К. Поттера «Мистер Блэндингз строит дом своей мечты» / «Mr. Blandings Builds His Dream House» (США, 1948), где главную роль исполнил известный актер — К. Грант, создавший образ трудолюбивого отца семейства, переживающего состояние угнетенности в тесных чертогах его городской, Нью-Йоркской квартиры, все более, несмотря на окружение — красивую жену и детей — превращающуюся в духовную клетку. Несмотря на внешне невинный сюжет, социально-урбанистическую фабулу, идеологическая составляющая медиа-текста вполне очевидна. Все усилия, который прилагает мистер Блэндингз по расширению своего жизненного пространства, демонстрируют эффективность механизмов «повседневного капитализма», представляющего собой служение американской нации и обществу за вознаграждение, позволяющее достигнуть индивидуального воплощения «американской мечты». Ее символом выступает новый дом семейства Блэндингзов, в котором уже царит гармония, идиллия, и исчезают все прежние «опасные сомнения» и «социалистическое инакомыслие», проявляемой детьми, ранее, в старой квартире, обсуждавших за столом проблемы «распада современного общества», «кризиса семьи» и убежденных в атрофированности критического мышления у их отца как «типичного представителя среднего класса»: «Из полена крови не выжмешь — такой вердикт ему выносила младшая дочь. Теперь же Джим Блэндингз доказал свою мужскую, социальную и, следовательно, политическую состоятельность, сумев добиться

нужного уровня материального благополучения и экзистенциальной свободы, прививающих иммунитет против «красной» пропаганды.

На протяжении всей истории американской кинематографии на экраны выходило множество фильмов на религиозную тематику или с ярко выраженным клерикальным контент-субстратом, в которой детские персонажи играли ключевую роль в имагогической репрезентации семейной корпоративности. Одним из первых значительных кинопроизведений, появившихся в первые годы «холодной войны» — в 1946/1947 гг. стал фильм режиссера Ф. Капры «*Эта замечательная жизнь*» / «*It's a Wonderful Life*», в котором главному герою — Д. Бейли, доведенному до отчаяния ввиду крайне неблагоприятно сложившихся обстоятельств и поэтому решившему расстаться с жизнью — оказывается «скорая теологическая помощь».

К молодому американцу направляется не кто иной, как сам посланник господина бога — ангел «второго класса» по имени Кларенс, призванный спасти Бейли от греховного акта самодеструкции. Для того, чтобы продемонстрировать ценность и значимость жизни в кинематографической «гиперреальности» производится детальное воспроизведение всего онтологического маршрута, пройденного главным героем. При этом, особый акцент делается именно на детском периоде, в который и произошло формирование основ американской героической личности — готовности к самопожертвованию, искренности, честности, благородству. Юный Бейли спасает своего младшего брата, попавшего в прорубь, затем — предотвращает еще одну трагедию, отказавшись отнести лекарство по месту назначения, неправильно приготовленное пожилым аптекарем. И, вступив во взрослую жизнь, Д. Бейкли, не без колебаний, но остается верным своим альтруистическим идеалам. Таким образом, *через определенную сакрализацию и канонизацию детства как своеобразной стартовой площадки для апробации силы духа и воли по-американски, осуществлялось обоснование реальной досягаемости «американской мечты», обретаемой в праведной борьбе с внутренними врагами и противниками.*

Ил. 1. Кадр из к/ф «Вы услышите следующий голос...» (США, 1950)

В 1950 г. на экраны вышел к/ф режиссера У. Уэллмена «Вы услышите следующий голос...» / «*The Next Voice You Hear...*» (ил. 1) в которой американская семья также получает возможность осуществить прямую коммуникацию с «абсолютным духом». И вновь объектом подобной идеологической

проработки, легализованной «Кодексом Хейса» выступает ребенок, маленький Джон Смит, вынужденный вливаться в семейный «Легион благочестия», направленный на формирование иммунитета против «красной заразы». В 1952 г. режиссер Лео МакКерри, придерживающийся таких же антикоммунистических взглядов, как и Сесиль Де Милль, поставил к/ф «Мой сын Джон» / «My Son John», в котором американско-капиталистический образ жизни выступает своеобразным символом веры, а молодой человек, Джон, предается анафеме отцом-маккартистом за свою приверженность «социалистической ереси». После разоблачения матерью и последовавшего «отречения» под давлением органов американской государственной безопасности — ФБР — его убивают бывшие единомышленники, служащие другой «церкви» и поклоняющемуся «красному дьяволу».

В 1960—1980-е гг. также появилось значительное количество кинопроизведений на религиозно-мистическую тематику, однако, по мере ослабления влияния «Кодекса» и общей либерализации идейно-кинематографического климата в период становления системы «нового Голливуда», наблюдался отход от догматическо-шаблонного воспроизведения американского детства, подросткового периода и юности. Несмотря на консервативный скептицизм, как отмечал Т. Доэрти, Американская ассоциация кинокомпаний (MPAA / Motion Picture association of America) «отказалась от концепции киносъёмки как семейной прогулки для мамы, папы и детей» [12, р. 50]. В вызвавших немалый общественный резонанс картинах, таких как «Омен» / «The Omen» (США, 1976, реж. Р. Доннер), «Изгоняющий дьявола» / «The Exorcist» (США, 1973, реж. У. Фридкин), дети рассматривались уже в качественно ином ракурсе — как жертвы уже состоявшей интоксикации и инфицирования со стороны темных сил. *Все это в контексте «холодного» политико-идеологического противостояния между США и СССР также правомерно трактовать как имплицитные аллюзии на неисчерпаемость проявлений чуждости и инаковости, овладевающих самым ценным — сознанием ребенка как носителя будущего американской нации — в случае ослабления христианской бдительности и контроля над детством.*

Вопреки многочисленным попыткам опротестовать и ограничить диапазон применения «Кодекса Хейса», уже в первые послевоенные годы воспринимавшегося кинематографистами как явный архаизм, нарушающий свободу предпринимательства на медиaprостранстве, официально он был упразднен лишь в конце 1960-х гг. — 1967/1968 гг. Тогда при непосредственной инициативе президента Американской ассоциации кинокомпаний США Д. Валенти была разработана рейтинговая система экспертизы кинофильмов, основанная на установлении возрастных лимитов доступа. В соответствии с этой системой, все к/ф классифицировались с помощью следующих буквенных обозначений — «грифов доступа»: «G» — «General audiences» — фильмы, рассчитанные на широкую аудиторию и демонстрируемые без ограничений; «PG» — «Parental guidance suggested» — просмотр рекомендуется совместно с родителями; «PG-13» — «Parents strongly cautioned» — детям, не достигшим 13 лет, просмотр нежелателен; «R» — «Restricted» — лица, не достигшие 17-летнего возраста, допускаются на фильм только в сопровождении одного из родителей, либо законного представителя; «NC-17» — «No One 17 & Under Admitted» — Лица 17-летнего возраста и младше на фильм не допускаются.

Первоначально ожидалось, что либерально-открытый режим доступа, с буквенным обозначением «G», будет наиболее востребованным и способствующим удовлетворению растущего спроса на фильмы у максимально широкой аудитории — детей в возрасте от 6 до 12 лет и их родителей. Но к ноябрю 1969 г. «стало ясно, что фильмы с оценкой “G” были явным меньшинством (32 %)» [17, р. 191]. Эта тенденция сохранилась и в начале 1970-х годов. В то время как «в 1969 г. фильмы с индексом “G” и “PG” составляли 71 % всех рейтингов фильмов, к 1970 году количество фильмов в категории “R” (примерно 37—38 %) было больше, чем в любой другой категории» [13, р. 39]. Таким образом, как мы получаем возможность убедиться, произошла эволюция механизмов самоконтроля, при которой изначально инспирированные по давлением консервативной общественности и солидаризировавшейся с ней власти, цензурные практики, конвертировались в технологии добровольного самоограничения и информационной сегрегации детского и взрослого медиа-субстрата.

Родительское медиа-наблюдение и другие методы «политической педагогики» и ее визуализации

Генетически родственной формой контроля, сопряженной с общественным, цензурным самообследованием, можно считать *родительское медиа-наблюдение*. Под ним подразумевается, во-первых, непосредственное проявление родительской власти, направленной на ограничение доступа их детей к тем или иным фильмам, а также очень интересная ситуация моделирования этой культурно-семейной опеки в кинематографической «гиперреальности».

Классическим примером, иллюстрацией этой модели взаимоотношений может выступать к/ф М. Шэвелсона «*Это началось в Неаполе*» / «*It Started in Naples*» (США, 1960). В этой картине наблюдается настоящее соотнесение между различными типами культур и, соответственно, альтернативными путями социализации личности ребенка, а также *методами «политической педагогики»* в условиях «холодной войны» — американской буржуазно-прогрессивной «цивилизацией становления», и консервативно-органичной, традиционалистской. Мальчику, 8-летнему Нандо, предстоит сделать непростой выбор — остаться в Италии со своей тетей Лючией (С. Лорен), унаследовать патриархальный уклад и образ жизни мелкого ремесленника, или поддаться соблазну и отправиться в страну «неограниченных возможностей». Такой шанс ему предоставляет добрый, щедрый и заботливый дядя — Майкл Гамильтон (К. Гейбл), обрисовывая мальчику все «преимущества» жизни в США. И в этом отношении колоритен эпизод, сцена в номере отеля, которая, несмотря на малую продолжительность по времени, является символически ключевой. М. Гамильтон, удобно расположившись на террасе с видом на древнейшую итальянскую, римскую культуру, колыбель европейской цивилизации, словно не замечая этой идейно-эстетической монументальности, исходящей от грандиозного архитектурного ансамбля, пытается привлечь юного Нандо «главным достижением» американской «цивилизации» — гамбургером, который он демонстративно и торжественно готовит, словно изысканное блюдо, олицетворяющие ее «величие» и «превосходство». Однако, мальчик, несмотря на всю сложившуюся привязанность к дяде и невероятные колебания, все же решает остаться в Италии.

Таким образом, на детском / семейном медиапространстве явно прочерчивались демаркационные линии: «своя» / «другая» ойкумены, «теплая» родная и «холодная» чужая реальности как в геополитическом, так и социокультурном смысле. *Это также можно рассматривать как применение метода имманентного родительского медиа-контроля через кинематографическую «гиперреальность». Он позволил выявить стратегии духовного самоопределения в условиях культурно-цивилизационного размежевания, в данном случае завершившегося победой — оказанием противодействия локальному, экзистенциальному экспорту капитализма и американизации сознания ребенка.*

В той или иной степени, применение данного метода можно усмотреть и в более ранних кинематографических произведениях, таких как: «Ребекка с фермы Саннибрук» / «Rebecca of Sunnybrook Farm» (США, 1938, реж. А. Дубон); «Наш город» / «Our Town» (США, 1940, реж. С. Вуд), «Жизнь с отцом» / «Life with Father» (США, 1947, реж. М. Кёртиц), «Я помню маму» / «I Remember Mama» (США, 1948, реж. Д. Стивенс), «Летние каникулы» / «Summer Holiday» (США, 1948, ред. Р. Мамулян), «Бухта луны» / «On Moonlight Bay» (США, 1951, реж. Р. Дель Рут), «В свете серебристой луны» / «By the Light of the Silvery Moon» (США, 1953, реж. Д. Батлер). В уже упомянутой картине «Жизнь с отцом» а также семейных комедиях Д. Серка, вышедших в начале 1950-х гг. — «Уик-энд с отцом» / «Weekend with Father» (США, 1951), «Возьми меня в город» / «Take Me to Town» (США, 1953), «Кто-нибудь видел мою девчонку?» / «Has Anybody Seen My Gal» (США, 1952) как раз воссоздается атмосфера ослабления связей американской семьи, живущей в пригороде, и «широкого общества» («widely community»). Уже тогда поднимались становящиеся все более актуальными проблемы [4] поддержания отцовского авторитета и материнского выбора и др. сюжеты, позволяющие выявлять механизмы родительского медиа-наблюдения за постоянным фланированием, дрейфом и, в конечном итоге, диверсификацией семейных ценностей, приводящих к уязвимости ребенка и эрозии детскости, преждевременному взрослению, отчуждению как социально-психологической травме.

Медиа-моделирование

Еще одним способом/методом контроля над реальностью и кинематографической «гиперреальностью», который просматривается на материалах кинопроизведений, относящихся к типу «family movies», можно, как представляется, считать *медиа-моделирование устойчивости американской семьи перед потенциальной внешней или внутренней угрозой, исходящей как от криминальных элементов, так и от идеологических врагов — коммунистов и их «смертоносного вируса», «красной заразы».*

Эта форма контроля отчетливо проявляется в нуар-драме режиссера У. Уайлера «Часы отчаяния» / «The Desperate Hours» (США, 1955) (ил. 2), в которой американская семья рассматривается как некий экзистенциальный форпост, бастион, подвергающейся циничной интервенции с последующей внутренней оккупацией домашнего, семейного пространства, осуществленной бежавшими из тюрьмы преступниками — бандой братьев Гриффинов с сообщником. Экстремальная ситуация, связанная с пребыванием чужих/ врагов в доме, потребовала от семейства Хиллардов мобилизации всех социально-коммуникативных, психологических ресурсов для того, чтобы на достойном для «настоящего американца» уровне продемонстрировать

обороноспособность ячейки «самого прогрессивного общества», готовность защитить ценности и идеалы мирного существования по-американски. И мы видим, как в борьбе за «рах Америка» все члены семьи претерпевают стремительную духовную эволюцию, анагогию: 10-летний сын мистера Хиллард — Ральф — постепенно освобождается от инфантильно-максималистских доминант в поведении и беспрекословно подчиняется отцу семейства. Последний также проходит своеобразный обряд/ритуал инициации — верификации своих правомочий главы семейной корпорации, в ходе которого происходит установление его незыблемого авторитета перед сыном, дочерью и женой, демонстрирующих благоразумие в сочетании с героическим самопожертвованием.

Ил. 2. Кадр из к/ф "Часы отчаяния" (США, 1955)

В этом можно усмотреть приближение к проявлению модели Э. Юнгера «бытия в действии», при которой в носителях-типах, реализующих ее в реальности, «соединяются две крайности — с одной стороны, стихийное, действующее в себе и вне себя, с другой, жесточайшая дисциплина, предельное самосознание и объективность, полный контроль при тотальном задействовании собственного существа» [5, с. 42, 45]. Однако, если подлинное, «юнгеровское» предназначение и конечный результат подобной активности заключается в пробуждении контрбуржуазной, антимещанской сознательности, выход на новый «гештальт-уровень», то применительно к США наблюдается прямо противоположный процесс — семейный героизм способствует еще более прочной консервации национально-государственных устоев и уклада, оправдывающего в «бою» свое морально-нравственную состоятельность, автономность и культурное «превосходство». Как и в картинах А. Хичкока [21], дети во «взрослом» кино играют важную инструментальную роль — индикаторов изменения внутрисемейного климата, институционализации — взросления, вызревания американской ментальности.

«Холодная» мультипликация и анимация

Отдельной и масштабной темой для исследований выступает деятельность одного из крупнейших американских «конструкторов детства» — известного режиссера, продюсера, мультипликатора, организатора киноиндустрии У. Диснея. Не ставя перед собой задачи детального рассмотрения

функционирования «мультимедийной империи» — «The Walt Disney Company», отметим лишь, что творческую активность У. Диснея можно считать репрезентативным примером симбиоза личностных и государственных приоритетов в условиях действия «Кодекса Хейса». Не являясь воинственным антикоммунистом, У. Дисней, тем не менее, ориентировался на официальную политико-идеологическую линию, что нашло отражение в соответствующих медиа-продуктах, созданных непосредственно под протекторатом правительства США. Если говорить о вкладе в медиацию «холодного» американского детства, то можно упомянуть два колоритных мультипликационных фильма, вышедших в середине 1940 — начале 1950-х гг.

Первый из них — м/ф «Лицо фюрера» / «Der Fuehrer's Face» (США, 1942). Здесь идеалы американской свободы противопоставлялись предельно карикатурно изображенному тоталитарному кошмару Третьего рейха, милитаристско-мобилизационной диктатуре, царящей в «Нациленде». В контексте смены политико-символических координат начавшейся «холодной войны», идентификации СССР как «врага № 1», сравнимого с поверженной нацистской Германией, этот медиа-текст стал актуален как непрямая, но очевидная мультипликационная аллюзия на сталинский режим, олицетворяющий новую угрозу «правильному миропорядку» по-американски, от которой должны быть защищены все дети США и солидаризирующихся с ними стран.

В начале 1950-х гг. появился м/ф «Холодная война» / «Cold War» (США, 1951, реж. Д. Кинни (ил. 3), в котором известный мультипликационный персонаж — мистер Гуффи, ведет «холодную войну» с простудой и лекарствами, что также можно рассматривать как аллегорическую аллюзию на политические реалии того времени. То синеющий, то резко багровеющий нос мистера Гуффи выступает своеобразным индикатором степени инфицированности и уязвимости от «красной /коммунистической заразы». Подобные детские медиа-тексты, но со взрослой смысловой нагрузкой также выступали важным методом политизации детства и его национально-государственного конструирования.

Ил. 3. М/ф
"Холодная война"
(США, 1951)

С начала — середины 1950-х гг. и в США, и в СССР как его геополитическом оппоненте, происходят встречные процессы модификации культурно-идеологического климата, повлиявшие, в свою очередь, и на специфику репрезентации и контроля над детством.

Десталинизация, затем «оттепель» в СССР, завершение эпохи маккартизма в США приводят к формированию атмосферы «холодного потепления» как неустойчивой комбинации и сосуществования идейно-стилистических, социально-политических антиномий. В этих условиях создаются прецеденты ослабления консервативного контроля, установленного «Кодексом Хейса». Происходит смещение акцентов, обращение к детальному рассмотрению серьезных социально-психологических проблем, визуализация переходного периода — позднего детства и ранней юности. Так, в к/ф *«Бунтарь без причины»* / *«Rebel Without a Cause»* (США, 1955, реж. Н. Рэй) в «гиперреалистическом» фокусе представлена проблема «трудного подростка» Джима Старка и его асоциальной экзистенциальности.

Внутренний протест главного героя, обращенный против себя и своего окружения, семьи, вызван ничем иным, как духовной несостоятельностью, приводящей к ложному убеждению о «криминальном героизме» как о единственном способе доказать и утвердить свою «подлинную» сущность. Перед нами — один из вариантов трагического развития «American way», «взлета и падения» [15, р. 8] на его начальной, детской и подростковой стадии. Семейная конфликтность демонстрируется в картине Д. Серка *«Слова, написанные на ветру»* / *Written on the Wind* (США, 1956). Здесь тема духовной инволюции подростка, принадлежащего к могущественному «клану» Хэдди, выступает недвусмысленной аллюзией на аналогичные процессы усугубления культурно-цивилизационной патологии США и эфемерности, утопичности «America dream», которая оказывается недостижимой и при непрерывном удовлетворении материалистических вожделений, и при безнадежных попытках отказаться от них.

Следствием общей либерализации кинематографического климата становится и популяризация, медиация молодежной субкультуры, атмосферы всеобщего раскрепощения и манифестации индивидуализма, увлечение рок-н-роллом. В условиях непрекращающегося «холодного» культурно-идеологического соперничества даже негативные или сомнительные с морально-нравственной позиции поведенческие установки американской молодежи, спешившей расстаться с детством и обрести самостоятельную юность, оказываются востребованными для повышения эффективности кинематографа как «мягкой силы», направленной на противодействие антиамериканизму. Вышедшие во второй половине 1950-х гг. кинофильмы, такие как *«Рок круглые сутки»* / *«Rock Around the Clock»* (США, 1956, реж. Ф. Сирс), *«Мистер Рок-н-ролл»* / *«Mister Rock and Roll»* (США, 1957, реж. Ч. Дубин), *«Иди, Джонни, иди»* / *«Go, Johnny, Go!»* (США, 1959, реж. П. Ландрес), по существу, выполняли функцию трансляции и пропаганды представлений об «истинной» свободе по-американски, при которой разнообразие форм досуга, их общедоступность, открытость, и иные критерии «превосходства» социализации подростка в США приобретали политико-символическое значение как антиподы тоталитарной, коммунистической «замкнутости по-советски».

В целом, подводя итоги, необходимо отметить следующее. Изначально «детское пространство», как в реальности, так и кинематографической «гиперреальности» обладало имманентной синкретичностью, предполагавшей тесное сплетение, взаимосвязь по принципу детское-во-взрослом

и наоборот. Подобная парадоксальность и противоречивость, при которой априори взрослые фильмы, и чисто детские кинематографические произведения нивелировались под общим знаменателем «family movies», объективно способствовала универсализации методов контрольно-цензурной регламентации. В настоящем исследовании их выделяется пять: цензура, родительское медиа-наблюдение, самоконтроль в рамках сопричастности к власти, медиа-моделирование угрозы, устойчивости американской семьи перед внешней и внутренней угрозой, популяризация (медиация) молодежной субкультуры. Все они стали результатом применения общей контрольно-ревизионной практики, направленной на защиту и трансляцию идейно-аксиологических приоритетов, эталоном достижения которых традиционно выступали представления об «American dream».

Несмотря на отсутствие предельно эксплицированных и прямых индикаторов воздействия системы контроля на американских кинематографистов в виде публичных разоблачений «детской голливудской десятки» и т. п. аналогов, над детским, семейным медиaprостранством всегда осуществлялся контроль взрослыми методами, легализованными «Кодексом Хейса», а также с помощью механизмов самоцензуры и самоконтроля, степень и масштабы применения которых трансформировались параллельно с динамикой общественных настроений и представлений о границах дозволенного.

В эпоху становления рейтинговой системы контроля на медиaprостранство выходят такие в настоящем признанные мэтры американской кинематографии, как С. Спилберг, Дж. Лукас, стремившиеся воссоздать «взрослого зрителя как ребенка...» или «...взрослого, который хотел быть ребенком» [22, р. 104, 173]. Так или иначе, но ответственность и дисциплина, способность принимать решения и «быстро взрослеть» во время межпланетного диалога — такие качества, которыми оказались наделенными герои эпопеи «Звездных войн», фантастического к/ф «Инопланетянин» / «E. T. The Extra-Terrestrial» (США, 1982, реж. С. Спилберг), стали иллюстрацией применения *метода общей социальной мобилизации* как в кинематографической «гиперреальности», в структуре медиа-текста, так и на стадии его подготовки. На смену героям и кумирам «холодного», но классического детства — М. Поппинс, П. Пэну, персонажам волшебной страны Оз — пришли «супергерои» «холодной юности» — бэтмены и супермены («Бэтмен» / «Batman», США, 1989, реж. Т. Бёртон); «Супермен» / «Superman», США, Великобритания, Канада, Швейцария, 1978, реж. Р. Доннер), ставшие имагогическим арсеналом эпохи «звездных войн» уже на геополитическом пространстве и олицетворением нового витка «холодной войны» в конце 1970-х — 1980-е гг.

Список литературы

1. Голенопольский Т. Г., Шестаков В. П. «Американская мечта» и американская действительность. М.: Искусство, 1981. 208 с.
2. Кумылганова И. А. Проблемы классификационных систем теле- и киноиндустрии США в защите детей от нежелательной аудио-визуальной информации // Медиаскоп. 2009. № 3. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17253053> (дата обращения: 25.12.2019).
3. Сеанс. 2009. № 37/38. URL: http://seance.ru/n/37-38/flashback-depress/hays_code/ (дата обращения: 05.12.2019).

4. Халилов В. М. Семейные ценности в кинематографе США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 49, № 12. С. 95—108.
5. Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. СПб.: Наука, 2005. 186 с.
6. Юдин К. А. Кинопроизводство в период «холодной войны»: некоторые тенденции российской и зарубежной историографии // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3: Филология. История. Философия. С. 47—60.
7. Юдин К. А. «Family movies» в культурном пространстве «холодной войны»: контрольно-цензурная регламентация семейного / детского кинематографа США // Символ детства в политике: от Холодной войны к современности: тезисы научной конференции / под ред. Т. Б. Рябовой, О. В. Рябова. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена. С. 42—44.
8. Balio T. Grand design: Hollywood as a modern business enterprise, 1930—1939. N. Y.: Scribner, Cop, 1993. 483 p.
9. Bernstein M. Controlling Hollywood: Censorship and Regulation in the Studio Era. New Brunswick, N. J: Rutgers University Press, 1999. 292 p.
10. Brown N. The Hollywood Family Film: A History, from Shirley Temple to Harry Potter. Cinema and Society. London: I. B. Tauris, 2012. 272 p.
11. Dick B. F. The screen is red: Hollywood, communism, and the Cold War. Jackson: University Press of Mississippi, 2016. 282 p.
12. Doherty T. Teenagers and Teenpics: The Juvenilization of American Movies in the 1950's. Philadelphia: Temple University Press, 2002. 272 p.
13. Farber S. The Movie Rating Game. Washington, D. C: Public Affairs Press, 1972. 128 p.
14. Forman H. J. Our movie made children. N. Y: Macmillan Co, 1934. 300 p.
15. Hine T. The Rise and Fall of the American Teenager. N. Y.: Avon Books, 1997. 336 p.
16. It's Terrible! It's Ghastly! It's Stinks // New Republic. 1937. 21 July.
17. Kramer P. The Best Disney Film Never Made Children's Films and The Family Audience in American Cinema since the 1960's. In book: Genre and Contemporary Hollywood, ed. Steve Neale. London: British Film Institute, 2002. P. 185—200.
18. Kundanis R. Children, teens, families, and mass media: the millennial generation. London: Routledge, 2003. 408 p.
19. Smith S. J. Children, cinema and censorship: from Dracula to the Dead End Kids. London; N. Y.: I. B. Tauris, 2005. 237 p.
20. Leff L. J., Simmons J. L. The Dame in the Kimono: Hollywood, Censorship, and the Production Code. Lexington: University Press of Kentucky, 2001. 416 p.
21. Walker M. Hitchcock's Motifs. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005. 512 p.
22. Wojcik-Andrews I. Children films: history, ideology, pedagogy, theory. N. Y.: Garland Pub, 2000. 275 p.

УДК 1:316
ББК 60.024

С. Минева

ГРАМОТНОСТЬ, ТЕХНОЛОГИИ И ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ ИНФОРМАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье описываются некоторые последствия развития современных технологий и глобализации общества в плане их влияния на самоопределение человека и способ его жизнедеятельности. Речь идет о понимании грамотности как технических навыков, универсализации рыночных отношений и появлении эрзац-личности в результате глобальной коммерциализации и технологизации общества и человеческой жизни. Подобные тенденции рассматриваются как результат расхождения скорости накопления информации и установления ее значимости.

Ключевые слова: грамотность, человек, технологии, глобализация, виртуальная реальность, цифровое общество, киберпространство.

S. Mineva

LITERACY, TECHNOLOGY AND PEOPLE IN A DIGITAL SOCIETY OF INFORMATION AND GLOBALIZATION

The article describes some of the consequences following the development of modern technologies and the globalization of society resulting from their influence on human identity and way of life. It's about literacy as a technical skill, the universal nature of market relations and the appearance of ersatz-individuality under the influence of global commercialization and technologization of society and life. As their main cause we look at the inconsistencies between the degree of knowledge accumulation and ascertainment of its meaning, which requires a philosophical reflection.

Key words: literacy, human, technology, globalization, virtual reality, digital society, cyberspace.

В современном динамичном мире глобальной экономики, политики и коммуникации, где причины оставаться надолго на определенном месте становятся все менее императивны, старые философские вопросы: кто мы, откуда идем и почему всё это — неожиданно обретают «новую» актуальность и значимость. По сути дела, они поднимают темы человеческой идентичности и смысла человеческой жизни, обсуждение которых сегодня невозможно без учета состояния и динамики современных технологий и их влияния на способ жизни и деятельности человека и общества. В настоящее время это влияние происходит в основном за счет более широкого внедрения и использования

© Минева С., 2020

2020. Вып. 2 •

информационных и коммуникационных технологий. С их помощью люди увеличивают и расширяют возможности и объем своего ума и памяти, тренируют и совершенствуют (облегчают и ускоряют) интеллектуальную деятельность — сложные операционализации знания, формулировку и репрезентацию идей, общение и коммуницирование «всегда и везде». Но помимо поддержки интеллектуального потенциала нарастающее приложение этих технологий во всех областях жизни приводит и к нарастающей автоматизации и механизации всего — труда, рынка, образования, науки, медицины, политики и даже искусства. Обычно цель одна и та же — сэкономить деньги, время и увеличить прибыль.

Развитие технических инноваций оказалось, с одной стороны — крупным бизнесом в мировом масштабе, который «радуется» рыночным успехам вслед за глобальным распространением новых технологий и их массовым приложением. С другой стороны, развитие технологических инноваций как источников прибыли, конкурентоспособности и эффективности привело к трансформации идеи «lifelong learning», когда человек учится всю жизнь. В повседневном дискурсе подобная трансформация предполагает утверждение в качестве основной стратегической задачи образовательной политики — непрерывное улучшение технических умений людей в использовании новых технологий для потребления и манипулирования разными видами информации — формой и содержанием данных. Так родилась концепция компьютерной и информационной грамотности как необходимой и обязательной для каждого человека. Иметь такую грамотность сегодня — значит быть «цивилизованным», принадлежать к цивилизации в хантингтонском смысле — быть альтернативой варварам, ибо «идея цивилизации была разработана французскими философами восемнадцатого века как противопоставление концепции “варварства”. Цивилизованное общество отличается от примитивного общества тем, что оно оседлое, городское и грамотное. Быть цивилизованным хорошо, а нецивилизованным — плохо». Со временем планетарная дихотомия «установила стандарты, по которым судят об обществах, и в течение девятнадцатого столетия европейцы потратили немало интеллектуальных, дипломатических и политических усилий для того, чтобы разработать критерии, по которым о неевропейских обществах можно было судить как о достаточно “цивилизованных”, чтобы принять их в качестве членов международной системы, в которой доминировала Европа» [6, с. 17].

Можно сказать, что эта «цивилизационная концепция» не чужда и настоящему дню с той лишь разницей, что теперь «оседлое» заменено на «мобильное», а грамотность понимается как фактор приспособляемости человека к различным, особенно неустойчивым условиям и обстоятельствам, т. е. фактор гибкого адаптивного поведения. То же самое понимание грамотности идет рука об руку с идеей о необходимости постоянно накапливать и обновлять всё больше и больше новых технических навыков. По этой же причине грамотность в настоящее время воспринимается и развивается главным образом в направлении приобретения и улучшения технических умений, чтобы успешно и максимально продуктивно использовать компьютерные и информационные программы, продукты и современные технические средства информации и коммуникации. С этой точки зрения, если хочешь быть настоящим современным человеком, а не дикарем, тебе нужно постоянно и непрерывно улучшать и развивать свою техническую грамотность, потому что, как говорил О. Шпенглер: «Машина трудится и вынуждает к сотрудничеству

людей» [7, с. 533]. И так как технологии развиваются непрерывно, оказалась непрерывной и необходимость подчинять свое образование, время, труд, даже идеи и цели настоящего технического прогресса усвоению технических новаций.

Таким образом, идея о грамотном и образованном человеке оказывается сведенной, в конце концов, до уровня представления, что это человек, который знает, где искать информацию и как ее сортировать, оценивать, использовать, обменивать и производить. Идея, кажется, весьма удачна и вполне основательна, когда речь идет о расширении возможностей и объема человеческого ума и памяти с помощью технических приспособлений. Но когда инструментальный дискурс сменяется на функциональный, когда акцент переносится на процесс освоения человеком технических навыков (на что расходуется больше времени и усилий) для встраивания в бесконечный технологический прогресс как безусловной цели и ценности, то речь, скорее, стоит вести о тотальной технической детерминации.

Несмотря на то, что понимать под техникой — машину или метод, в обоих случаях мы имеем дело с феноменом повседневно возрастающей зависимости человека и его жизни от его участия в виртуальной реальности единого глобального киберпространства информации и коммуникации, которое стало символом современного цифрового общества. Информационные потоки круглосуточно истекают из всего мира благодаря глобальной электронной сети — Интернет. Возможности сети в обеспечении людей информацией, коммуникацией и общением, несмотря на традиционные культурные и физические ограничения, оказались чем-то большим, чем коммуникативная и информационная технология. Усиливающаяся динамика информационных потоков и нарастание коммуникационных связей становятся характеристикой самого масштабного социального и культурного феномена современной эпохи глобализации — глобального социального континуума, в который превращается Интернет. Массовое распространение и потребление возможностей сети приводит к изменению как повседневного образа жизни людей, так и человеческого миропонимания и сообщества в результате нарастающего, постоянного присутствия и проживания людей в виртуальном мире киберпространства.

В некотором смысле виртуальная реальность киберпространства даже превосходит неvirtуальную (реальную реальность). Во-первых, в ней нет места случайности: виртуальная реальность, технологически созданная, с начала и до конца неслучайна. Во-вторых, она стала уже сущностно необходима и вполне антропологизирована: в ней человек проживает больше, чем когда-либо, и где угодно, как субъект воли, направленной на формулирование и осуществление хотя и разных, но всегда человеческих желаний и намерений. Виртуальность с этой точки зрения не просто еще одна или другая реальность, но — континуум пространства и времени. Происходящее в этой реальности задает такой способ человеческой активности, который открывает новые горизонты человека в деле конструирования своей идентичности и целенаправленности в соответствии со своим желанием в той мере, в которой это находится во власти технологий.

Вместе с тем открываются и новые экзистенциальные, моральные и философские проблемы, сопровождающие «виртуальное» бытие человека. Речь идет, прежде всего, о том, что нам дает и что отнимает у нас жизнь в виртуальной реальности киберпространства и как это влияет на мышление и поведение человека. Одной из самых замечательных перемен вслед за развитием

технологий в течение всей их истории является нарастающая дистанция между человеческим миром как миром ноуменов (идей) и природным миром как миром феноменов. Этот процесс сегодня совсем не сводится, как в прошлом, только до простого инструментализма, так как основная его современная характеристика — с помощью технических инноваций выполнять больше и еще больше задач и по возможности делать всё на расстоянии, без физического присутствия. Так возникает непрерывное нарастание дистанции и изоляции человека от непосредственной связи с действительностью благодаря возможности репрезентации реальности, что позволяют ему посредники — компьютерные системы, СМИ и Интернет. В результате свобода человеческого выбора сводится всё чаще к выбору между разными вариантами репрезентации реальности с помощью технологий, которые располагаются между людьми и внешним миром, обеспечивая им пребывание в комфорте внутреннего мира собственного Я.

Таким способом модерная (по-русски — «пост-пост-модернисткая») техническая парадигма заставляет нас сводить все человеческие потребности, желания и действия к методу, а самого человека мыслить как технического зверя, который нуждается в технике, чтобы выживать и жить, чтобы использовать технику в соответствии со стандартами технической грамотности и роста прибыли. Не это ли настоящий парадокс? С одной стороны, сегодня технологии направлены к обеспечению максимальной независимости человека от феноменального мира, включая и собственную природу. С другой стороны, ценой независимости оказывается непрерывное уменьшение непосредственного контакта ноуменального и феноменального миров до степени исчезновения второго для нас с помощью глобального технического смешивания границ культуры и природы, живого и неживого. Иными словами исчезает то, что стало источником и самого понятия о независимости и свободе человеческого выбора; а вместе с ним исчезает и необходимость быть независимым, быть свободным в этом смысле.

По сути дела, парадокс раскрывает несоответствие идеалов, основанных на моральных и социальных ценностях, и методов для решения проблемы с помощью научной прогностики и технологических инноваций. Это несоответствие как характерную тенденцию современного общества заметил еще Э. Фромм, которая, по его словам, выражается в стремлении представить технический прогресс как самую главную ценность общества. В результате усиливается влечение ко всему, что механическое, неживое, искусственное и, в конце концов, возникает безразличие и бегство от жизни за счет преклонения перед этим. Любящие неживое, подчеркивает Фромм, — «это люди, которые предпочитают закон и порядок живой структуре, повторение — оригинальности, технические приспособления — живым существам, бюрократические методы — спонтанности. Они хотят контролировать жизнь, потому что боятся неконтролируемой спонтанности» [5, с. 71]. Но самое главное для этой патологии души, считает автор, — это идея о компьютерном гуманоиде, который никогда не ошибается, потому что ему чужда склонность делать ошибки ради произвола человеческой воли и неявных импульсов. Можно добавить еще, что этот человеческий суррогат будет свободен от совести и чувства вины, так как они ему не нужны с точки зрения его совершенства. В некотором смысле его бессовестность напоминает ницшеанского Сверхчеловека, но не совсем, потому что немецкий философ задумал свой идеал не как бессмертный, а как бесстрашный перед лицом смерти, как отважного

воина. В противном случае это бесстрашие потеряло бы всякий смысл. Но и не воинские добродетели, их приобретения или потери самое главное во внимании современного человека; его проблемы и тревоги другие: «...По мере усложнения жизни, — пишет Фромм, — утратившей все человеческие измерения, по мере нарастания чувства собственного бессилия и изолированности ориентированный на науку человек перестал быть рациональным и независимым. Он растерял смелость думать самостоятельно и принимать решения на основе интеллектуальной и эмоциональной приверженности жизни. Ему захотелось обменять “сомнительную уверенность”, которую рациональная мысль способна выдать за “абсолютную”, на якобы “научно обоснованную уверенность”, опирающуюся на способность предсказания» [5, с. 75—76].

В результате человек сегодня, как отметил известный исследователь глобализации З. Бауман, имеет в распоряжении только два авторитета — авторитет экспертов и авторитет числа. Первый из них — это люди, которые знают всё лучше, чем другие, или их поле компетентности очень широко, чтобы неспециалисты проверяли его. Второй авторитет — авторитет числа, возможен через предположение, что, сколь числа большие, столь менее вероятно экранный счет окажется ошибочным [8, р. 63]. Обстоятельство, что эти авторитеты сегодня оказываются теми самыми, которые могли бы направлять некоторые действия людей и их поведение, подтверждает, что абстрактное и количественное мышление заменило моральный авторитет идеалов и ценностей. Вслед за подменой науки деловая деятельность и политика перешли из мира идеального — желаний, целей, стремлений — в мир возможного: царство прогноза и планирования рыночного успеха и прибыли. Но, как каждая подмена, и эта имеет свою цену. Она охватывает не только потерю смелости самостоятельно мыслить и принимать решения во имя жизни. Частью этой цены является нарастание слепой веры в эффективность метода научного, компьютерного планирования благодаря иллюзии, что принятые таким способом решения неподвластны пристрастиям человеческих эмоций и оценок. Но, по сути дела, объектом игнорирования оказалась не иррациональность оценок и эмоций, а чувство персональной ответственности за решения. Проблема, следовательно, не в том, будут ли у нас в будущем компьютеры как люди. Проблема не в том, что этот метод исключения всякого сомнения не в состоянии предотвратить неизбежные беды, а в том, что благодаря методу всё больше людей могли бы действовать как роботы. Тогда действительно нет проблемы создать роботов, подобных людям, если люди стали роботами. Чтобы сделать это, достаточно объективировать мир человеческих желаний, счастья, целей, превращая науку из опекуна истины в опекуна эффективности, а знание — в разменную монету на рынке личностной биржи труда. В результате сегодня рыночные ценности доминируют над всеми человеческими делами, а люди уже не ориентированы на разумную альтернативную идею о своем счастье.

Та же самая тенденция к универсализации рыночных отношений отражается и на семье, церкви, школе, т. е. на институциях, от которых зависит формирование характера человека как характера социального и морального существа. Влияние рыночных отношений на нерыночные области — образование, культуру и религию — привело к редукции не только грамотности, но также и образованности вообще, социальной деятельности и самой этики. В результате образованность свелась к профессиональному карьеризму,

социальная деятельность — к научному управлению бедностью, а этика — к экономике.

Впервые обратил внимание на модерную универсализацию рыночных отношений вслед за новой экономической аргументацией морали М. Вебер. В известном своем труде «Протестантская этика и дух капитализма» он описал «философию скупости» и суть ее идеала следующим образом: «Идеал ее — *кредитоспособный* добропорядочный человек, *долг* которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель. Суть дела заключается в том, что здесь проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная „этика“, отступление от которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга. Речь идет не *только* о „практической мудрости“ (это было бы не ново), но о выражении некоего *этоса*, а именно в *таком* аспекте данная философия нас и интересует» [2, с. 72—73]. По сути дела, новая этика состоит в том, что мораль можно рассматривать уже как эволюционный продукт сотрудничества людей. База этого сотрудничества, однако, не забота о других как ближних, а их значение как среды для рыночного успеха. С этой точки зрения, самым главным оказывается обретение доверия Другого в его качестве потребителя, зрителя, избирателя, потому что его доверие — главная предпосылка собственной прибыли и накопления. Но приобретение и накопление доверия, кажется, весьма проблематично в случаях, когда нам приходится поддерживать рыночные отношения с теми, кто не разделяет наши этические стандарты. В мире глобализации этих случаев наблюдается всё больше и больше, и их число нарастает вместе с развитием формально-бюрократической организации современного общества. Могущество последней стало возможным благодаря дегуманизации социальных систем, установлению везде господства формальной рациональности, закату личности вслед за уменьшением ее роли в сравнении с ролью организации. Начавшись в модерной эпохе как модернизация, этот процесс деперсонализации и формализации теперь продолжается как глобализация. Ее самая отличительная черта, как считает Бауман, относится не к нашим ожиданиям, ресурсам или желаниям, а к тому, что происходит со всеми нами — это есть неконтролируемые глобальные эффекты, которые вызывают ощущение нестабильности, неопределенности и представление о новом мировом беспорядке: «В образе мирового беспорядка — читаем в книге Баумана о глобализации, — отразилось скорее внезапное осознание (облегченное, но вовсе не обязательно вызванное резким крушением блоковой политики) по сути стихийной и случайной природы вещей, которые ранее, казалось, находились под жестким контролем или хотя бы „технически поддавались контролю“» [1, с. 85].

Неопределенность происходит из-за того, что в мире глобализации связь каждого действия и его результата является не только неопределенной, но слишком часто неизвестной. Как мировое состояние глобализация обрекает существование миллионов людей на эндемическую нестабильность. Получается так, что чем больше рынков дерегулирования, которые неподвластны вычислению со стороны индивидов или политики, тем больше социум превращается в общество риска, нестабильности, неустойчивости. Такие вычисления не могли бы сделать и эксперты, которые также не в состоянии определять и нашу концепцию жизни. Эта концепция не зависит от цифр статистики и анализов специалистов по «хорошей жизни», потому что хорошая жизнь зависит от желаний людей, а не от оценок экспертов об «объективно хорошей

жизни». Экспертные оценки часто опускают, что в конечном счете, не экспертные доводы, а люди, не бестелесные, а воплощенные идеи управляют нами, и тогда нам кажется, что мир управляется Разумом. По той же причине часто получается и так, что управляют не те, которые знают больше других, а те, которые верят, что больше знают.

Тогда нам нужно установить: к какому человеческому типу принадлежат специалисты «жизненных планов»? На этот вопрос испанский философ Х. Ортега-и-Гассет отвечает, что всегда такие люди были поэтами, философами, религиозными лидерами и что нет смысла протестовать против этого порядка, так как он всегда был таким: «Вне сомнений, — писал Ортега — мир не одинаков для торговца и для поэта; и там, где один спотыкается на каждом шагу, другой чувствует себя как рыба в воде; и то, что одному глубоко омерзительно, другому доставляет высшую радость» [4, с. 189]. Причину разницы философ открывает в существовании человека не как чего-то данного, а как воображаемой возможности, придающей бытию человеческого рода непостоянство и переменчивость. Но как могли бы мы соединить в одном поэта и купца, чтобы быть одновременно успешным и счастливым? Этот вопрос всё более важен в сегодняшнем мире, где всё оказалось ареной маркетинга. На этой арене каждый должен быть убеждающим и убежденным (и убедительным) в зависимости от разных ролей, которые играет каждый в течение своей жизни: покупатель — чтобы покупать, избиратель — чтобы голосовать, зритель — чтобы смотреть, служитель — чтобы исполнять. Как каждую роль, это можно изучать, репетировать, выполнять. Конечно, убедительная игра не нова и давно известна как театр. Но сегодня она, прежде всего, игра с заменой ролей — современный глобальный сценарий требует постоянно менять местами актеров и зрителей, так что каждый из них может быть персонажем, но не и оригиналом. Так граница между персонажами оказывается вполне условной, а человеческая личность оказывается весьма синтетичной, эрзац-личностью.

Составленная из кусков разных идентичностей, синтетичная личность должна быть гибкой и непостоянной, быть имитацией без оригинала, чтобы быстро приспосабливаться к переменам глобального рынка. В конце концов, искусственная реальность, полученная в результате союза рынка и технологий, всё более заменяет место естественного мира в жизни человека и становится новой и абсолютной детерминантой человеческой жизни и существа. Такая замена ставит перед нами вопросы: что происходит с нами, когда все ряды мира и жизни сводятся в один — технический ряд, а человек будет жить, опираясь на искусственный интеллект во всём? В чем смысл человеческой жизни, если исчезнут наши границы — как природа, с которой борются, смерть, которую боятся, и любовь, ради которой умирают? Принес ли нам настоящий технический прогресс «новые ценности на новых скрижалях», как говорил Ницше? [3, с. 579]. Или сегодняшняя технологическая эксплозия является скорее знаком углубления кризиса человеческого, «феноменом повторного одичания», как называет Ортега состояние, когда «избыток тревог, эпохи повсеместного само-отчуждения погружают человека в природу, делают его звероподобным, то есть варваром» [4, с. 301].

Такие вопросы вызывают непонимание самого феномена человека и незнание, что есть человек, когда в действительности он нечто неопределенное: сегодня он одно, завтра — другое. Неизвестность усиливается виртуальной реальностью, обеспечивающей нам погружение и возможность абстрагировать

себя от непосредственного окружения. Одновременно, однако, погруженный таким образом человек абстрагируется и от собственной «внутренности», чтобы быть цифровым космополитом — первым в истории гражданином мира без мира. Он живет в глобальном континууме, который нигде и везде, никогда и всегда, т. е. пространство без места и без времени, но и без истории, без памяти в социальном, культурном и политическом смысле. В этом континууме такие слова, как «человек» и «человеческое сообщество», не более чем метафоры. Но если мы не хотим быть только метафорой, нам нужна философская телеология, которая избавит человеческую жизнь от ее технического помрачения. Такая телеология произойдет из исследования воздействия технического инструментализма и его последствий для современной цивилизации и человеческого ума, общества и его будущего. Что касается диагностики настоящего воздействия этого инструментализма, перефразируя Гераклита, можно сказать, что мы не можем два раза посетить один и тот же информационный поток не только потому, что каждый момент поток меняется и бывает разный. Это невозможно и потому, что каждый его посетитель вынужден постоянно приспосабливаться к «течению», так что ему всё трудней определить самого себя и ответить на вопрос «Что делать?» вслед за невозможностью узнать «Кто Я?», чтобы сохранить себя в царстве целей, а не в техносфере.

Что касается последствий технического инструментализма для человека и цивилизации, стоит напомнить, что общество накапливает информацию быстрее, чем люди обретают мудрость. Речь идет о той мудрости, о которой один из самых популярных изобретателей технологий нашего времени С. Джобс, сказал, что готов променять всю свою технологию за одну ночь с Сократом. По сути дела, это признание того, что технология — инструмент, который должен им и остаться, и не нужно наделять его статусом цели. Чтобы избежать этой ошибки, нам и нужна философия. В отличие от технологий, философия несет глубокий, некоммерческий смысл поиска и понимания смысла того, что нам нужно, чтобы не превращаться в товар, гибрид или кучу данных, а оставаться человеком.

Список литературы

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
2. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Н. Полилова, К. А. Свасьяна, В. А. Флёровой. М.: Мысль, 1990. 829 с.
4. Ортега-и-Гасет Х. Избранные труды: пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М.: Весь Мир, 1997. 704 с.
5. Фромм Э. Душа человека. Революция надежды: М.: АСТ, 2014. 352 с.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. Н. Ф. Гавелина. М.: Мысль, 1998. Т. 2. 606 с.
8. Bauman Z. Community: Seeking safety in an insecure world. London: Blackwell, 2001. 168 p.

УДК 13
ББК 87.5

А. А. Артемьева

АСКЕЗА КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Статья посвящена прояснению сущности современного глобального экономического сознания через призму философской антропологии. Внимание автора обращено к феномену аскезы как культурно-ценностному измерению глобального экономического сознания, задающему его социально-биосферный дискурс. В статье приведены характеристики аскезы в религиозном и светском контексте, а также сформулировано понятие «глобальной экономической аскезы» как парадигмы глобального экономического сознания. Сделан вывод о том, что в эпоху планетарных катастроф феномен аскезы может быть рассмотрен с позиций ноосферной философии. Предложено понятие ноосферной аскезы в онтологическом, аксиологическом и праксиологическом срезах.

Ключевые слова: глобальное экономическое сознание, религиозная аскеза, светская аскеза, глобальная аскеза, биосферная аскеза, ноосферная аскеза.

A. A. Artemyeva

ASCETICISM AS AN ANTHROPOLOGICAL PARADIGM OF THE GLOBAL ECONOMIC CONSCIOUSNESS

The article is devoted to the clarifying of the modern global economic consciousness essence through the prism of philosophical anthropology. The author's attention is drawn to the phenomenon of asceticism as a cultural and value dimension of global economic consciousness, which sets its socio-biospheric discourse. The article describes the characteristics of asceticism in the religious and secular context and offers the concept of "global economic asceticism" as a paradigm of the global economic consciousness. The conclusion is that in the epoch of planetary catastrophes the phenomenon of asceticism can be described through the prism of noospheric philosophy. The concept of noospheric asceticism in the ontological, axiological and praxiological dimensions is proposed.

Key words: global economic consciousness, religious asceticism, secular asceticism, global asceticism, biosphere asceticism, noosphere asceticism.

Процессы глобализации и сопровождающие их риски требуют пересмотра существующих ценностей в различных сферах жизни человека. Одной из них, формирующей, в первую очередь, материальный базис человеческого существования, является экономическая сфера. Цели и ценности экономики, определяющие ее сущность, находят различные интерпретации в сознании представителей человечества. Трансформируясь из локальных координат в глобальные ориентиры, они формируют ядро глобального экономического сознания.

© Артемьева А. А., 2020

Установки экономической жизни тесно связаны с «сознаниевыми» парадигмами отдельных людей: как отмечал А. Печчеи, «именно в человеке заключены источники всех наших проблем, на нем сосредоточены все наши стремления и чаяния, в нем все начала и все концы, и в нем же основы всех наших надежд. И если мы хотим ощутить глобальность всего сущего на свете, то в центре этого должна стать целостная человеческая личность и ее возможности» [22, с. 214]. Именно он первым поместил проблематику аксиологии глобального экономического сознания в дискурс философской антропологии.

А. Печчеи описывал целостную человеческую личность совокупностью трех качеств: «чувства глобальности», «любви к справедливости» и «нетерпимости к насилию» [22, с. 214]. Полагаем, что подобным образом интересы разумного социоприродного планетарного развития неизбежно требуют рефлексии указанных целе-ценностных компонентов в глобальном экономическом сознании. При этом, согласно А. Печчеи, «основой всего» является социальная справедливость, которая предполагает равномерное распределение доходов и власти: определение социального минимума, который установлен во многих государствах, и социального максимума, отсутствие которого может стать причиной многих проблем планетарного масштаба [22, с. 216, 218]. По утверждению мыслителя, в обществе потребления «не надо быть провидцем, чтобы, прямо взглянув правде в глаза, предсказать возможность превращения этой проблемы в условиях ограниченности ресурсов в одну из самых острых политических проблем нашего разделенного на части мира» [22, с. 219].

Действительно, в современном обществе «потребительство» является собой опасную духовную болезнь, сопряженную, в том числе, с истощением природных ресурсов, неограниченным, губительным воздействием человечества на окружающую среду. Нельзя не согласиться с позицией французского философа Ж. Бодрийера, согласно которой «риск, которому подвергается человеческий род, связан, скорее, не с нехваткой, вызванной истощением природных ресурсов, грабительским отношением к окружающей среде и т. д., но с излишествами...» [4, с. 153]. В атмосфере всеобщей потребительской культуры «потребление, простой индивидуальный акт становится общественным достоянием. Каждый потребитель благодаря своим покупкам вступает в тесный контакт со всей экономической системой... Таким образом, внешне свободное общество преобразуется в квазитоталитарную систему, которая превращает индивида в дисциплинированного производителя — потребителя» [10, с. 204]. В сознании человечества укрепляется заблуждение, что смыслом его жизни является производство и потребление вещей. Обозначенные угрозы неизбежно порождают проблему поиска детерминант глобального экономического сознания, способных противостоять эгоистическим установкам на сверхпотребление.

Возможные пути преодоления духовного кризиса усматриваются в «философии самоограничения», которая предполагает «переход от “потребляемости” к разумной аскезе, от приоритета материального производства и потребления к приоритету духовного производства и потребления» [14, с. 533]. На наш взгляд, становление аскетических установок в глобальном экономическом сознании является одним из условий смещения его координат с эгоистически-ориентированных позиций в сторону культурно-гуманистического наполнения. В силу этого настоящее исследование представляет

собой попытку социально-философского осмысления феномена аскезы как целе-ценностной установки экономического сознания, предполагающей самоограничение человека и человечества в глобальном экономическом дискурсе.

В настоящее время дискурс пересечения проблематики экономического сознания и феномена аскезы раскрывается в научной литературе посредством осмысления конкретных направлений преобразования экономической деятельности, различных способов «сакрализации повседневности» под влиянием религиозной аскезы [23, с. 143—146; 31; 30, с. 69—95; 12, с. 221—260; 9; 11; 24; 33].

Действительно, традиционное понятие аскезы имеет ярко выраженные религиозные коннотации. Религиоведческий словарь определяет аскезу как «отказ от жизненных благ и удовольствий, посвящение всей своей жизни служению Богу» [15]. Не содержащие отсылок к религиозному контексту толковые словари, по существу, также предлагают религиозное «радикальное» понимание аскетизма как «строгости образа жизни с отказом от жизненных благ и удовольствий» [21, с. 30], как «высшую степень воздержания» [28, с. 22]. В религиозном контексте аскетический образ жизни определяет путь спасения души верующего. «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24), — гласит одна из заповедей христианства [3]. Путь истинного христианина — это путь к совершенству, к Царству Небесному посредством служения Богу и отречения от временных и преходящих благ. Показательным примером такой жизни является житие русских монахов: С. Радонежского, Н. Сорского, С. Саровского и др. Так, преподобный Сергей Радонежский, даже являясь игуменом монастыря, продолжал носить худые ризы и трудиться, чтобы зарабатывать себе на хлеб. В источниках упоминается случай, когда во время голода игумен вынужден был наняться в плотники к одному из братьев и трудиться целый день для того, чтобы заработать несколько кусков плесневелого хлеба [1, с. 38]. Нил Сорский также вел аскетический образ жизни, стремясь подчинить свое существование делу спасения через «умное делание». Он резко отрицательно относился к любым внешним феноменам, которые могли отвлечь инока от главного, включая украшение церкви, а также стяжание даже в целях милостыни. Плоть человека, по мнению Н. Сорского, не должна получать лишнего через пищу, а сознание — через созерцание. Стремление к умеренности, предлагаемое Н. Сорским своим собратьям, было подчинено заботе о духовном совершенствовании [1, с. 44—45]. Преподобный Серафим Саровский полагал, что через «пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитву и прочие телесные подвиги», «возвышение ума ко Господу Богу, сердечное внимание и созерцание чрез таковые упражнения вещей духовных» можно достичь духовного совершенства. При этом важно, что в начале пути находится деятельный отрезок и только вслед за ним постигается созерцательный. «Деятельная жизнь, — согласно преподобному Серафиму, — служит ко очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства; а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни» [20].

Духовная сущность христианского аскетизма образно описана Г. П. Федотовым: «Аскет в неустанном труде и вдохновении работает над неподатливым материалом своей греховной природы как скульптор над мрамором. Постепенно, в ежедневном, ежечасном усилии, отсекаются лишние куски, нащупываются истинные линии Богом созданной и человеком загубленной статуи (иконы, образа)» [29, с. 329]. Таким образом, христианская

религиозная аскетическая традиция связана с крайним пренебрежением к телесному и совершенствованием духовного во имя спасения греховной души¹.

Важное значение религиозной аскезы для «мирской» деятельности человека особо выражено в хозяйственной морали старообрядцев-предпринимателей: труд и предпринимательство рассматривались ими как средство спасения души. Так, в России появились династии Морозовых, Гучковых, Рябушинских и др., а в Ивановском регионе — Грачевы, Гарелины, Коноваловы и т. д. При этом деятельностная ориентация хозяйствования на основе религиозных максим сближает старообрядческую предпринимательскую деятельность с моделью хозяйствования протестантов, чья мораль признает: «трудиться, значит молиться» [27, с. 326—327]. Таким образом, целостность, континуальность аскезы как механизма духовного и телесного самоограничения обусловили распространение ее установок в плоскость экономической повседневности.

Вместе с тем, на наш взгляд, точки пересечения аскетического отношения к миру и экономического сознания человечества могут быть обнаружены в гораздо более глубоких основаниях современной реальности: планетарные катастрофы, с которыми столкнулось человечество, неизбежно определяют наполнение понятия аскезы новым — биосферно-ноосферным содержанием. При этом переход от религиозных аскетических установок к биосферно-ноосферному дискурсу феномена аскезы осуществляется в рамках светского осмысления аскетизма.

Понятие светского аскетизма восходит к этимологии слова «аскеза», которое происходит от греч. «*ασκησις*» — «упражнение», изначально не содержащего сакральных коннотаций [13, с. 51]. В отличие от религиозного он не предполагает крайностей, радикальных, жестких ограничений, присущих жизни монаха (отрицательного отношения к телесному, непрерывной молитвы, нищенства, суровых ограничений в питании). Прежде всего, светский аскетизм характеризуется умеренностью. В то же время, как и религиозный аскетизм, целостность которого завершается, оформляется сакральной духовностью, светский аскетизм определяется целостностью материального и духовного начал, связью самоограничения с духовным бытием человека: светская аскеза призвана не только ограничить локальные, дискретные потребности человека, человечества, но и «активировать» человеческий дух, сознание, снабдить его энергией. Таким образом, радикальные духовные установки религиозного аскетизма в светской аскезе замещаются умеренными, практическими сознаниевыми ориентациями.

Большое влияние на развитие идей светского аскетизма в философской антропологии оказали работы таких исследователей, как М. Шелер и А. Гелен. Рассуждая о природе человека, М. Шелер писал: «Человек есть то живое существо, которое может (подавляя и вытесняя импульсы собственных влечений, отказывая им в питании образами восприятия и представлениями) относиться принципиально аскетически к своей жизни», «человек — это “тот,

¹ Следует отметить, что идеи «умного делания», отречения от «мирского» присущи не только христианской морали. В частности, другая мировая религия — ислам — традиционно рассматривает материальные блага как сферу «нечистого», требующую искупления путем милостыни нуждающимся. Богатство расценивается исламом как вознаграждение за труд, который является неотъемлемой частью жизни человека. Такой «план жизни» обуславливает рациональный подход к бытию в мире, способствует взаимопереплетению частных и общественных интересов [16, с. 66—67].

кто может сказать нет”, “аскет жизни”) [32, с. 65]. По М. Шелеру, аскеза — вытеснение влечения и сублимация — приводит в действие духовное бытие человека, сообщает ему энергию [32, с. 66]. Таким образом, *принципиальная возможность (потенция) аскетизма* представляется врожденным качеством человека, одним из тех, которые отличают его от других живых существ. Здесь справедливо выражение этолога К. Лоренца, согласно которому «предпосылка любого культурного сожительства людей состоит в том, что человек способен укрощать свои побуждения; к этому сводится вся истина, заключенная в проповедях аскезы» [17].

Вместе с тем естественной способности человека к самоограничению противостоит безграничность внутренней нестабильности человеческих побуждений и мотивов, а также «хаотичность» естественной природы человека [7, с. 41]. По утверждению А. Гелена, условием создания такой «эксклюзивной и высокоселективной организации жизни», как культура, является выработка ограничивающих и запретительных механизмов (права, собственности, моногамной семьи, разделения труда) [7, с. 41]. Отметим здесь, что все приведенные философами механизмы так или иначе связаны со сферой хозяйствования человека, что в очередной раз подчеркивает значимость разумных ограничений в экономической сфере. Кроме того, данные механизмы применительно к экономическому бытию могут быть дополнены другими элементами «экономической культуры»: моралью, религией, господствующей политической идеологией, образованием (в том числе неэкономическим) и др.

Нельзя не согласиться с А. Геленом в том, что устранение внешних механизмов поддержания устойчивости и стабильности влечет деформации в поведении отдельного человека [7, с. 41]. Аналогично и разногласия в функционировании механизмов экономической культуры влекут девиации в экономическом сознании. Наглядным примером, подтверждающим данный факт, является «варварский капитализм» 1990-х годов, возникший на фоне спада российской экономики (всплеска инфляции, снижения инвестиций, нарастания внешнего долга, бартеризации экономики, уменьшения доходов населения).

По А. Гелену, *disciplina* (аскеза) является механизмом, способным преодолеть рассогласования в структуре и пределах потребностей человечества и стать той «духовной реформой, в которой так сильно нуждается наша эпоха» [7, с. 50]. Вместе с тем, согласно философу, «формы, ограничивающие безмерные потребности человека», создаются «очень медленно, в течение столетий и тысячелетий» [7, с. 41]. Следовательно, *аскетизм как действительность* также является результатом длительной эволюции человечества, «приобретенной» формой самоограничения бесконечных стремлений человека, очередной ступенью на пути «Восхождения к Разуму» в ответ на новую планетарную катастрофу [18, с. 70].

Полагаем, что взаимосвязь между безграничностью человеческих потребностей и нестабильностью экономической сферы, направленной на удовлетворение этих потребностей, позволяет сформировать представления о глобальной экономической аскезе как целостном механизме преодоления рассогласований во взаимодействии общества и окружающей среды в контексте производственных отношений, предполагающем «умеренность» человечества в удовлетворении неограниченных потребностей, отказ от роскоши и сверхпотребления (прежде всего, невозобновляемых природных ресурсов), а также эколого-социально-этически ответственный труд. Таким образом, если в рамках религиозного дискурса следование аскетическим установкам

связано с религиозным «императивом», соблюдение которого необходимо для спасения греховной души, обретения Царства Небесного, то светский дискурс аскетизма неизбежно связан с экологическим императивом [19, с. 79], требования которого направлены на установление гармоничных социоприродных отношений, обретение Царства Земного. Здесь содержание глобальной экономической аскезы с необходимостью связано с биосферной аскезой — добровольным стремлением общества во всех сферах его деятельности к совершенным гармоничным взаимоотношениям с окружающей средой посредством самоограничения, рационализации собственных потребностей, а также активной трудовой деятельности в направлении восстановления и сохранения экологического благополучия.

Отметим, что биосферное самоограничение человеческого хозяйствования может быть представлено в рамках двух сценариев. Первый из них — радикальный — предполагает техносферную аскезу (отказ человечества от результатов научно-технического прогресса, которые причиняют вред экологии). Учитывая тот факт, что в большей или меньшей степени любой срез техносферы небезопасен для биосферы, радикальный сценарий в его совершенном воплощении требует полного отказа от достижений цивилизации. Очевидно, что радикальная модель биосферно-техносферной аскезы неестественна, революционна, противоречит общему направлению человеческого развития. В связи с этим особый интерес представляют модели биосферно-антропогенного развития, связанные с умеренным самоограничением человечества.

Полагаем, что в качестве одной из таких моделей может быть представлена концепция автотрофности человечества [5], раскрывающая один из вариантов преодоления его супергетеротрофности [8] путем ограничения потребления органических веществ, продуцируемых биосферой, за счет использования атомной и солнечной энергии. Об умеренном, эволюционном и реалистичном характере данного сценария свидетельствует то, что уже на современном этапе развития человечество изобретает различные способы преодоления зависимости от органических ресурсов биосферы (например, в рамках химической технологии производства органических веществ), что позволяет говорить о формировании моделей миксотрофности [25] человечества на пути к его социально-автотрофному будущему.

Размышляя над вопросом автотрофности человечества, В. И. Вернадский придавал высокое значение развитию разума: «разум всё изменяет» [5]. В силу этого, на наш взгляд, исследование механизмов самоограничения человечества было бы неполным вне связи с учением о переходе биосферы в ноосферу [6], ноосферных катастрофах («разрушениях и повреждениях разума»), «биосферно-ноосферных конфликтах» [26, с. 79], которые неизбежно обуславливают постановку вопроса о ноосферной аскезе.

Полагаем, что содержание ноосферной аскезы может быть представлено в единстве двух составляющих. Первая из них связана с обеспечением «безопасности разума», с защитой от «безумия разума» [26, с. 83], с самоограничением в восприятии разрушающих информационных потоков, с устройством «информационных шлюзов», с ограничением «биосферно-ноосферного рациона» в форме высшего проявления автотрофности человечества — непосредственного синтеза пищи. Вместе с тем еще Н. Бердяев отмечал, что «аскеза отрицательная совсем не просветляет целостного человека... <...> Аскеза означает освобождение человека» [2, с. 410, 399]. Поэтому, на наш взгляд, только лишь *ограничения* «ноосферного рациона» не исчерпывают целостную,

континуальную сущность ноосферной аскезы. Автотрофность человечества в этом смысле более правильно определять как одну из ипостасей аскезы, как самоограничение. Ноосферная же аскеза, кроме отрицания, с необходимостью предполагает, на наш взгляд, духовное приращение.

Еще в прошлом веке Н. Н. Моисеев справедливо отмечал: «Только разум — не разум отдельного человека, а Коллективный Разум человечества — способен предотвратить грядущую катастрофу» [19, с. 14]. Следовательно, функционал Разума человечества таков, что, достигший определенного состояния, он сам в состоянии преодолеть ноосферные конфликты, в том числе и автотрофность человечества — результат развития его разума. В связи с этим для нас важно, что «аскеза разума и труда» предполагает не столько светско-прагматичное воздержание, умеренность, сколько религиозно-аскетическое «умное делание»: в первую очередь, активную трудовую деятельность по развитию Коллективного Разума на пути «восхождения к Разуму». В силу вышеизложенного ноосферная аскеза в контексте представлений о глобальном экономическом сознании может быть определена как парадигма ценностного перераспределения доминант производства, распределения, обмена и потребления в пользу духовных форм производственных отношений, направленная на совершенствование Коллективного Разума в целях установления гармоничных взаимоотношений между человеком, обществом, природой.

При этом ноосферная аскеза в глобальном экономическом сознании — понятие не только онтологическое, но также аксиологическое и — с необходимостью — праксиологическое. В этом смысле в содержание ноосферной аскезы включается система ценностных установок, утверждающих основанное на самоограничении сознательное трудовое отношение человечества к природе в целях сохранения и восстановления материальной и духовной целостности системы «человек — общество — природа», праксиологический дискурс которого проявляется в системе механизмов и принципов самоограничения материальных, эгоистических стремлений человечества в пользу духовного совершенствования, активной интеллектуальной трудовой деятельности, направленной на развитие Коллективного Разума.

Список литературы

1. Аскетика в русской духовной традиции / В. Н. Белов; науч. ред. Иулиания (Самсонова); Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во СГУ, 2011. 239 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
3. Библия Онлайн. URL: <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/40/16/#24> (дата обращения: 10.04.2017).
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 259 с.
5. Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 47—58.
6. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А. Л. Яншин. М.: Наука, 1991. 270 с.
7. Гелен А. Образ человека в современной антропологии // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 3 (37). С. 37—51.
8. Гирусов Э. В. «Автотрофность» как новая парадигма социального развития // Реалии ноосферного развития. М.: Ноосфера, 2003. С. 46—51.
9. Гулевич О. А. Роль представлений о справедливости в экономической жизни // Культура и экономическое поведение / под ред. М. Н. Лебедевой, А. Н. Татарко. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 364—396.

10. Доменак Ж.-М. Атака на гуманизм в современной культуре // Современные концепции культурного кризиса на Западе. М.: Наука, 1976. 234 с.
11. Керов В. В. Между традиционализмом и модернизацией (сакрализация повседневности и мирская аскеза староверов XVIII—XIX веков в сравнительно-исторической перспективе). Статья 2. мирская аскеза, нормы поведения и предпринимательская деятельность старообрядцев // Общественные науки и современность. 2010. № 6. С. 90—104.
12. Коваль Т. Б. Собственность и богатство как проблема религиозной этики // Культура и экономическое поведение / под ред. М. Н. Лебедевой, А. Н. Татарко. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 221—260.
13. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е. В. Головиной. М.: Этерна, 2012. 752 с.
14. Кочергин А. А., Кочергин А. Н. Философия и глобализация: от антропоцентризма к космоцентризму // Bioscosmology-neo-Aristotelism. 2016. Vol. 6. № 3—4. С. 519—535.
15. Красников А. Н. Религиоведческий словарь. URL: <http://terme.ru/slovari/religiovedcheskii-slovar.html> (дата обращения: 10.04.2017).
16. Липов В. В. Религиозные ценности как фактор зависимости от предшествующего развития и формирования социально-экономических моделей // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3, № 3. С. 57—73.
17. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=35205> (дата обращения: 10.04.2017).
18. Моисеев Н. Н. Можно ли говорить о России в будущем времени? Россия в контексте «судьбы цивилизаций» // Экономическая наука современной России. 1998. № 2. С. 68—79.
19. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.
20. Наставления преподобного Серафима Саровского. URL: <https://www.pravoslavie.ru/put/nasledie/serafim-sarov.htm> (дата обращения: 10.04.2017).
21. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 944 с.
22. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
23. Расков Д. Е. Экономические институты старообрядчества. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2012. 344 с.
24. Савельев Д. А., Суколов А. А. Иудаизм и этика предпринимательства // Культура и экономическое поведение / под ред. М. Н. Лебедевой, А. Н. Татарко. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 261—302.
25. Смирнов Г. С. Миксотрофность современного человечества: реалии ноосферного перехода // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 8—11.
26. Смирнов Г. С. Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 74—91.
27. Тюленев А. И. Этика старообрядчества как фактор генезиса российского предпринимательства // Личность. Культура. Общество. 2009. № 2 (48-49). С. 323—328.
28. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.
29. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Мартис, 1998. Т. 2. 380 с.
30. Федотова В. Г. Человек в экономике и других социальных средах. М.: ИФ РАН, 2008. 195 с.
31. Черемисинов Г. А. Теоретико-методологические и духовно-нравственные проблемы формирования российской модели экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. Т. 9, № 2. С. 3—19.

32. Шелер М. Положение человека в Космосе (пер. А. Филиппова) // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 31—95.
33. Ярлыкяпов А. А. Роль ислама в формировании экономического сознания и поведения мусульман // Культура и экономическое поведение / под ред. М. Н. Лебедевой, А. Н. Татарко. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 330—346.

УДК 321.01

ББК 66.01

Д. Г. Смирнов

ОБРАЗ РУССКОГО МЕДВЕДЯ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОСЕМИОТИКИ: ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ

Статья посвящена анализу когнитивно-семиотических аспектов бытования образа Русского медведя в системе современной отечественной символической политики. Определены предметное поле и структура политической экосемиотики, представлена ее теоретико-методологическая новизна. Очерчены координаты экосистемы образов политической семиосферы России, включающей фито-, зоо- и антропообразы. Выявлены формы и способы маркирования медвежести, раскрыта специфика медвежьей метафоры как зооморфного символа, зафиксированы его преимущества как генерализирующего образа-концепта для общественного сознания, определены его место и роль в сфере политического производства. Предложено понимание образа Русского медведя как динамической суммы значений и ценностей, как базового кода объяснительной модели семиотики современных международных отношений.

Ключевые слова: образ Медведя, медвежья метафора, символическая политика, политическая экосемиотика, семиотика международных отношений, базовый семиотический код.

D. G. Smirnov

IMAGE OF RUSSIAN BEAR IN THE SYSTEM OF RUSSIAN ECOSEMOTICS: FIRST APPROXIMATION

The article is devoted to the analysis of the cognitive-semiotic aspects of the Russian bear image existence in the system of modern Russian symbolic politics. The subject field and structure of political eco-semiotics are determined, its theoretical and methodological novelty is presented. The coordinates of the images ecosystem of the political semiosphere of Russia, including phyto-, zoo-, and anthropo- images, are outlined. The forms and methods of marking the bearishness are revealed, the specificity of the bear metaphor as a zoomorphic symbol is revealed, its advantages as a generalizing image-concept for public consciousness are recorded,

© Смирнов Д. Г., 2020

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00748 «“Русский медведь” в современной символической политике: российский и западный контексты».

its place and role in the sphere of political production are determined. An understanding of the Russian bear image as a dynamic sum of meanings and values, as well as a basic code of the explanatory model of the semiotics of modern international relations is proposed.

Key words: bear image, bear metaphor, symbolic politics, political eco-semiotics, semiotics of international relations, basic semiotic code.

Вместо введения. Пространство современной российской символической политики насыщено как в плане форм, способов, инструментов, так и в плане содержания — образов, символов, смыслов. Семиосфера современной России «во многом носит пестрый мозаичный характер» [3, с. 170]. Этот своеобразный «семиотический хаос», как показывает С. А. Сукало, во многом обусловлен «наличием противоречивых и, в определенной части, неадекватных реалиям сегодняшнего дня доктринальных интерпретаций концептов, определяющих поле актуальных проблем российского общества» [9, с. 91]. Причины подобной противоречивости, с нашей точки зрения, лежат в плоскости семиотических процессов, протекающих в современном политическом пространстве.

Вместе с тем в последние годы в отечественной символической политике обозначилась тенденция к самоорганизации пространства метафор и аллегорий, которая, как нам видится, связана с медленным, но верным формированием «символьных комплексов, способствующих целостности государства и позитивному развитию общества» при условии «развития жизненных сфер, символов-добродетелей, институтов символотворчества, связывающих знаки жизненных сфер с национальной идеей, государственными символами» [2, с. 29]. Символическая политика оказывается на пути формирования системы координат нациосферы, в которой каждый знаковый элемент выполняет отведенную ему функцию.

В центре нашего внимания — медвежья метафора (образ Русского медведя) в системе российской экосемиотики. Цель — в первом приближении определить место и роль символа Медведя [5; 10; 7; 19] в экосистеме политических образов современной России, к устойчивым концептам которой традиционно относят «березу», «топор», «икону», «матрешку», «Байкал»; материнский символ (Родина-Мать); образы «царя-батюшки», Великой Отечественной войны, Победы, тройки¹; а также персонификации как ее символа В. В. Путина, А. В. Суворова. Насыщенное «нарративное прошлое» образа Русского медведя влияет на символическую политику настоящего, что определяет актуальность рассмотрения и фьючерного потенциала медвежьей метафоры [6].

Русский медведь в семиотической системе политики России. Многообразие политических метафор-образов укладывается в определенный спектр, который составляют по крайней мере три блока — предметный (сигнальный), образный (символьный) и личностный (знаковый). Представление об иерархии дискурса символической политики заставляет расположить названные выше блоки в определенной последовательности в зависимости от их системной значимости: предметный (сигнальный) — личностный (знаковый) — образный (символьный). Принцип «чем богаче содержание, разнообразнее валентность и системная значимость символа, тем более предсказуемой

¹ В этом контексте интерес представляет опыт репрезентации семиосферы России рубежа XX—XXI веков через систему равноуровневых образов-концептов, представленная в книге «Россия. Незавершенный проект» [12].

и последовательной является реакция на него» (см.: [4, с. 137—143]) делает блок символических концептов наиболее предпочтительным для целей символической политики.

Предметный (сигнальный) блок как раз характеризуется потенциальной дискретностью знаков в контексте символической политики: основная задача такого рода знаков скорее маркировать определенный субъект политического дискурса через ту или иную характерную черту, нежели репрезентовать (раскрывать) его сущность. Личностный (знаковый) блок завязан на фрактальной репрезентации одного субъекта политического дискурса через другой субъект политического дискурса. Образный (символьный) блок ориентирован на образы когнитивно и аффективно воспринимаемые, понимаемые и принимаемые, которые и задают символичные комплексы, то есть связывают «знаки и ценности разных уровней... образуя иерархию, восходящую к концепциям национальной истории» [2, с. 24].

Еще в 1970-е С. Браун и Дж. Эллиторп обратили внимание на специфику политических символов: «люди с разными взглядами прибегают к одним и тем же побуждающим объектам (символам)... но для достижения разных целей, которые были сформированы в результате разного жизненного опыта». Причина такого положения дел видится в том, что «члены общества выбирают один какой-то объект, но при этом каждый человек рассматривает те его характеристики, которые являются наиболее интересными, привлекательными для него» [13, р. 363]. Таким образом, наиболее эвристичными в рамках символической политики оказываются те символы и метафоры, которые отсылают к спектру свойств (характеристик). Это позволяет данному конкретному образу не только работать в разных когнитивных режимах², но и благодаря своей полифоничности взаимодействовать с другими элементами семиотического пространства, выступая для них концептом как системообразующим свойством.

Образ Медведя, учитывая сказанное выше, оказывается универсальным символом. План выражения этой метафоры очевиден и аффективно понятен, в то время как план содержания предполагает целый спектр значений и смыслов. Этим, вероятно, объясняется рост популярности образа Медведя (Русского медведя) как символа России среди населения страны³, ибо он позволяет рассматривать его характеристики дискретно, выбирая те, которые являются наиболее интересными, привлекательными для познающего субъекта, отражающими его персональную картину мира. Благодаря своей семиогеничности образ Медведя органично соединяется практически со всеми

² Сигнальный режим работает только применительно к настоящему; ему для генерации физического или ментального действия не требуется ни прошлое, ни будущее, ибо для него их уже и еще нет. Знак (знаковый режим) прокидывает причинно-следственный мостик от настоящего к будущему, но его валидность оказывается вероятностной, ибо не учитывает прошлое состояние «системы». Символ (символьный режим) наиболее адекватен с точки зрения реализации символической политики, ибо он формирует устойчивую причинно-следственную связь между различными темпоральными измерениями образа, позволяя его читать безотносительно пространства и времени.

³ См. всероссийский опрос ФОМ (24 ноября 2019 г., 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов; статпогрешность не превышает 3,6 %), где на вопрос «Россию нередко ассоциируют с медведем, этот образ часто используют в качестве символа нашей страны. А как вы считаете, медведь — это правильный, подходящий символ для России или неправильный, неподходящий?» 65 % респондентов ответили, что правильный.

символами современной отечественной политической экосистемы, в известном смысле преодолевая тезис Г. Сейнт-Мартина [20] и Р. Идэма о том, что «каждая семиотика имеет свои специфические (системные) ограничения и (материальные) способы выражения» (*each semiotic has its own specific (systemic) constraints and (material) affordances*) [17, p. 47].

Политическая экосемиотика. Многообразие символов отечественной семиосферы позволяет говорить о наличии в ее структуре подсистем не только в когнитивном плане (о чем речь пойдет несколько позже), но и в субстратном (элементарном). Иными словами, целесообразно рассмотреть экосистему современной семиополитики, проанализировав, какие «семиотические» цепи в ней функционируют, какие символьные ниши занимают конкретными знаками, в какие отношения вступают между собой популяции и виды политических знаков.

Предметное поле. Парадигма экосемиотики во многом вырастает в недрах эколлингвистики, предметом которой являются «взаимодействия между... языком и его окружением, где под окружением понимается общество, использующее язык как один из своих кодов» [16, p. 325]. Для нас важна исследовательская интенция, утверждающая язык в качестве «символической экосистемы» (см., напр.: [21]), где придание смысла не может быть сокращено до синтаксических или лексических конструкций [22], а метафоры рассматриваются не как замкнутые и существующие только для самих себя семиотические единицы, а как система структур, взаимодействующих с окружающим миром (см.: [15, p. 91—118]). Широко трактуемая экосемиотика рассматривает мир метафор, образов, символов с точки зрения «экологичности» для человека и общества, исследует их роль в описании проблем окружающего мира (ср.: [14, 11]).

Структура политической экосемиотики. Символическая политика предстает не только как мир людей, но и как «мир растений» и «мир животных» [1]. В отечественной политической семиосфере отчетливо выделяются фито-, зоо- и антропометафоры⁴, расположенные не только в логике «от простого к сложному», но в зависимости от частоты использования. Животная метафора занимает срединное место в системе политической семиотики: образ животного сочетает аффективные и когнитивные черты, тогда как фитообразы когнитивно и эмоционально нейтральны, а антропологическая семиотика преимущественно рациональна.

Медведь в пантеоне «политических животных» (не в аристотелевском смысле) — панда, лев, орел, слон, страус, обезьяна, собака, петух, курица, дракон, кот, белка, «грызуны», рыба и т. д. — более всего близок человеку: он в известном смысле «прямоходящий», более внятен в своих намерениях. Образ Медведя (Русского медведя), который в России больше, чем просто медведь, занимает здесь особое место. Медведь — это персонаж, который в отличие от растений действует, но в отличие от человека не говорит. Думается, именно в этом его конкурентное преимущество в системе политических символов современной России. Ассоциирование себя или релевантной общности с образом Медведя со всеми его многочисленными характеристиками приносит аффективно-когнитивное (страстное) удовлетворение — удовольствие

⁴ Актуализация научной проблематики искусственного интеллекта откликается в символической политике появлением роботизированных метафор, которые медленно, но верно конституируются в политической семиосфере.

от осознания своей уникальной идентичности, что во многом перекрывает собственно политический эффект

Образ Медведя: когнитивно-семиотическая специфика. Образ Медведя — амбивалентный: его план содержания (при относительной общности плана выражения) раскрывается преимущественно через бинарные оппозиции: стремительный / медлительный, глупый / находчивый, злой / добрый, агрессор / защитник и т. д. Для актуализации его значения используются экосемиотические средства, т. е. он помещается в определенную среду, позволяющую адекватно подобрать код для интерпретации. В данном случае именно семиотическая среда, или — шире — семиотическая ситуация, задает ориентиры и координаты интерпретации этого ключевого символа.

Метафора Медведя за счет функционирования в различных когнитивных режимах помимо сигнальной функции (маркирования России со всеми ее релевантными коннотациями) задает конкретное значение и предполагает определенный смысл. При этом если значение может быть считано непосредственно исходя из семиотической ситуации (карикатуры, художественного сюжета), то смысл извлекается с учетом как раз окружающей среды (других семиотических ситуаций). Если значение ориентирует познающего субъекта на дискретность восприятия, то смысл принципиально континуален, что обуславливается спецификой символа как типа знака.

Универсальность медвежьей метафоры позволяет ей конструировать не только отдельные (гео)политические кейсы, связанные с конкретными историческими событиями, но и визуализировать / концептуализировать картину мира. Политическая экосемиотика позволяет рассматривать мир метафор, образов, символов с точки зрения «экологичности» (сочетаемости смыслов) для системы международных отношений, ее конструирования и смысловой динамики. Политическая экосистема как отражение реальных международных отношений имеет аналогичные трофические цепи, отношения симбиоза, мутуализма, паразитизма и т. п.

Медвежесть: формы и способы маркирования. «Русская медвежесть» в современном политическом дискурсе маркируется двумя различными способами. Можно отчетливо зафиксировать лого-лингвистическую традицию, где маркирование осуществляется при помощи языка (надписи, имени), и сигнально-семиотическую линию, где маркирование происходит при помощи визуальных знаков. Второй вариант более полисемантичен, поскольку раскодирование сигнально-знакового ряда может быть неоднозначным в силу разотождественности тезаурусов адресанта и адресата послания. Вместе с тем именно он наиболее органичен: пересечение лого-лингвистических маркеров с сигнально-семиотическими провоцирует наложение смыслов друг на друга, что не может не сказаться на результате интерпретации (понимания), приводя к разным версиям когнитивного диссонанса.

С сюжетной точки зрения (точки зрения семиотической ситуации) можно вести речь по крайней мере о трех формах репрезентации медвежьей метафоры — монистической, дуалистической и плюралистической. В монистической модели Медведь присутствует сам по себе, как «медведь-для-себя». Этот вариант исходно субстратен, то есть ориентирован непосредственно на Медведя как предмет (элемент) с его существенными и несущественными свойствами. Когнитивным ориентиром в этом дискурсе оказывается сигнал (сигнализация). В дуалистической модели (не обязательно предполагающей двух действующих лиц) Медведь «изображается» в отношении с Другим, выступает

как «медведь-для-других». Здесь перед нами релятивный вариант, поскольку он демонстрирует различные варианты отношений, характерных для релевантной семиотической ситуации. Обратим внимание, что фокус внимания в этом случае переносится на отношения, при этом определенные качества (свойства) не эксплицируются и не считаются в процессе интерпретации. Когнитивным ориентиром таким образом оказывается значение. Плюралистическая модель задает «потребную» картину мира, где Медведь показан в отношении с Другими как «медведь-для-всех». Этот вариант вполне можно обозначить как атрибутивный: его отличие от первого и второго вариантов заключается в том, что здесь качества Медведя «неабсолютные», а ставятся в зависимость не только от семиотической ситуации, но и от семиотической среды в целом.

Новизна современной политической экосемиотики (инвайронментальной семиотики), на наш взгляд, связана с применением системно-синергетического подхода. Системный подход предполагает, что политическая экосемиотика предстает в виде наполненной элементами структуры, которая оформляется системообразующим свойством, выраженным в виде генерализирующего образа. Этот образ «заставляет» другие семиотические элементы занимать соответствующие позиции (которые, возможно, до этого не были им свойственны), вступать в новые отношения. Как мы постарались показать выше, медвежья метафора постепенно начинает играть в российском общественном сознании именно роль генерализирующего символа, реструктурируя сложившуюся семиотическую экосистему. Синергетический подход позволяет зафиксировать объективные и субъективные факторы, благодаря которым конкретный символ занимает место генерализирующего, внешние воздействия, которые приводят к семиотическим флуктуациям (отклонениям в использовании конкретного символа в рамках символических практик).

Вместо заключения. Символическая экосистема политики современной России представляет собой конгломерат спорадических символов и символьных комплексов. Фактически она находится в состоянии семиотической диссипации, которая нарастает по причине размытости концепта (системообразующего свойства) политической семиосферы. Рабочая гипотеза такова: политическая система, нагруженная (перегруженная) живыми и мертвыми метафорами, подошла к точке семиотической бифуркации, за которой — новая символическая сборка с ориентацией на новый концепт, исторически и ментально закрепленный, а значит когнитивно и аффективно мощный. Этим ресурсом обладает как раз медвежья метафора: Русский медведь, зарекомендовавший себя эффективным символическим пограничником [8], оказывается в дискурсе мировой политики не просто «вещью», а динамической суммой значений и ценностей, меняющихся в зависимости от тезауруса международных отношений — символом России [6]. Благодаря этому «качественному спектру» значений и смыслов Russian Bear отвечает требованиям образа-концепта (базового кода) объяснительной модели семиотики современных международных отношений. Используя терминологию Э. Лаклау и Ш. Муффа, он задает фундаментальные координаты превращения «элемента» как неартикулируемого означающего в «момент» как артикулируемое означающее (ср. [18, p. 105]).

Список литературы

1. *Вершинина Т. С.* Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.
2. *Катицын В. М.* Символьные комплексы: роль в институционализации и легитимации национальных интересов // *Пространство и Время*. 2013. № 3 (13). С. 20—30.
3. *Кирсанова Н. П.* Символические основы российской политики // *Проблемы современной науки*. 2013. № 7—2. С. 164—170.
4. *Кобб Р. У., Элдер Ч.* Использование символов в политике // *Политическая лингвистика*. 2009. № 29. С. 131—145.
5. *Махмутова Л. Ф., Ушакова Н. В.* Медведь как символ России и как политический образ на западе // *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*. 2012. № 10-1. С. 109—115.
6. «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. М.: НЛЮ, 2012. 368 с.
7. *Рябов О. В.* Охота на медведя: О роли символов в политической борьбе // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 1. С. 195—211.
8. *Рябов О. В., Константинова М. А.* «Русский медведь» как символический пограничник // *Труды Карельского научного центра Российской академии наук*. 2011. № 6. С. 114—123.
9. *Сукало С. А.* Символические измерения политических концептов современных российских парламентских партий (на примере партийных программ) // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 5 (133). С. 87—92.
10. *Сухарева Т. Е.* Медведь — символ России. Опыт проекта // *Начальная школа*. 2009. № 5. С. 57—61.
11. *Суховерхов А. В.* Экологический подход в исследовании языка, коммуникации и познания // *Вестник Томского государственного университета*. Философия. Социология. Политология. 2013. № 4 (24). С. 48—54.
12. *Тимофеев М. Ю.* Россия. Незавершенный проект: Ключевые понятия, образы, символы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. 200 с.
13. *Brown S., Ellithorp J.* Emotional experiences in political groups: the case of the McCarthy phenomenon // *American Political Science Review*. 1970. 64 (June). P. 349—366.
14. *Halliday M. A. K.* *New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler*. L.; N. Y.: Continuum, 2001. P. 175—202.
15. *Harre R.* *Greenspeak. A Study of Environmental Discourse / R. Harre, J. Brockmeier, P. Mühlhäusler*. L.; New Delhi: Thousand Oaks, 1999. 224 с.
16. *Haugen E.* *The Ecology of Language // Haugen. E. The Ecology of Language: essays by Einar Haugen / Selected and Introduced by Anwar S. Dil*. Stanford. California: Stanford University Press, 1972. 366 p.
17. *Iedema R.* Resemiotization // *Semiotica*. 2001. #137. P. 23—39.
18. *Laclau E., Mouffe C.* *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. L.; N. Y.: Verso, 2001. 198 p.
19. *Lazari de A., Riabov O. V., Zakowska M.* The Russian Bear and the Revolution: the Bear Metaphor for Russia in Political Caricatures of 1917—1918 // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Искусствоведение. 2019. Т. 9. № 2. С. 325—345.
20. *Saint-Martin F.* Visual and Verbal Semantics // *Sebeok T. A. and Umiker-Sebeok J. (eds) Advances in Visual Semiotics: The Semiotic Web 1992—93*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 375—401.
21. *Steffensen S. V., Fill A.* Ecolinguistics: the state of the art and future horizons // *Language Sciences*. 2014. Vol. 41. P. 6—25.
22. *Lier L. van* The ecology and semiotics of language learning: A sociocultural perspective. Boston: Springer, 2004. 248 p.

УДК 111.1
ББК 87.1

Т. Ю. Серикова

СУБЪЕКТИВНАЯ АВТОРСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Рассматривается вопрос об онтологических основаниях искусства. Приводится сравнительная характеристика этапов создания художественного произведения. Дается анализ структуры произведения изобразительного искусства с целью определения наиболее существенных ее компонентов. Раскрывается вопрос о значении такой эстетической категории, как «прекрасное» в формировании онтологических оснований художественного творчества. Исследуются особенности основных этапов создания произведения искусства автором и последующего его восприятия зрителем.

Показано, что онтологическая основа произведения изобразительного искусства представляет собой материализованную авторскую субъективную реальность и формируется в результате согласованной работы чувственно-эмоционального и абстрактно-дискурсивного уровней сознания. Подчеркивается роль авторской воли как инструмента формирования образной структуры произведения и материализации авторского замысла.

Ключевые слова: художественное творчество, онтологические основания, чувственно-эмоциональный и рациональный аспекты, субъективная авторская реальность.

T. Yu. Serikova

SUBJECTIVE REALITY OF THE AUTHOR AND ITS ROLE IN FORMING THE ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF ARTISTIC CREATIVITY

This article deals with the question of the ontological foundations of art, which still remains open to debate. A comparative characteristic of the stages of creating a work of art is given. The article analyzes the structure of a work of fine art in order to determine its most essential components. The question of the significance of such an aesthetic category as “beautiful” in the formation of ontological foundations of artistic creativity is revealed. The author investigates the main stages of creating a work of art by the author and its subsequent perception by the viewer.

It is shown that the ontological basis of a work of fine art is a materialized author's subjective reality and is formed as a result of the coordinated work of the sensory-emotional and abstract-discursive levels of consciousness. The role of the author's will as a tool for forming the figurative structure of the work and materializing the author's idea is particularly emphasized

Key words: artistic creation, ontological foundations, sensory-emotional and rational aspects, subjective author's reality.

До настоящего времени остается открытым, не получившим окончательного решения вопрос об онтологических основаниях художественного творчества. Действительно, весьма сложно найти такой ответ, который бы не вызывал споров и разногласий среди философов, искусствоведов, практикующих художников и удовлетворял бы всех. Сложность данной проблемы заключается в том, что образ действительности, который создает в своем произведении художник, балансирует между предметным миром, определяющим содержание, своей символической основой, авторским мировосприятием и воплощением в грубо материальной форме собственно произведения как картины или скульптуры. Зритель, в свою очередь, стремится обнаружить в воспринимаемом произведении не только истину, но и красоту, поскольку в общественном сознании закрепилось утверждение, что искусство имеет дело с прекрасным. Поэтому, чтобы выяснить, в чем заключается бытие произведения искусства, требуется рассмотреть его с различных сторон. Итогом этого изучения будет ответ на вопрос: что помимо формы и содержания существует в произведении искусства, в чем заключается его художественная ценность? В. В. Бычков считает, что художественность — это «свойство каждого подлинного произведения искусства, которое только и делает его искусством, эстетической ценностью» [2, с. 221].

В качестве наиболее значимых научных работ, посвященных данной теме, следует отметить исследования А. О. Питько «Активность субъекта в процессе познания искусства» [11], где автор освещает актуальные вопросы философского осмысления познавательной деятельности субъекта в сфере искусства, И. А. Столетова «Онтология творчества» [13], Д. Н. Деменёва «Онтологические основания художественного творчества» [4] и работу О. А. Панкратовой «Проблема соотношения рационального и иррационального в познавательной деятельности». Н. Л. Варова в работе «Онтология творчества в философии всеединства и персонализма» считает «онтологическим основанием искусства истину», а искусство определяет как «форму явления истины» [3]. С. В. Ковалева, проанализировав творчество Владимира Соловьева, Павла Флоренского и Якова Голосовкера с позиции их эстетических исследований, считает, что «через процесс творчества, который актуализирует саму сущность сознания как основание экзистенции, человек делается причастным бытию» [7, с. 16]. Т. Ф. Сулейманов в статье «Онтологические основания творчества в различных философских системах» рассматривает философию творчества Н. А. Бердяева и указывает на то, что «продолжение творения силами человека (теургия) у Бердяева рассматривается в контексте свободы, которая понимается как основа бытия» [14, с. 30]. Также следует отметить работы Д. И. Дубровского «Субъективная реальность», Г. А. Карцевой «Содержание и форма в онтологии искусства», А. В. Волкова «Онтологические основания авангардистского изобразительного искусства». Необходимо сказать, что собственно онтологии художественного творчества посвящена небольшая часть работ относительно общего числа исследований. Интерес к изучению процесса и результатов художественного творчества нашел свое отражение в многочисленных исследованиях российских и зарубежных авторов. Данные вопросы достаточно подробно изучались, но, как правило, в связи с другими проблемами творческой деятельности человека.

Несмотря на значительный научный интерес к онтологии художественного творчества, все же существуют еще нерешенные проблемы, связанные

с определением сущности искусства как феномена человеческого бытия. До настоящего времени не утихают жаркие споры по поводу того, что же все-таки является главным критерием подлинности искусства, в чем заключается художественность произведения. Необходимо сказать и о том, что само современное искусство как явление требует определения его границ и общественного статуса. В контексте этих дискуссий, на наш взгляд, неоправданно мало уделяется внимания вопросу о статусе, месте и роли авторской субъективной реальности в процессе создания художественного произведения, а также о том, можно ли считать ее одним из бытийственных оснований искусства. При этом следует заметить, что именно от субъективной реальности автора зависит образное содержание произведения, влияющее на форму и средства воплощения самого объекта изобразительного искусства. Исследование процессов художественной коммуникации также часто рассматривается с позиций онтологического статуса современного искусства.

Если определить художественное творчество как объект данного исследования, то предметом исследования становится процесс формирования его онтологических оснований. Цель исследования состоит в том, чтобы, анализируя онтологические основания, выявить особенности и характерные черты процесса создания и функционирования произведения искусства, а также алгоритм формирования его онтологической основы. Данная цель потребовала изучения взаимодействия эмоциональной сферы автора и его способности к абстрагированию и преобразованию образов объективной действительности в образы субъективной реальности, которые затем воплощаются в пространстве произведения искусства. Также требуется показать основные этапы и особенности деятельности художника от непосредственного восприятия окружающей действительности до создания полноценного произведения. В одном ряду с этим нужно выявить роль интуитивно-волевого фактора как связующего звена между чувствами и разумом и управляющего процессом создания произведения искусства. Все это должно способствовать определению роли субъективной авторской реальности в процессе формирования онтологических оснований произведения изобразительного искусства. Также требуется изучить чувственно-эмоциональный и абстрактно-дискурсивный аспекты как одни из онтологических оснований творческого процесса. Отдельного внимания заслуживает категория прекрасного как сущностная характеристика произведения искусства.

В ходе проведенного исследования выявлено, что онтологическими основаниями художественного творчества можно признать наряду с взаимосвязью чувственной сферы автора и его рационально-логического мышления образное содержание субъективной реальности автора произведения. Последняя основана главным образом на его мировоззренческих установках, а также на природной одаренности субъекта творческого процесса, уровне его мастерства и особенностях личности.

Методы, использованные в представленной работе, относятся как к философским методам (диалектический), так и к искусствоведческим (метод формально-стилистического анализа), а также к общенаучным методам (абстрагирование, формализация, анализ и синтез).

Проблема творчества в том или ином виде всегда присутствовала у философов как один из главных предметов исследования. Следует отметить, что на протяжении всей истории развития философской мысли от античности

до нашего времени интерес к изучению процесса формирования онтологических оснований произведения изобразительного искусства был в центре внимания у многих выдающихся философов. Среди прочих следует отметить работы М. Хайдеггера, Э. Гуссерля и Р. Барта, в которых исследуются миропознавательные возможности искусства. Также следует сказать, что чувственно-эмоциональному компоненту художественного творчества уделяли внимание практически все выдающиеся философы и искусствоведы. Среди них следует отметить Н. А. Бердяева, В. В. Кандинского, П. А. Флоренского, В. А. Фаворского и М. К. Мамардашвили в контексте его учения о сущности личности и назначении человека.

К вопросу рационального основания творчества обращались такие философы, как Платон, Аристотель, а также их последователи. Данная тема затрагивалась непосредственно и самими практикующими художниками. В своих теоретических исследованиях проблему «разума и чувств» рассматривали такие российские выдающиеся живописцы, как И. Н. Крамской, М. Ф. Ларионов, К. С. Малевич и К. С. Петров-Водкин. Особый интерес у ученых всегда вызывал процесс формирования художественно-образной структуры, определяющей как форму, так и содержание произведения изобразительного искусства.

Интерес к изучению онтологии творчества нашел свое отражение в многочисленных исследованиях современных российских авторов. Наиболее значительной, на наш взгляд, является монография И. А. Столетова «Онтология творчества» [13], в которой продемонстрирована непосредственная взаимосвязь творчества, мировоззрения и личности автора, а также подробно рассматриваются вопросы соотношения творчества и креативности, истины и свободы творчества. При осмыслении проблематики творчества И. А. Столетов использует опыт восточной философии, а также других гуманитарных наук.

Большой интерес представляет диссертационное исследование Д. Н. Деменёва «Онтологические основания художественного творчества» [4]. Стоит отметить то обстоятельство, что автор является художником-живописцем, изучившим данную проблему, используя собственный практический опыт. Также интерес представляет монография того же автора «О логике эстетической деятельности», где рассматриваются средства художественной выразительности в аспекте онтологии творчества [5]. С мнением предыдущих авторов согласуется точка зрения на проблему взаимосвязи разума и чувств О. А. Панкратовой, которая в своем диссертационном исследовании указывает на то, что «познанию необходимы обе составляющие: иррациональная и рациональная» [10, с. 126].

Приступая к разговору об онтологии художественного творчества, отметим, что нас будут интересовать те бытийные основания, с помощью которых оно существует как явление. С течением времени понимание искусства как способа отражения действительности изжило себя, и появилась теория о его самодостаточности. Вследствие чего возник интерес к определению онтологической основы художественного творчества. В настоящее время проблема онтологии творчества рассматривается совокупно с проблемами бытия человека, среди которых определяющим считается вопрос о творчестве как сущностной характеристике личности. Искусство является одной из форм творчества. Оно вычленяет образы объективной реальности, трансформирует

их и создает новую, искусственную сверхреальность, которая представляет собой гармонизацию хаоса, «приручение» природных стихий. В этом оно сходно с определением субъективной реальности, данным Д. И. Дубровским и основанным на сопоставлении «объективной реальности» и «субъективной реальности». Последняя, по мнению ученого, представляет собой отражение «объективной реальности».

Отличие европейской культурной традиции от восточной состоит в том, что главной способностью человека как личности провозглашается способность к деятельности и преобразованию окружающей действительности. Искусство требует, напротив, не действия, а созерцания, и в этом оно ближе восточной культуре, поскольку предлагает человеку выбор в условиях его уникальной и универсальной природы делать все, что угодно, или стать пассивным наблюдателем, позволяющим действительности влиять на его личность и трансформировать ее.

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время, в ситуации антропологического поворота, проблема онтологии творчества соотносится с человеческим бытием. Одной из главных, сущностных характеристик личности человека считается его способность к познанию мира посредством творчества. В большинстве современных работ, посвященных проблемам творчества, в качестве его онтологических оснований рассматриваются формы существования и основные принципы бытия самого субъекта творчества.

Далее перейдем от общих вопросов природы и специфики изобразительного искусства к определению онтологических оснований художественного творчества. В диссертационной работе Д. Н. Деменёва «Онтология художественного творчества» указывается на то, что «чувственно-эмоциональный и рационально-логический аспекты являются важнейшими онтологическими основаниями художественного творчества» [3, с. 25]. В качестве других оснований художественного творчества ученый называет «субъективное эмоциональное пространство художника» и «сбалансированность структурных элементов произведения искусства» [3, с. 27]. Мы в целом согласны с этими положениями, но считаем, что данные утверждения не отражают всей полноты онтологии художественного творчества и их следует дополнить.

Мы будем рассматривать формирование онтологических оснований художественного творчества с позиции бытия человека, особенностей его психологии. В качестве исходного материала рассмотрим иерархию уровней сознания человека, которые классифицируются таким образом: чувственно-эмоциональный, абстрактно-дискурсивный и интуитивно-волевой уровень [9, с. 607]. Бесспорно, что апперцепция, или непосредственное отражение внешней действительности в виде «ощущений, представлений и восприятий» [9, с. 608] соответствует чувственно-эмоциональному уровню сознания человека, основными характеристиками которого являются конкретность и реактивность. Чувственный опыт всегда индивидуализирован и строится как обратная реакция на воздействие внешней среды. Далее следует фиксация тех свойств и характеристик действительности, которые невозможно постичь при помощи чувственно-эмоциональной сферы, для этого требуется использование уже сформированных понятий, а также суждений и умозаключений. Этому абстрактно-дискурсивному уровню свойственны осознанность и рефлексивность.

Связь чувства и разума в работе сознания происходит на интуитивно-волевом уровне, где осуществляются индивидуальное понимание и интерпретация выработанных ранее образов объективной или субъективной действительности. Авторская способность управлять процессом создания своего произведения основывается на воле как способности сознания направлять поведение личности.

Процесс художественного творчества может опираться в онтологическом плане как на чувственные основания, так и на рациональные и иррациональные. Формируемая на основе непосредственных впечатлений от объективной действительности субъективная реальность, основными элементами которой, по мнению Д. И. Дубровского, являются динамичность, многомерность, биполярность, структурная самоорганизация [6, с. 204], также может рассматриваться как одно из онтологических оснований творчества. Онтологическим эффектом, по мнению Д. Н. Деменёва [4, с. 18], обладает сбалансированность структурных элементов произведения искусства.

Далее более подробно проанализируем чувственно-эмоциональные и рациональные аспекты художественного творчества.

Информация, полученная от восприятия окружающей действительности с помощью органов чувств, является материалом для формирования образа воспринимаемой действительности в пространстве субъективной реальности автора. Образ объективной действительности, получивший эмоциональное наполнение и подвергнутый трансформации на уровне рационально-логического мышления, становится первоосновой для художественного образа произведения.

Индивидуальное мышление и авторское мировидение создателя произведения искусства оказывают непосредственное влияние на характер образов, формирующихся в ходе рационально-логического осмысления впечатлений, полученных от восприятия объективной действительности.

Считаем, что художественный образ, являющийся итогом переосмысления окружающей действительности автором, можно рассматривать как центральное звено произведения изобразительного искусства, поскольку он является как формой отражения объективной действительности, так и выражает духовный мир художника, воплощаясь в структуре произведения, то есть обретает материальную, зримую форму. Зритель постигает содержание произведения искусства именно посредством восприятия его художественно-образного содержания. Главная задача художника заключается в том, чтобы вложить в художественный образ свой замысел и вызвать у зрителя требуемый ответ. Помимо жизненной достоверности образ должен содержать правду художественную, которая заключается в том, чтобы соблюдалась мера условности изображения действительности. Подобное возможно, если автор обладает творческой индивидуальностью и может соблюсти все условия создания художественного произведения.

Бесспорно, что именно художественный образ формирует духовное содержание художественного произведения, поскольку природа самого образа имеет качество символичности. Символ же, в свою очередь, несет смысловую нагрузку. Определенное символическое значение придается художественному образу самим автором исходя из идейного содержания произведения, которое формируется автором на основе замысла, возникающего на интуитивно-волевом уровне сознания. Говоря об этом, нельзя обойти вниманием

и авторскую волю как основу бытия произведения искусства и активную, движущую силу творческого процесса. Произведение искусства является материальным воплощением авторской воли в форме, которую сам он и выбирает. Сам факт возникновения произведения искусства напрямую зависит от желания автора, единолично определяющего содержание произведения. Авторская воля подбирает соответствующие друг другу форму и содержание для своего воплощения в художественном произведении.

В качестве одного из онтологических оснований художественного творчества может рассматриваться его диалектический характер. Единство интуитивного и логического начал можно считать одним из проявлений диалектичности. Вторым признаком является закон «перехода количества в качество», характерный для процесса творчества. Диалектика творчества заключается и в материализации духовного содержания произведения.

Роль личности самого художника, творца произведения изобразительного искусства, на наш взгляд, имеет решающее значение в образовании онтологической основы произведения искусства. Форма и содержание произведения искусства отражают художественные установки и мировоззренческую позицию автора. Поэтому для понимания произведения как единого образования важно рассмотреть эстетические установки автора, среди которых его понимание гармонии имеет ключевое значение, поскольку она как философская и эстетическая категория отражает такие ключевые понятия, как соподчиненность содержания и формы, цельность и соразмерность его структуры. Эти категории также относятся к онтологическим основам творчества.

Автору для построения своей модели мироздания в пространстве произведения искусства важно найти способ гармонизации хаоса как качественной характеристики объективной действительности. Гармония определяет структуру произведения, бытие произведения и придает художественному произведению целостность.

Далее следует вывод о том, что произведение искусства, которое должно обладать качеством целостности и законченности, является открытой, обращенной к зрителю незавершенной формой. Каждому воспринимающему его зрителю оно раскрывается иначе, с новыми оттенками смысла, акцентами и нюансами. Подлинное произведение способно притягивать к личности зрителя, быть отзывчивым на каждую конкретную ситуацию взаимодействия с ним.

Далее необходимо выявить и проанализировать рациональный элемент в структуре художественного процесса. Рациональное мышление необходимо создателю художественного произведения для понимания сущности своих действий. Рациональное мышление в изобразительном искусстве может выражаться как ассоциативность. Еще одной из форм рационального мышления, применяемой в искусстве, является отражение объективной действительности посредством метафоры, обладающей качеством многозначности. Но все же основная задача рационального мышления — это работа над композиционной структурой произведения, его пластическим и колористическим решением. Художественный образ, созданный на основе чувственно-эмоционального восприятия, должен обрести адекватное формальное воплощение. Иначе создаваемое автором произведение не найдет верного ответа у зрителя. Взаимосвязь эмоционального и рационального является одним из диалектических принципов художественного творчества.

Отметим, что существуют различные типы художественного мышления: конкретный и абстрактный. Конкретное мышление действует на этапе восприятия впечатлений от объективной действительности, а уровень абстрактного мышления предполагает работу с образами предметов и явлений. Данные способы мышления в процессе творчества переходят один в другой, смешиваясь в определенной пропорции. Соотношение конкретного и абстрактного определяет стилистику изображения от натуралистичности до беспредметности.

Наличие определенной идеи в художественном произведении придает ему эстетический смысл. Идея будущего произведения является продуктом рационального уровня сознания и способствует реализации авторского замысла в процессе создания произведения искусства. Возникшая в сознании автора идея определяет направленность восприятия образов объективной действительности, способствует накоплению материала для формирования содержания будущего произведения. Идея влияет на содержание произведения и определяет его форму, что придает картине или скульптуре цельность.

В контексте разговора о сущности и бытии творчества необходимо указать и на целостность восприятия произведения изобразительного искусства как на еще один немаловажный компонент его онтологической основы. Художественная ценность определяется целостностью образа произведения, явившейся результатом сплава всех мировоззренческих установок художника, всех его жизненных наблюдений.

Нельзя обойти вниманием значение таланта автора, степень одаренности художника, его опыт и мастерство. Данные категории играют первостепенную роль в том, насколько успешно автор способен выразить с помощью формальных средств изобразительного искусства духовное содержание своего произведения. Поэтому мастерство и уровень таланта можно признать одними из онтологических оснований художественного творчества.

Подводя итог, требуется сказать, что одним из определяющих онтологических оснований художественного творчества является субъективная реальность автора, которая отражает объективную реальность и сформирована на основе миропонимания автора, его мировоззренческих позиций, особенностей личности. Именно субъективная реальность формирует факторы, определяющие как внешнюю видимую форму произведения, так и внутреннее, образное содержание объекта искусства, цельность и соразмерность его структуры. Указанные Д. Н. Деменёвым в качестве оснований художественного творчества такие факторы, как «диалектическая взаимосвязь чувственно-эмоционального и рационально-логического аспектов», «субъективное эмоциональное пространство художника» и «сбалансированность структурных элементов произведения искусства» [3, с. 21] имеют место, но должны быть дополнены такими факторами, как степень одаренности художника, его опыт и мастерство, масштаб его личности и мировоззренческие и эстетические установки. Все это определяется субъективной авторской реальностью.

Бесспорно, что к онтологическим основаниям художественного творчества относится и гармоничность сочетания всех структурных элементов произведения, придающая художественному произведению целостность. Коммуникативные возможности произведения играют определяющую роль в существовании его как явления объективной реальности

и потому могут быть также отнесены к его онтологии. При этом отметим, что все же наиболее важными компонентами онтологической основы художественного творчества можно назвать результаты согласованной работы чувственно-эмоционального, рационально-логического и интуитивно-волевого уровней сознания.

Особая роль отводится воле как способности сознания автора формировать образную структуру произведения и воплощать образы авторской реальности в виде материального объекта (холст, подрамник, краски), который доступен для стороннего, зрительского восприятия. Все части и этапы создания художественного произведения генетически взаимосвязаны и существуют как единая целостность, что указывает на диалектический характер художественного творчества.

С Д. Н. Деменёвым мы согласны также и в том, что художественно-образная структура возникает на основе образов авторской субъективной реальности и определяет форму и содержание произведения искусства. Образы авторской субъективной реальности формируются из впечатлений от восприятия объективной реальности, полученных художником посредством работы чувственно-эмоционального уровня сознания и осмысленных на абстрактно-дискурсивном уровне. Движущей силой в этом процессе является авторская воля.

Относительно одного из наиболее важных, существенных вопросов бытия произведения искусства ответим, что его художественность заключается в том, что помимо формы и содержания произведение искусства должно обладать качествами, способными вызывать у реципиента в момент восприятия произведения искусства духовный подъем и эстетическое удовольствие. Подобное возможно, если произведение искусства состоялось как явление бытия.

Список литературы

1. Борзова А. В., Пятак В. И. Об онтологии творчества // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2015. № 3 (20). С. 69—75.
2. Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Художественность как метафизическое основание эстетического опыта и критерий определения подлинности искусства // Вестник славянских культур. 2017. Т. 43. С. 220—241.
3. Варова Н. Л. Онтология творчества в философии всеединства и персонализма // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2—3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23593> (дата обращения: 01.10.2019).
4. Деменёв Д. Н. О логике эстетической деятельности [Электронный ресурс]: монография / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова». Магнитогорск: ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», 2018. 218 с.
5. Деменёв Д. Н. Онтологические основания художественного творчества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Магнитогорск, 2011. 23 с.
6. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 366 с.
7. Ковалева С. В. Онтология искусства: идеальность, предметность, смыслообраз // Национальные приоритеты России. 2015. № 1 (15). С. 15—21.

8. *Мальцев В. А.* Гуманистическая этика: история и проблемы: монография / Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2013. 574 с.
9. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2000. Т. 1—4. 2659 с. (2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. Т. 1—4. 2816 с.)
10. *Панкратова О. А.* Проблема соотношения рационального и иррационального в познавательной деятельности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Ульяновск, 2014. 149 с.: ил.
11. *Питько О. А.* Активность субъекта в процессе познания искусства: монография / О. А. Питько, О. С. Пищугина, Н. С. Сложеникина; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова». Магнитогорск: МГТУ, 2017. 134 с.: ил.
12. *Сложеникина Н. С.* Философский анализ истины в изобразительном искусстве: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Магнитогорск, 2006. 125 с.
13. *Столетов А. И.* Онтология творчества. Уфа: Вагант, 2008. 207 с.
14. *Сулейманов Т. Ф.* Онтологические основания творчества в различных философских системах // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 1 (17). С. 30—37.

УДК 008.001
ББК 71.4

Н. Н. Летина

АКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРОСФЕРА ЯРОСЛАВЛЯ: НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС

В статье обоснован образовательный силуэт современной культуросферы Ярославля. Определена ее база — ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, центр — кафедра культурологии, научный фундамент — ведущая научная школа России по культурологии, академическая вершина — диссертационный совет Д 212.307.04. Систематизированы форматы институционализации знания (исследование, проекты и акции, процессы, мероприятия). Определен механизм форматирования культуросферы в ярославских реалиях, обеспечивающий преемственность интеллектуальной традиции, интеграцию исследователей, продуцирование новых модераторов и креаторов.

Ключевые слова: культуросфера, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, кафедра культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, семинар по культурологии городской программы «Открытие».

N. N. Letina

ACTUAL CULTUROSPHERE OF YAROSLAVL: SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL DISCOURSE

The article substantiates the educational shape of the modern Yaroslavl cultural sphere. Its base is determined as the Department of Cultural Studies in Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. Its scientific foundation is fixed as a leading scientific school of Russia in cultural studies with academic 'peak' — dissertation council D 212.307.04. Formats of knowledge institutionalization — research, projects and actions, processes, events — are systematized. The mechanism of formatting the Yaroslavl cultural sphere is determined in the realities of the intellectual dynamics, integration of researchers, production of new moderators and creators.

Key words: cultural sphere, cultural science, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, the department of cultural science YSPU after K. D. Ushinsky, the dissertation council D 212.307.04, municipal program "Ot-krytie", the seminar on cultural science.

Состав и специфика форматов присутствия участников культурологического образовательного процесса в современной ноосферной истории Ярославля детерминированы особой культуросообразной средой, сформированной в традициях *humanitas*, когда образование становится *gumpus* — почвой для формирования человека культуры.

Гуманитаристика в ярославской образовательной среде имеет и богатую историю (Ярославское Демидовское училище высших наук — с 1803 г.,

Ярославская губернская мужская гимназия — с 1805, Учительский институт — с 1908 г.) и обширную репрезентацию (научно-исследовательские и научно-образовательные центры, лаборатории, научные школы, научные журналы), но база особого — культурологически ориентированного образования заложена ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского).

В 1990 году в ЯГПУ им. К. Д. Ушинского на факультете русского языка и литературы была создана кафедра мировой художественной культуры, получившая затем название «теории и истории культуры», «культурологии и журналистики», ныне — культурологии. В 2020 году кафедре — 30 лет. Заведующими кафедрой были доцент, кандидат филологических наук Т. В. Леденева (1990—1991), профессор, доктор искусствоведения, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН Т. С. Злотникова (1992—2001), профессор, доктор педагогических наук Е. А. Ермолин (2001—2011). С 2011 года кафедрой культурологии факультета русской филологии и культуры заведует профессор, доктор культурологии Т. И. Ерохина. Кафедра культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского ведет образовательную деятельность по направлениям подготовки Педагогическое образование (профиль — «Культурологическое образование», квалификация (степень) выпускника «бакалавр»), Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) (профили: «Мировая художественная культура — Русский язык», квалификация (степень) выпускника «бакалавр»; «Педагогическое образование» профиль «Управление культурно-образовательной и культурно-просветительской деятельностью» (квалификация (степень) выпускника «магистр»), Педагогическое образование (профиль «Образование в культурно-исторической и социокультурной сферах», квалификация (степень) выпускника «магистр», на заочном отделении — профиль «Культурология и проектирование культурно-просветительской деятельности» квалификация (степень) выпускника «бакалавр»). Официальная информация представлена на странице кафедры http://yspu.org/Кафедра_культурологии, социальный паблик размещен по адресу <https://www.facebook.com/groups/822757084507523/>.

Интеллектуальным и научным теоретико-методологическим фундаментом жизни кафедры культурологии и во многом ярославской ноосферы культуры является ведущая научная школа России по культурологии «Методология истории и теории культуры» при ЯГПУ им. К. Д. Ушинского под руководством профессора, доктора искусствоведения Т. С. Злотниковой.

В рамках деятельности научной школы разрабатывались темы коллективных исследований: «Личность в культуре» (до 2009 г.), «Культура России в трансформирующемся хронотопе» (с 2010 г.), «Творческая личность в горизонте массовой культуры» (до 2019 г.). Научная работа по грантам, Федеральным целевым программам, поддержка руководства университета и факультета позволяют организовывать научно-исследовательские центры («Культуроцентричность научно-образовательной деятельности», «Национальный научно-исследовательский центр “Мир русской провинции”»), лаборатории («Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс», студенческая лаборатория «Взгляд изнутри. Русская провинция»), осуществлять научные командировки, издавать научные труды и учебные пособия, организовывать семинары и конференции, вести активную научную жизнь не только внутреннему кругу преподавателей, молодых исследователей — студентов, магистрантов, аспирантов, но и привлекать внешний, постоянно

пополняющийся круг заинтересованных в расширении культурологического и культурфилософского кругозора.

Академической и организационной вершиной культурологически ориентированной ноосферы Ярославля является диссертационный совет Д 212.307.04 при ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, которому исполнилось 20 лет. В 1999 году в совете К 113.27.06 прошли первые защиты кандидатских диссертаций. Сам факт подобного долголетия — особый повод для гордости. В университетской практике плодотворно действующий диссертационный совет — критерий подлинной научной состоятельности и высокого качества многоуровневого образования. С течением времени менялись шифр (от К 113.27.06 до Д 212.307.04), научные специальности и отрасли знания (культурология, искусствоведение, философские науки, исторические науки), статус (кандидатский, докторский), состав совета. Неизменными оставались высокий уровень диссертаций и защит, востребованность остепененных специалистов, укрепляющих интеллектуальную среду Ярославля и регионов России. Неизменной до недавнего времени являлась и persona председателя — профессора Т. С. Злотниковой, вклад которой в бытие и быт диссертационного совета синонимичен самой ее жизни. В самом начале работы совета его поддержали своим вхождением в состав философ М. С. Каган и искусствовед Г. Ю. Стернин. От истоков и до наших дней в совете работают профессор Т. С. Злотникова, А. В. Азов, Е. А. Ермолин; многолетнее участие в работе принимают Е. М. Болдырева, Д. Ю. Густякова, И. А. Едошина, Т. И. Ерохина, Г. Н. Кочешков, Н. Н. Летина, И. Ю. Лученецкая-Бурдина, М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова, К. Э. Разлогов, В. Н. Степанов, А. С. Ходнев, В. П. Федюк, Е. Н. Шапинская, Т. В. Юрьева, О. В. Лукин, Л. В. Ухова; принимали — Л. М. Архипова, В. И. Жельвис, Г. М. Нажмудинов, М. И. Рожков, А. Б. Соколов, Г. Ю. Филипповский, З. М. Куватов (первый ученый секретарь), а также М. С. Комаров, С. С. Клитин, А. К. Кудрин, Г. Ю. Стернин, Н. М. Багновская, Ю. М. Барбой. Недавно совет приветствовал в качестве новых участников Н. А. Барабаш, О. В. Бочкареву, А. В. Еремина и нового председателя диссертационного совета — Александра Михайловича Ермакова. Систематизирующая концептуализация деятельности диссертационного совета представлена в публикации Т. С. Злотниковой и Д. Ю. Густяковой «Диссертационный совет: социокультурная миссия и интеллектуальная парадигма» [1].

Плодотворные институциональные связи (Институт философии РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Российский институт культурологии, Новый институт культурологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Русская христианская гуманитарная академия, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Самарский государственный медицинский университет (кафедра философии и культурологии), Ульяновский государственный педагогический университет, Гуманитарный университет (Екатеринбург), Вологодский государственный университет и др.) и персональные интенции представителей этого своеобразного культуртрегер-центра обеспечивают бытование современной ярославской ноосферы культуры в городском, региональном, общероссийском масштабе.

Форматы реализуемой деятельности разнообразны и результативны — от организации локальных акций до проведения российских научных конференций с международным участием.

Одним из важных факторов интеграции в ноосферу культуры является исследование, реализуемое участниками культуроцентричной образовательной и научной деятельности как процесс и продукт (персональное: от школьного до квалификационного — бакалаврского, диссертационного; микрогрупповое в процессе освоения учебных дисциплин; коллективное в рамках НИР, работ по грантам).

Репрезентативными формами институционализации знания о культуре являются проекты и акции (в частности, медийные проекты студентов и магистрантов культурологических специальностей ЯГПУ им. К. Д. Ушинского), пролонгированные процессы (семинар по культурологии городской программы «Открытие» и пр.) и повторяющиеся мероприятия от регионального (научно-методологический семинар для аспирантов, магистрантов и студентов кафедры культурологии) до общероссийского и международного статуса (ежегодная научная конференция «Творческая личность»).

В процессе освоения ряда дисциплин обучающиеся по бакалаврским и магистерским профилям кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского разрабатывают специализированные медийные проекты.

Одним из таких проектов, получившим пролонгированный характер, является группа Вконтакте «Полуночный магазинчик» — URL <https://vk.com/public164777840>. Изначально он возник как проект магистров 1 курса по дисциплине «Информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности культуролога», в рамках которой необходимо было создать групповой специализированный в области культуры ресурс в социальной сети, поддерживать и развивать его контент в течение одного учебного семестра. Каждый студент должен был предложить персональный контент по определенной теме и выкладывать его с определенной периодичностью (не реже 1 раза в неделю). Был выбран формат группы в социальной сети Вконтакте.

Затем (при переходе той же учебной группы на 2 курс магистратуры) «Полуночный магазинчик» был перепрофилирован в межпредметный магистерский проект в рамках дисциплин «ИКТ в профессиональной деятельности культуролога», «Образовательная и научная деятельность как фактор инкультурации». «Персоналистский дискурс русской и мировой культуры». Организация контента изменилась — посты имели как персональное, так и микрогрупповое и групповое авторство и имели более четкую функциональную специализацию — информационно-просветительскую, контрольно-отчетную, коммуникационную, образовательную.

Расширение функционала группы в области образовательной и проектной деятельности за счет расширения межпредметных связей и выстраивания связи двух уровней образования — магистратуры и бакалавриата — привело к эффективному результату. «Полуночный магазинчик» выступил площадкой для активизации интереса и игрового контроля знаний по дисциплинам «История искусства Средних веков и Возрождения», «История культуры Средних веков и Возрождения» (бакалавры профиля «Культурологическое образование»).

Еще одним пролонгированным проектом стала группа Вконтакте «Попстройка» — URL <https://vk.com/nonctrouka>, которая была создана 6 марта 2019 года в рамках дисциплины «Информационные и коммуникационные технологии в области культурологии». Задача, которую выбрали для себя студенты-бакалавры, состояла в самопозиционировании и продвижении культурологически ориентированного контента. Входила в задачи проекта

в сознании его разработчиков и коммуникативная задача: «Мы открыты для творческих знакомств, сотрудничества и публикации вашего авторского (и нет) контента в нашей ленте». И хотя количественные показатели у группы скромные (51 участник, 23 статьи, одно авторское видео), с сентября 2019 г. она вышла на новый уровень медийного существования. «Поп-стройка» была перепрофилирована в магистерский проект с расширением функционала по аналогии с «Полуночным магазинчиком» и выступила площадкой выстраивания медийной связи магистерского и бакалаврского образовательных процессов в рамках ряда дисциплин (со стороны бакалавриата это были «Мировая художественная культура Средних веков и Возрождения», «История культуры и цивилизации Средних веков и Возрождения» в двух группах профиля «МХК и русский язык»).

Специфическим магистерским проектом в 2017/2018 учебном году были разработка, создание и продвижение персонального профиля в контексте неомифотворчества для особой персоны — бога ИКТ. В связи с особенностью выбранной персоналии нового «бога» — бога XXI века необходимо было создать формат его презентации на различных площадках и социальных сетях с учетом особенностей конкретного сетевого ресурса. Для проектов персонального профиля были выбраны соцсети Одноклассники, Вконтакте, Facebook, Instagram, Twitter и электронный дневник «Живой журнал» (livejournal.com), гиперссылки на профили размещены на персональном сайте-оболочке «Некто или Нечто» по адресу <https://iktbog.wixsite.com/mysite>.

Репрезентативным форматом развития ноосферы культуры Ярославля в другой возрастной группе является продолжающийся семинар по культурологии в рамках городской программы для школьников «Открытие», созданный и успешно закрепленный в дополнительной образовательной среде, а также отрефлексируемый в его исходных принципах [2] профессором Т. С. Злотниковой. Содержание семинара, который в настоящее время ведет профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского Н. Н. Летина, ежегодно обновляется, но детерминирует его неизменная культуроцентричность.

Сочетание актуальности и основательности, в частности, раскрывается в проблематике семинара 2019/2020 учебного года «Культура в медийном мире». Первый вектор занятий «Медийный мир и мир культуры» посвящен знакомству с вечными основаниями и ценностями культуры и ее современным медийным лицом. Участники семинара выясняют, почему современную нам культуру не столько создают, сколько программируют, узнают, как открываются «окна Овертона», где действуют законы НЛП, погружаются в скрытую жизнь функционирующих повсеместно «черных зеркал». Обучающиеся сравнивают потенциал вселенных ютуба, инстаграмма, традиционных соцсетей и учатся выбирать площадки для разных целей. Изучают новых «богов» и культурных героев — блогеров и других медийных персон. Второй вектор семинара «Я / мы в медийном мире» связан с поисками себя в пространстве медийной культуры. Участники знакомятся с медийными ролями журналиста, арт-критика, имиджмейкера, блогера, копирайтера, smm-специалиста, графического дизайнера, а также апробируют осознанное создание медийных продуктов. Третий вектор связан с экспериментом, в котором участвует Ярославская область с 1 сентября 2019 года. Участникам предлагается совместное освоение произведений из списка «Культурный норматив школьника».

В рамках семинара школьники готовят самостоятельное исследование, с которым могут выйти на региональную и всероссийскую конференцию

«Открытие». Ранее мы предложили тернарную оппозицию «глобальное — глокальное — локальное» как основной принцип характеристики тем (предметов) исследований, которые выбирают школьники [4]. Приведем характерные темы реализованных исследований школьников (под научным руководством педагога семинара — Н. Н. Летиной) для конференции «Открытие»: «Феномен молодежной сетевой поэзии Рунета в сознании школьников и студентов гуманитарных специальностей» (С. Итингоф, 2019), «Формат презентации темы “Детский праздник” в Рунете с ярославской геолокацией» (Е. Воронина, 2019), «Особенности образов отцов и матерей в кинематографическом универсуме Джейн Остин» (А.-Б. Дириенко, 2018), «Молодежная сетевая поэзия Рунета как культурный феномен» (С. Итингоф, 2018), «Восприятие современными школьниками произведений массовой культуры — цикла романов о Перси Джексоне» (В. Молоканова, 2018), «Образ девушки made from “Vogue”» (А. Филимонова, 10 кл., 2017), «Экстраординарный персонаж массовой культуры в отношении к человеку и человечеству» (А. Юрченко, 11 кл., 2017), «Интерпретация античного мифологического образа Одиссея в поэме “Божественная комедия” Данте Алигьери» (Е. Костина, 11 кл., 2016), «Аксиологические акценты телевизионной рекламной кампании МТС 2015 г.» (А. Ойцева, 11 кл., 2016), «Испытание человека и моделирование человечества в фильме “Экзамен” (Hazeldine Films Bedlam Productions, 2009 г, режиссер С. Хейзелдин)» (М. Сухова, 2016), «Феномен подростково-системных войн в трилогии Сьюзен Коллинз “Голодные игры”» (Ю. Тряскова, 2016), «Приговор моде в романе Л. Вайсбергер “Дьявол носит Prada”» (А. Филимонова, 2016), «Счастье человека XXI века в интерпретации современного отечественного кинематографа (коллективный проект 2015 г. “Счастье — это...”» (А. Юрченко, 2016).

Значимым форматом ноосферы культуры Ярославля являются повторяющиеся научные, научно-просветительские, научно-практические и прочие мероприятия, осуществляемые обычно на базе ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Вклад в развитие ноосферы культуры осуществляется через участие в известном в городе проекте «Кафедра76» ЯГПУ им. К. Д. Ушинского — год театра в России был отмечен лекцией доктора искусствоведения, профессора Т. С. Злотниковой «Часть мира... Театр» 25 марта 2019 года, а 8 ноября 2019 года Т. С. Злотникова открыла отсчет предвещающим 200-летие со дня рождения Н. А. Некрасова просветительским и научным мероприятиям.

На ежегодных студенческих научных конференциях студентов кафедры культурологии традиционно делают не несколько секций, поскольку одна не может вместить все доклады.

Резонансным опытом для Института филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского стал традиционный научно-методологический семинар для аспирантов, магистрантов и студентов (вдохновитель и организатор — зав. кафедрой культурологии, профессор Т. И. Ерохина). В 2019 году тема семинара была связана с годом театра в России «Театральность и театрализация как дискурс современной культуры», в 2018 г. — тема «Массовая культура: философско-эстетический дискурс» инспирирована исследованиями по гранту РФФИ 14-18-01833-П.

Безусловно, вершинным достижением данной парадигмы деятельности кафедры культурологии является традиционная конференция «Творческая личность», которая прошла путь от российской в момент ее пилотного запуска до международной [3].

Тематика конференции реализует концептуальный модус творческой личности в конкретных ракурсах: «Творческая личность-2012: русская культура в глобализационном дискурсе» (21—22 декабря 2012 г.); «Творческая личность-2013: между миром и войной, или Бытие на гранях»; «Творческая личность-2014: поступок и образ» (18—20 декабря 2014 г.); 17—20 декабря 2015 года (и далее) конференция проходит со статусом всероссийской с международным участием по теме «Творческая личность-2015: архетип и имидж»; «Творческая личность-2016: в кадре и за кадром» (15—18 декабря 2016 г.); «Творческая личность-2017: homo extremis русской культуры» (21—23 декабря 2017 г.); с 2018 года конференция приобретает статус международной, «Творческая личность-2018: жизнь в горизонте массовой культуры» (20—22 декабря 2018 года); в 2019 г. конференция была проведена в статусе международного симпозиума «Русский театр как культурфилософский феномен: целостность дихотомии» (18—21 декабря 2019).

В результате охарактеризованной деятельности происходит формирование и форматирование среды, способствующей развитию ноосферы культуры в ярославских реалиях: создание и обеспечение преемственности (школа — вуз — интеллектуальное и научное сообщество) традиции интеллектуальной, исследовательской научной деятельности, форматов ее актуализации и постоянной их модернизации, интеграции молодых исследователей (школьников, студентов, магистрантов, аспирантов) в культурную ноосферу, потенциальном продуцировании новых модераторов и креаторов ярославской ноосферной истории. Персональный и коллективный интеллектуальный и социокультурный опыт оказываются интегрированы в жизненную сферу и формируют атмосферу бытия, выходящую за рамки локально-академической, локально-университетской деятельности. Данные обстоятельства, процессы и результаты вполне соответствуют общему контексту ноосферного проектирования культуры, специфика которого, как справедливо отмечено Г. С. Смирновым «предполагает смену приоритетов устойчивого развития на антропологические, экокультурные и эко-духовные доминанты» [5, с. 273].

Список литературы

1. Злотникова Т. С., Густякова Д. Ю. Диссертационный совет: социокультурная миссия и интеллектуальная парадигма // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111). С. 221—228.
2. Злотникова Т. С., Летина Н. Н. Ярославское открытие: городская программа работы с одаренными школьниками как способ формирования культурно-исторической памяти // Исторический город в аспекте национальной ментальности / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Н. А. Дидковской. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. С. 121—149.
3. Злотникова Т. С., Летина Н. Н., Старшова А. П. Хроники «Творческой личности»: к 25-летию кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3. С. 176—183.
4. Летина Н. Н. Глобализация, глокализация и локализация в проблематике исследований культуры школьниками — участниками городской программы «Открытие» (2010—2011 годы) // Роль культурологии в современном мире: материалы Пятого Собрания Научно-образовательного культурологического общества 27—29 апреля 2011 г. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С. 220—238.
5. Смирнов Г. С. Образование ноосферы: локальное мёбиус глобальное. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. 418 с.

РЕЦЕНЗИЯ

В. А. Евсеев

**РЕЦЕНЗИЯ на кн.: ARS HISTORICA. Сборник трудов
в честь Олега Федоровича Кудрявцева / сост. и отв. ред.
А. К. Гладков. М.; СПб.: Центр гуманитарной инициативы, 2015.
566 с. (MEDIAEVALIA)**

V. A. Evseev

**REVIEW on the book: ARS HISTORICA. The Collection of works
in the honor of Olega Fedorovicha Kudryvceva / Compiler and editor
A. K. Gladkov. M.; SPb.: Center of humanitarian initiative, 2015.
566 p. (MEDIAEVALIA)**

В серии MEDIAEVALIA вышел очень интересный сборник научных трудов — ARS HISTORICA. Это действительно творчество большого коллектива разноплановых исследователей, что, в частности, отражается и в тематике разделов, которых в сборнике насчитывается 7, и в общем количестве статей — 29.

Первый раздел самый большой по количеству статей — 7, но по объёму две статьи (И. В. Дубровского и Б. Н. Флоря) всего лишь на 5 и 6 страниц соответственно. В то же время в четвертом разделе статья И. Е. Андропова насчитывает 44 страницы. Большая часть представленных в сборнике исследований затрагивает эпоху Средневековья и Нового времени (V—XVIII вв.) и лишь только 2 статьи посвящены более современному периоду — 40-м годам XX в. Обширны не только хронологические рамки представленных в сборнике материалов, но и их территориальный охват — Россия, Европа, Америка.

Такое разнообразие материалов определило и наш подход к их рецензированию. Постараемся дать обзор каждого раздела, но обратимся лишь к наиболее значимым и интересным с нашей точки зрения статьям.

В первом разделе «Россия и мир в исторической ретроспективе: образы, представления, стереотипы» можно выделить несколько интересных материалов. Во-первых, наше внимание привлекли две статьи, посвященные раннесредневековой Руси. Небольшая по объёму статья А. А. Горского «Империя франков и становление древнерусской государственности (к постановке проблемы)» носит в значительной степени дискуссионный характер. Это отражено и в самом названии — к постановке проблемы. Те факты, которые автор статьи приводит в качестве доказательства влияния империи франков на становление государства у восточных славян, очень зыбкие и их трактовка достаточно спорна (о родстве Рёрика и Рюрика с. 17). Однако А. А. Горский

© Евсеев В. А., 2020

действительно обратил внимание на проблему взаимодействия разных этнических ареалов в раннесредневековой Европе.

В следующей статье В. А. Антонова «Киев как *metropolis civitas* Русской земли», автор главной задачей ставит научную проблему перевода выражения *metropolis civitas* в труде Адама Бременского (с. 22). Тщательно анализируя его сочинение и произведения других иностранных церковных авторов той эпохи В. А. Антонов, отмечает, что Адам Бременский употреблял *metropolis* и *metropolis civitas* как обычные церковные термины его духовно-исторической эпохи. Поэтому Киев для него являлся церковно-административным средоточием Русской земли, город в котором находится ее главная церковь, *metropolis* (с. 35). Подводя итоги своего исследования В. А. Антонов совершенно справедливо отмечает, что в X—XIII веках, Киев и в самом деле являлся в понимании иноземцев главным городом руси и Русской земли. Но только это свое понимание они выражали не словами *metropolis civitas* или *metropolis*, которыми обозначали присутствие в Киеве Русской митрополии, духовного и церковно-административного средоточия «всей Русской земли православного христианства» или «русского христианства», а посредством слов, которые по понятиям их времени, определяли главенствующее, первенствующее, правительственное значение города любого народа и его земли (с. 43—44). Данный вывод с нашей точки зрения вполне логичен и обоснован.

Далее в первом разделе наше внимание привлекла статья Т. Л. Лабутиной «Англофильство и англomanия в России в XVI—XVIII вв.». Известная исследовательница не первый раз обращается к проблеме культурных связей Англии и России в эпоху Нового времени. Её интересовало, каким образом российское общество относилось к привнесённым с Запада, в первую очередь, из Англии элементам европейской культуры, и действительно ли британское влияние было настолько сильным, что привело к зарождению англофильства и англофильства в нашей стране (с. 72). Автор подробно рассматривает проанглийские симпатии Ивана IV и Бориса Годунова. Поэтому Т. Л. Лабутина считает, что в годы правления этих царей происходило зарождение англофильства и англофильства, что явилось закономерным и объективным процессом (с. 99). Петр I, который, как она отмечает, единственный из всех русских правителей более всех следовал британским образцам в своей деятельности, а поэтому полным основанием мог быть причислен к англофилам. Екатерину II автор статьи, вслед за В. О. Ключевским и Н. А. Ерофеевым, считает галломанкой (с. 93), хотя среди ее окружения были англофилы, но они не имели широкого распространения (с. 99).

В статье В. Л. Малькова «Ни мира, ни войны. Джордж Фрост Кеннан о России и русских без дури и предубеждений» наиболее интересен сам факт публикации выступления Джорджа Кеннана на Совете по внешней политике от 7 января 1947 г. и его оценка положения в России. В. Л. Мальков отмечает, что Джордж Кеннан дает в своем выступлении трезвую оценку советской модели развития, ее сильных и слабых сторон (с. 110).

С нашей точки зрения первый раздел оказался более интересен по своей проблематике. Следующие три раздела объединяет эпоха Возрождения и Реформации, хотя они, конечно, разные по проблематике.

Второй раздел «Феномен Ренессанса в истории европейской культуры». Авторы статей в нем — признанные отечественные исследователи по проблемам Возрождения. В статье Н. В. Ревякиной «Библиотека Джаноццо

Манетти» отличается логичностью, обоснованностью в изложении материала, широким охватом литературы по проблеме. Автор пишет, что книги из библиотеки Манетти были основой его творческой работы (с. 135). Это же положение Н. В. Ревякина заявляет и в качестве выводов, считая книжное собрание Манетти рабочей библиотекой гуманиста (с. 138).

Статья Ю. П. Зарецкого «Героическое “Я” Бенвенуто Челлини» в большей степени полезна ее историографическим обзором, нежели показом героической фигуры Челлини, о котором действительно написано достаточно много. Поэтому первые 6 страниц статьи из 20 более информативны с точки зрения обзора литературы о фигуре Бенвенуто Челлини.

Саратовская исследовательница И. Я. Эльфонд обращается к фигуре и творчеству Агриппы д'Обинье — известного французского поэта, историка и политического деятеля эпохи гугенотских войн. Проанализировав его разнообразное сочинение, автор статьи приходит к выводу, что творчество Агриппы д'Обинье отразило и кризис ренессансного идеала, и трагическую ломку представлений о мире и новое восприятие и оценку природы. По его убеждению, мир враждебен человеку, он находится в непрерывной борьбе. Далее И. Я. Эльфонд отмечает, что поэт уже предвосхищает барокко, и все же его творчество вполне вписывается в рамки «Трагического гуманизма» (с. 190—191).

Третий раздел «Визуальный код в эпоху Возрождения: к уяснению историко-культурных смыслов» начинается с небольшой по объёму статьи И. Х. Черняка «Иконография рельефа “Истории Ноя” на Райских дверях Флорентийского баптистерия: Амброджо Травесари и вторая Оригенова гомилия в книге Бытия». В этом кратком сообщении автор повествует о воздействии идей патристики на ренессансную иконографию на примере рельефа Лоренцо Гиберти «История Ноя» на Райских дверях Флорентийского баптистерия.

Следующая статья Л. М. Брагиной «Городская архитектура в сочинениях гуманистов Флоренции эпохи Возрождения» показалась нам более привлекательной по своей проблематике. Сама автор в самом начале статьи заявляет, что она лишь только намечает дальнейший вектор возможного изучения проблемы. Изменения в архитектуре должны, по ее мнению, сказаться и в сфере слова, отразиться в литературе, которая в свою очередь проявляет небывалый интерес к жизненным реалиям (с. 212). Начинает он с произведений Петрарки и его описания архитектурных памятников в итальянских городах. Затем она обращается к трудам Боккаччо, Бруни, Манетти, Альберти, Пальмиери и заканчивает сочинениями Макиавелли, анализируя их с точки зрения восприятия гуманистами архитектурного облика итальянских городов. Л. М. Брагина приходит к выводу, что данная проблема не всегда была предметом детального рассмотрения в трудах гуманистов. Лишь Бруни, по ее мнению, демонстрирует интерес к градостроительным проблемам и знакомство с терминологией зодчества (с. 225). В заключении автор статьи пишет, что зеркало гуманистической литературы той поры, за редким исключением, оказалось смутным и неполным отражением того, чем была архитектура ренессансной Флоренции, а умение видеть архитектуру шире и глубже сложилось не сразу, лишь после появления труда Леона Батиста Альберти «О зодчестве», и ренессансные представления об архитектуре стали распространяться по всей Италии (с. 226).

Четвертый раздел «Смена веков: новые культурные явления в Европе XVI—XVII вв.» по объёму второй после первого. Наше внимание в данном разделе привлекла статья В. М. Володарского «Специфика диалогов в публицистике ранней Реформации в Германии». Как заявляет сам автор, сочинения в форме диалогов, которые печатались в виде «флугшрифтов», были всегда многостраничны (типа брошюры или памфлета) (с. 259). Говоря о растущей значимости данного вида печатной продукции, В. М. Володарский пишет, что в 1500 г. соотношение книг на латыни и на немецком языке составляло 20:1 в пользу латыни, в 1524 г. уже только 3 : 1. Издания с актуальной религиозной и церковно-политической проблематикой и здесь оттеснили на периферию все иные виды печатных работ (с. 261). Автор и обратился к анализу большого комплекса диалогов вышедших в 1518—1523 гг. на этапе ранней Реформации. В. М. Володарский, верно, отмечает, что в Германии тогда сложилась на короткое время уникальная ситуация: и поборники Реформации, и её противники, стремясь привлечь общественное мнение на свою сторону, были вынуждены апеллировать ко всей массе христианского населения. Четкие различия двух конфессиональных систем и церковных организаций в ту пору полностью ещё не сложились, при всей остроте полемики пока были живы надежды на возможность каких-то компромиссов, и для «рядовых» христиан возникла недолгая возможность сравнительно свободно выбирать, какая трактовка веры им предпочтительна (с. 265).

Основной акцент в своей статье В. М. Володарский делает на освещении двух вопросов: той роли, которую сыграло в становлении специфики этих диалогов творчество немецких гуманистов, и тех проблем (естественно, на примере лишь их части), которые волновали авторов брошюр и их читателей в ранней период Реформации (с. 266). Автор при анализе диалогов в основном опирается на свои предыдущие исследования, вышедшие в середине 1990-х годов и приходит к выводу, что внутри самого реформационного движения назрели предпосылки дальнейших расхождений, раскола, что все сильнее начинают заявлять о себе и различные социальные интересы, что отразится на многогранной проблематике следующей фазы Реформации (с. 284).

Пятый раздел «Меняющаяся Европа: динамика внутреннего развития и культурного самосознания до начала Нового времени» по своей хронологии охватывает более тысячелетия. Он открывается с проблемной статьи известного специалиста по эпохе Великого переселения народов В. П. Будановой «Великие миграции народов: модели и проблемы корреляции». Главная цель этой публикации автор видит в создании рабочей модели типологии миграционных процессов (с. 351). Конечно, феномен миграции находится в поле зрения представителей различных научных направлений, которые формулируют свои подходы и методологию исследования. Именно этот аспект правильно отмечен В. П. Будановой, когда она говорит о междисциплинарности при изучении миграционных процессов (с. 352—353). Автор статьи на основе цивилизационного подхода, который, по ее мнению, в наибольшей степени способствует междисциплинарному диалогу при изучении данного феномена, предлагает четыре модели миграции — переселенческую колонизацию, адаптивное радиальное расселение, вынужденно-принудительное переселение и аттрактивную миграцию (с. 353—354).

Далее В. П. Буданова приступает к рассмотрению этих моделей в исторической ретроспективе. Начинает она с доисторического периода, для которого, по ее мнению, исследователи различных направлений нашли самое

подходящее определение — переселенческая колонизация как движение отдельного вида, расширяющее ресурсные возможности и характерные для данной популяции зоны проживания (с. 354). Сущность данной миграции автор статьи определяет в девизе — «Иду, чтобы выжить» (с. 355). Конечно, это не был целенаправленный процесс, ибо происходило расселение биологического вида.

Следующая модель адаптивного радиального расселения, по мнению В. П. Будановой, основана на стратегии поиска и освоении новой территории с достаточными ресурсами и площадью обитания. При этом существенны многочисленные адаптации, которыми обладали и мирные и военные переселения (с. 358). Это поиск нового витального пространства, в котором существовал народ до появления необходимости переселения, являлись основой в мотивации движения. Для такой миграции автор статьи предлагает девиз — «Иду, чтобы жить» (с. 359). Адаптивно-радиальные переселения характерны для древности и средневековья отмечает В. П. Буданова. Далее она дает примеры такого типа миграций — индоевропейцев, семитов, «народов моря», греческая, кельтская и т. д. Автор, верно, отмечает, что с течением столетий происходят изменения в этой форме переселения от постепенной инфильтрации и адаптации к новой среде обитания к завоеванию новых территорий и переселению на них (с. 366). Наиболее яркий пример такой модели расселения дает Великое переселение народов II—VII вв., где В. П. Буданова выделяет три волны мигрантов — «германскую», «гуннскую», «славянскую» (с. 368). Она вполне справедливо отмечает, что эти переселения утратили характер движения к неизвестному, ибо мигранты хорошо представляли привлекательность и предполагаемые условия жизни в тех местах, куда устремлялись и в динамике их передвижений стала проявляться некоторая организованность (с. 372). После Великого переселения народов II—VII веков характер миграционных процессов меняется кардинально: в передвижениях начала преобладать монодоминантная мотивация. Так её определяет автор статьи. Это миграции арабов, норманнов, славян (с. 373).

Для XVI—XIX вв. В. П. Буданова называет характерной модель вынужденно-принудительного переселения, ибо причины, побуждающие человека к миграции, включали притягивающий и выталкивающий компонент. Девиз такой модели она определяет так — «Ухожу, чтобы выжить» (с. 374). С нашей точки зрения данное определение модели миграции и ее девиз наиболее дискуссионная тема. Сама автор, говоря о специфике переселений XIX в., отмечает экономическую мотивацию перемещений, а через несколько строк пишет об усилении принудительно-насильственного фактора в первой половине XX в. (с. 379).

Послевоенный период существенно изменил характер миграций, пишет В. П. Буданова, превратив движение народов в аттрактивное переселение. Его девиз — «Ухожу туда, где лучше». Преобладающей становиться, по мнению автора, добровольная трудовая миграция (с. 380). Однако это тоже достаточно спорный вопрос. В заключении автор правильно отмечает остроту проблемы миграции, методологии ее исследования, актуальности понятийного инструментария миграционной проблематики. Я не зря так подробно остановился на данной статье, ибо эта тема действительно очень интересна и актуальна.

В этом же разделе заслуживает внимания статья М. В. Винокуровой «Крестьянский фригольд поместья Рочдейл в первой трети XVII в.». Её автор

признанный специалист по аграрной истории Англии раннего Нового времени. Статья отличается очень тщательным анализом источника (описей ланкаширского манора), обработкой его статистических данных, которые вылились в 5 таблиц. Автор, говоря о специфике крестьянского фригольда, отмечает, что этим типом земельного держания могли владеть дворяне, горожане и, конечно, крестьяне (с. 406). Это положение подтверждается данными из табл. 1, где автор говорит о том, что фригольдеров крестьянского типа было в 2,3 раза больше, чем дворян (с. 407). Однако далее М. В. Винокурова отмечает, что площадь крестьянского фригольда явно уступает «благородному» в 2,3 раза (табл. 2. с. 409). Далее автор показывает дифференциацию фригольдеров крестьянского типа (табл. 3), отмечая при этом, что значительное количество держателей (60 %) вело хозяйство на небольшой земельной площади менее 30 акров (с. 411). Однако доход с подобного участка земли, по мнению М. В. Винокуровой, позволял иметь допуск во «фригольдеры с избирательным правом», высота которого составляла 40 шиллингов (с. 414). Подводя итоги своего исследования, автор статьи отмечает, что среднее и мелкое свободное крестьянство в северо-западном регионе Англии в эту эпоху было достаточно обеспеченным. Здесь не было огораживаний столь характерных для этого времени, а изменения происходили внутри самого фригольда, в частности, фригольда благородного, с целью максимально повысить степень материальной обеспеченности наиболее влиятельных его представителей (с. 422).

Шестой раздел «Высокая политика: локальные интересы, семейные стратегии, глобальные расстановки» объединяет слишком разные сюжеты. Особенно это касается, по нашему мнению, семейной стратегии герцогини Мальборо, т. е. статьи Е. В. Иерусалимской, ибо она выбивается из общего контекста раздела. Наиболее интересной в нем оказалась статья Т. П. Гусаровой «Венгерский вопрос и венецианская дипломатия перед лицом турецкой угрозы в первой трети XVI в.». Основное внимание в статье уделяется усилиям венгерского короля Яноша I Запольяи, который добивался от Порты признания его власти над Венгрией при активном посредничестве венецианской дипломатии. Поворотным пунктом всех этих дипломатических перипетий Т. П. Гусарова считает события лета 1527 года, когда оставленному всеми европейскими «благожелателями» Яноша Запольяи не оставалось ничего другого, как обратиться за поддержкой к султану (с. 454). Далее она вполне справедливо указывает на важную роль венецианской дипломатии и, в частности, Алвиза Гритти, как посредника в признании султаном Яноша Запольяи королем Венгрии и формально сохранившим свою независимость от Порты (с. 478).

Седьмой заключительный раздел «Вглядываясь в собственное отражение: историографическая рефлексия между прошлым и настоящим» очень небольшой по объёму. Открывается он статьей известного медиевиста и методолога Л. П. Репиной «Между памятью и ожиданиями, или Три модуса времени в историческом сознании». Эта работа носит методологический характер. Автор отмечает, что в последние десятилетия существенно продвинулись исследования сложного феномена исторической культуры (с. 505). Л. П. Репина рассматривает понятие исторического сознания в междисциплинарном пространстве социально-гуманитарных наук, опираясь на анализ трудов Ю. А. Левады, М. А. Барга, Ю. М. Лотмана и др. Автор в заключении отмечает, что «теория культурной памяти, или исторического сознания»

объясняющая базовую процедуру осмысления прошлого, является отправным пунктом для межкультурного сравнения (с. 515).

В этом разделе наше внимание привлекла ещё одна статья — Н. А. Селунской «Ценности цивитас и ценность права: проблемы современной историографии». В этой работе рассматриваются представления о правовых ценностях, принятых в данном обществе. Автор статьи пишет, что есть основания связывать развитие цивитас и цивилиности в Средние века с развитием ценности письменного права (с. 516). Н. А. Селунская, анализируя современную итальянскую историографию и городские статуты, приходит к выводу, что в области правового развития наиболее значимым результатом роста итальянской средневековой коммуны стало формирование ее собственного законодательства и создания символических ценностей социума (с. 529).

В заключении еще раз следует отметить высокую научную ценность и разнообразие материалов, представленных в сборнике. Это издание действительно является значительным вкладом в отечественное искусство написания истории.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артемьева (Одинцова) Алёна Алексеевна — аспирант кафедры философии. Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. a.a.odintsova@mail.ru.

Artemyeva (Odinstova) Alena Alekseevna — Post-Graduate Student of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. a.a.odintsova@mail.ru

Горелов Олег Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории литературы и культурологии, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. og-rus@inbox

Gorelov Oleg Sergeevich — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory, History of Literature and Cultural Studies of the Philological Faculty, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. og-rus@inbox

Девятайкина Нина Ивановна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова, Россия, г. Саратов. devyatay@yandex.ru

Devyataykina Nina Ivanovna — Doctor of History, Professor of the Saratov State Conservatoire, Russia, Saratov. devyatay@yandex.ru

Евсеев Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. yevseyev@mail.ru

Evseev Vladimir Aleksandrovich — Doctor of History, Professor the Department of Global History and International Relations, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. yevseyev@mail.ru

Ермилова Галина Георгиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории литературы и культурологии, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. ermilova-galina@mail.ru

Ermilova Galina Georgievna — Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, History of Literature and Cultural Studies of the Philological Faculty, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. ermilova-galina@mail.ru

Киреева Елена Закировна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Россия, г. Тула. 189107032507@yandex.ru

Kireeva Elena Zakirovna — Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Documentation and Stylistics of the Russian Language, Tula State Pedagogical University, Russia, Tula. 189107032507@yandex.ru

Костылёва Елена Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. elkos-ty-le-va@mail.ru

Kostyleva Elena Leonidovna — Candidate of History, Associate Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. elkos-ty-le-va@mail.ru

Летина Наталия Николаевна — доктор культурологии, профессор кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Россия, г. Ярославль. liotina@yandex.ru

Letina Nataliya Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Professor, Chair of Cultural Studies Department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Russia, Yaroslavl. liotina@yandex.ru

Манукян Эдуард Мгерович — соискатель кафедры всеобщей истории Ивановского государственного университета; преподаватель колледжа Московского педагогического государственного университета (МПГУ), Россия, г. Москва. manukyan_33@mail.ru

Manukyan Eduard Mgerovich — Teacher of the College of Moscow Pedagogical State University, Russia, Moscow. manukyan_33@mail.ru

Минева Сильвия — доктор философских наук, профессор кафедры логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета имени св. Климента Орхидского, Болгария, г. София. silvia_mineva@abv.bg

Mineva Silviya — Doctor of Philosophy, Professor of Ethics Department of Logic, Ethics and Aesthetics Philosophy Faculty, Sofia University “St. Kl. Ohridski”, Bulgaria, Sofia. silvia_mineva@abv.bg

Серикова Татьяна Юрьевна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры дизайна Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Россия, г. Красноярск. serikova_72@mail.ru

Serikova Tatyana Yuryevna — Candidate of Art Criticism, Associate Professor, Department of Design, Institute of Architecture and Design, Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk. serikova_72@mail.ru

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. dissovet_212@mail.ru

Smirnov Dmitry Grigor'evich — Doctor of Philosophy, Professor, Chair of Philosophy Department, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. dissovet_212@mail.ru

Третьякова Ирина Юрьевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры отечественной филологии, Костромской государственной университет, Россия, г. Кострома. trirfr@mail.ru

Tretyakova Irina Yuryevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Philology, Kostroma State University, Russia, Kostroma. trirfr@mail.ru

Уткин Александр Витальевич — внештатный сотрудник Археологического научно-образовательного центра, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. u_two55@mail.ru

Utkin Altxander Vitalievich — Freelance employee of the Archaeological scientific-educational center, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. u_two55@mail.ru

Фокина Мадина Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной филологии, Костромской государственной университет, Россия, г. Кострома. madi.fokina@mail.ru

Fokina Madina Alexandrovna — Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Philology, Kostroma State University, Russia, Kostroma. madi.fokina@mail.ru

Юдин Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, исполнитель по гранту, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры истории России Ивановского государственного университета, доцент кафедры истории и культурологии, Ивановский государственный химико-технологический университет, Россия, г. Иваново. kirill-yudin.hist@mail.ru

Yudin Kirill Alexandrovich — Candidate of History, Grant Performer, St. Petersburg State University, Associate Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Associate Professor of the Department of History and Cultural Studies, Ivanovo State University of Chemical Technology, Russia, Ivanovo. kirill-yudin.hist@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)).

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.).

Периодичность издания – четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

1) текст статьи с аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языке;

2) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученые степень и звание, должность и место работы / учебы или соискательства – на русском и английском языках; домашний и служебный адреса, номера контактных телефонов, адрес электронной почты);

3) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля: верхнее – 2,7 см, левое и правое – 4 см, нижнее – 4,6 см; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 11; межстрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы – не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи – не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

В верхнем левом углу индексы УДК и ББК.

На следующей строке в верхнем правом углу *полужирным курсивом* (Times New Roman 12) – *инициалы и фамилия автора* статьи на русском и английском языках.

Через интервал название статьи – выравнивание по левому краю, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом**, Times New Roman 12 – на русском и английском языках.

Через интервал аннотация на русском и английском языках (150–250 слов) – Times New Roman 10; словосочетание «*ключевые слова*» и «*key words*» – *полужирным курсивом* – Times New Roman 10, сами ключевые слова и/или словосочетания на русском и английском языках (5–6) – Times New Roman 10.

Далее через интервал – основной текст.

После основного текста через 1 интервал следует *Список литературы* (Times New Roman 10, ФИО авторов *курсивом*). Список литературы формируется по алфавитному принципу, нумерация порядковая.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1–2003, 7.0.5–2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс – даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически;
- между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);

- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Порядок рецензирования рукописей статей

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя/консультанта. Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью (присылаются сканом на электронную почту).

О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций.

Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, цельсообразность публикации статьи.

Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев.

При наличии отрицательной рецензии на рукопись статья отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Не допускаются к публикации в научном журнале статьи:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- содержащие недобросовестные заимствования;
- представленные без соблюдения правил оформления публикаций;
- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакционная этика

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие *этические правила сотрудничества редколлегии и авторов*.

Для авторов:

- авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе;
- автор подтверждает, что его материалы публикуются впервые, не представлены в несколько журналов одновременно, а также не содержат плагиат в какой-либо форме;
- все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, должны быть указаны как соавторы;
- авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или любые другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в «Вестнике ИвГУ».

Для редколлегии:

- журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики;
- редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента:

- рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументированно выражать свое мнение, неприемлема персональная критика автора(ов);
- рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, рецензент не может использовать в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, д. 37/7, к. 406.

Более подробная информация – на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
**Серия «Гуманитарные науки»
2020. Вып. 2**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
корректоры *В. А. Киселева, М. В. Серебрякова*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.06.2020 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 11,9.
Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 30 экз. Заказ № 71. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета

Научный журнал

В соответствии с тематикой научных исследований журнал издается в 3 сериях:

- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ - 4 ВЫПУСКА
- ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ - 2 ВЫПУСКА (online)
- ЭКОНОМИКА - 4 ВЫПУСКА (online)

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным, общественным,
естественным и техническим наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит ежеквартально